

Виктор Фет

ИЗВЕСТНОЕ НЕМНОГИМ

НОВОСИБИРСК
АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО "ГЕО"
2013

УДК 8-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
Ф45

Виктор Фет. Известное немногим / В. Фет. — Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2013. — с. — ISBN

Об авторе

Поэт, биолог. Родился в 1955 г. Окончил Новосибирский университет в 1976 г. До 1987 г. работал в Средней Азии, с 1988 в США. Преподаёт биологию в Университете Маршалла (Хантингтон, Западная Виргиния). Публиковался в периодике США, Германии, России, в основном в журналах «Литературный европеец» и «Мосты» (Франкфурт), а также в литературных ежегодниках «Встречи» и «Побережье» (Филадельфия), «Альманах Поэзии», «Связь времён», «Зеркало» (Калифорния), «Глаголь» (Париж); в ежегодном альманахе НГУ «К востоку от солнца». Один из авторов антологии «Общая тетрадь. Из современной русской поэзии Северной Америки» (М., 2007). Книги: «Под стеклом» (2000), «Многое неясно» (2004), «Отблеск» (2008). Первым перевёл на русский язык «Охоту на Снарка» Л. Кэрролла (перевод закончен в 1982, опубликован в 2001). Стипендиат международного Хоторнденского фонда литераторов (Шотландия, 2001). Лауреат премии журнала «Литературный европеец» (2009).

Интернет: <http://victorfet.com>, www.ggause.com.

ISBN

© В. Фет, 2013

© Оформление. Академическое
изд-во «Гео», 2013

«καὶ τὰ γνῶριμα ὀλίγοις γνῶριμά ἐστιν...»
«даже известное известно немногим...»

Аристотель, «Поэтика», 335 г. до н.э.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Потёмкин	10
Минуты	14
Песня старика, собирающего бутылки.	15
Подражание Шамиссо.	17
Мысли	18
Колыбельная для Августа	19
Р. Данову	20
Правнуку	22
Памяти Галича	24
Кошмар	25
XX век (серия гравюр)	26
1953	27
Биологи	28
Переводчику	30
Тропа	33
Стансы к Януарию.	35
Поля и силы, и сны	37
Helen	40
Линней	41
Фабр	43
Поэтам древности	44
Ваза Дервени (музей в Фессалониках).	45
Углерод	46
Галилей	47
Теорема.	49

Сон.	51
Песня пути.	52
Рим.	54
Многое неясно	55
Гистология	57
Актёр	59
Новые времена.	60
Тайна	62
Кавказ	63
Путевые заметки	65
Трактат.	68
В музеях будущего	71
Новогодняя баллада.	72
Начало	74
Памяти Окуджавы.	75
Лета	76
У перехода	77
Бадхыз и Репетек	79
Перевод (хор для спектакля)	80
Криквяжское	82
Форма жизни.	84
Мир странен.	85
Геккель	86
Уэллс	88
Луч памяти.	89
Пролог к спектаклю.	91
Пока есть время.	92
Театр.	93

Известное немногим	94
Песня Городничего	96
Гоголь	97
Орфей	98
Остров Тассос	102
Давно	103
Глоток	105
Откуда?	107
Итоги	108
Баллада о машине времени	109
Иванушка	111
Источник	113
След	114
Анатомия растений	115
Эволюция растений	116
Волна	117
Отблеск	119
Слои	120
Подстрочник	121
Глаголы	122
Встреча	123
Теория	125
Теперь	128
Потом	129
Алхимик	130
Открытие доктора Кулакова	132
Натурфилософ	134
Колыбельная	135

Вот, значит, как	136
Статья	137
Кассини	139
Залив	140
Язык природы	141
Наследство.	143
В былые времена	144
Восемь минут	146
Rustica	148
Берег	149
Зимняя картина	150
Замысел	151
Прогноз	153
Письмо Шувалову.	154
Детская песня	157
Видение	158
Сад	160
Станционный смотритель	162
У берегов	164
Материалы к отчёту.	165
Глюк	166
Строка	169
Наследие	170
Дорожная песня.	172
Река	173
Не будет.	175
Тайны природы	173
Путешествие	180

Немое кино	182
Скажи	183
Предел	184
Одна из них	185
Наш театр	186
Корфу.	188
Календарь	189
Наверно	191
Пламя	192
Остров Милос	193
Корабли живописцев	195
Оставляю	197
Дальние края	198
Ночная песня	199
По эту сторону.	200
Частица	201
Камень	202
Лучи.	203
Носители	204
Февраль	206
Мой мир.	207
Поэмы	
Генезис	210
Набоков и Холодковский	221
Дневник Берга	227
Натуралист.	233
Долина доля, или Мутантный Мутон.	265

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОТЁМКИН

Цикады звон и пыльный шлях,
Где грушею на карте юга
Повиснул Крым, увяз в степях.
Нет у Потёмкина досуга,
Но вера есть и нету страха.
Вдоль за обочиною шляха
Стоят остовы деревень.
Цикады звон и жаркий день.

П о т ё м к и н .

Не трону честь Екатерины,
Но и свою не дам в обиду.
Туманна пыль дороги длинной
От Петербурга до Тавриды.
Адмиралтейская игла
Порой невидима в тумане,
Но твёрдо знаем, что была,
И некого винить в обмане.
Она является на миг,
Когда природа своенравна.
Так я искусство лжи постиг
И в суть его проник недавно.

Ложь — это правда на момент;
Мгновенна ложь, а правда вечна.
Ложь всякой правды элемент
И в данном миге безупречна.
Что верно в этот интервал,
То ложно в следующий будет,
Но зритель быстро позабудет,
Что ложь он правдою считал.
Так я свои лелею планы
Создать подобие тумана,
Чтоб мигом лжи всю Русь покрыть.
Как долгод миг? Пока мне жить.
После меня — пускай потоп.
Я свой верчу калейдоскоп,
Где кривда с правдою вдвоём
Узоры чертят под стеклом,
Где кривды миг и правды миг —
Вот европейский политик!

Г р а ч ё в .

Прости, Потёмкин, перерву:
Ты, верно, бредишь наяву.
Твой политик на дурь похож —
Потребна ль в государстве ложь?

Приказ: послать в Сибирь кого-то —
Бери ж и шли его туда;
Приказ: построить пакетботы —
Руби же лес и строй суда;
Приказ: посланье за границу —
Враньё пристойно ли писать?
Приказ: ответственать царице —
Ужели здесь возможно лгать?!

П о т ё м к и н .

Отвечу: вы не уяснили,
Что ложь лишь миг бывает в силе,
А миг достаточен всегда,
Чтоб не почувствовать стыда.

Стояли призрачные хаты
От жизни в нескольких шагах.
Шагал по шляху князь проклятый.
Проклятый князь и пыльный шлях.
Напоминая наважденья
И злые утренние сны,
Стояли плоские творенья
Без толщины, без глубины.
Они от ветра чуть качались,
Скрипели каждою доской,
И от театра отличались
Огромным небом над собой.

Освещены нездешним светом,
Среди взаправдашних степей
Стояли рамки для портретов,
Стояли рамки от людей.
Он шёл, по зарослям полыни
Ступая твердою ногой.
Над ним вздымался купол синий
И солнце в клетке золотой.
Пленённой птицей в небесах
Оно рвалось из них наружу
И отражалось в каждой луже.
Цикады звон и пыльный шлях.

(1975)

МИНУТЫ

Я каждую свою минуту
Тугою стягивал петлёй —
И те, что передал кому-то,
И те, что пережиты мной.

И над асфальтом, и над степью
Минуты плыли ровной цепью,
Но были стянуты узлом
Не на разрыв, а на излом.

Я так боялся эту нить
То натянуть, то отпустить,
И не дал сердцу своему
Идти, как хочется ему.

А боль в груди и ком в устах
Привык считать за чуждый страх,
И жизнь была мне так ясна,
Как ясен сон во время сна.

(1975)

ПЕСНЯ СТАРИКА, СОБИРАЮЩЕГО БУТЫЛКИ

Е. Жданову

Когда общежитья украшены флагами,
А также порою и в будничный день,
Я, как привиденье, брожу за общагами,
Кого-то из вас одряхлевшая тень.
Стою под балконом бездомной собакою
И в пьяные окна ору:
«Бросайте бутылки — зелёные, всякие;
Любую посуду беру!»

Зелёные стекла, зелёное солнышко,
Пустые бутылки стучат в рюкзаке;
Я всё подберу — и разбитое доньшко,
И горлышко той, что ты держишь в руке.
Об стенку удар — и пробка выскакивает,
И льётся вино по кровавым рукам;
Бросайте бутылки — зелёные, всякие;
Я всё подберу и продам!

В угаре хмельном только это спасение —
Бутылок пустых по углам не считать,
И выбросить всё, что набрал в воскресенье,
Чтобы в понедельник по новой начать!
Над кем-то смеются, кого-то оплакивают,
В кого-то плюют в повседневном чаду;
И кружатся лица — зелёные, всякие,
И я под балконы иду.

Бросайте любовь и бросайте доверие!
Бросайте мечты, непривычные вам!
Бросайте быстрее, бросайте увереннее —
Я всё подберу и продам!
В мешке моём души пустые позвякивают,
Пустые, глухие, прожжённые до белизны.
Бросайте идеи — гуманные, всякие;
Лишь крепкая глотка и зубы нужны!

Пусть зубы мои одряхлели давно и повыпали,
Но молоды ваши, как этому следует быть.
Бросайте грустить! Вы ещё недостаточно выпили:
Бутылки нужны старику — значит, следует пить!
И стёкла общаги от грохота вздрагивают,
Когда под окном вечерами стою,
И ваши дрожащие руки в котомку мою
Бросают бутылки — зелёные, всякие...

(1976)

ПОДРАЖАНИЕ ШАМИССО

Г. Н.

В мой герб входили две травы,
Как и во многие гербы:
Трава ковыль — трава молвы,
Трава полынь — трава судьбы.

Когда мой прадед был живой,
Он знался с третьей травой,
Она была желта, легка —
Трава удач, тропа стрелка.

И в детстве свет полынь лила
И лунной горечью была,
Но ни ковыль, ни зверобой
Не дали власти над судьбой.

Полынь сухая голуба,
В гербе очерчена судьба,
Бумага стерпит все слова,
Но где четвёртая трава?

(1978)

МЫСЛИ

Смыть слова зовётся смыслом —
Смысла вал встаёт из мглы.

Мысы слов зовутся мысли —
Слова острые углы.

Вымыть мысли из песка —
Это вымысла крупницы.

Запах мысли — песня птицы,
Замысел черновика.

Поле мысли в жёлтых листьях —
Это помыслы ума.

Доля мысли в круге истин —
Это домыслов туман.

Умиранье мысли тайной —
Это умысел случайный.

Проба мысли там, где тьма —
Это промысел ума.

(1978)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ АВГУСТА

У Густава фон Августа
В гербе четыре лилии,
А к берегу направился
Кораблик из Бразилии.

Привёз он фрукты разные,
И всё, что было вкусного,
Для Густава фон Августа,
Для Августа фон Густава.

У Августа фон Густава
В гербе четыре яблока,
Уплыл корабль в Америку,
Уплыл кораблик надолго.

Уплыл кораблик маленький
В далёкую Бразилию,
Где золотые яблоки,
Серебряные лилии.

Осталась только песенка,
И вот она — пожалуйста,
Для Августа фон Густава,
Для Густава фон Августа.

(1978)

Р. ДАНОВУ

Вечный скульптор Вишвакарман
Зачерпнул земли небесной,
Взял воды он из колодца,
Две тростинки, горсть песка.

Из земли он сделал Землю,
Из воды он сделал Небо,
Из песка людей он сделал,
И богов — из тростника.

А когда всё развернулось,
Осветилось, завертелось,
Вечный скульптор Вишвакарман
Удалился на покой.

Он покойствовал недолго
На полярных глыбах льда.
Входит Шива, плачет Шива,
Говорит: «Беда, беда!

К людям Змей познания послан,
Научил рожать детей,
И украл им солнце с неба
Грек по кличке Прометей!

На свирели и на копья
Разломали тростники,
Разнесут они, пожалуй,
Всю вселенную в куски!»

Огорчённый Вишвакарман
Выбрался из льдов полярных,
Взял в ладони океаны
И на землю их пролил.

Утонули в море люди,
Утонули звери, боги,
Только старый Утнапиштим
Уцелел с семьёй своей.

В уютной лодочке с мотором
Плавал он по океану,
Доставляя контрабанду
По маршруту Рим — Гонконг.

И когда на грешной суше
Было смыто всё живое,
Уцелели его дети,
Две жены и три кота.

Новый мир после потопа
Заселило их потомство,
И он, право, был не хуже,
Чем прошедший вариант.

(1982)

ПРАВНУКУ

Что день, ты за перо берёшься снова —
Скажи, зачем ты пишешь? Для кого?
Мне прадед мой не написал ни слова,
И я о нём не знаю ничего.

Мулату не хватает маниоки,
Японцу — места на своей земле,
А я надеюсь, что не станут строки
Мои — пыжом в охотничьем стволе.

Употребляйте «Правду» на подтирку
(Бумаги туалетной — дефицит),
Но то, что я стучу через копирку,
Пусть правнук мой с любовью сохранит.

Японец удовольствуется садом,
Но правнук мой в архив меня не сдаст —
Сквозь глубину времен сибирским холодом
В него дохнёт наш век-энтузиаст.

Быть может, он поймёт сквозь эти строки,
Что было нам важнее маниоки,
Зачем я для себя того не жду,
Чем жив японец в призрачном саду.

Мы пишем — сообща и в одиночку.
Всё это кем-то будет сожжено.
Чтоб правнук мой прочёл хотя бы строчку,
О, сколько быть написано должно!

(1983)

ПАМЯТИ ГАЛИЧА

Десять лет как лежу в изгнании
Я в холодной земле во Франции.
На дворе опять осень ранняя.
Что вам снится? Чему вы радуетесь?

Не нужны вам певцы-заступники,
Всё вы видели, всё провидели.
И поэты для вас — преступники,
И родные отцы — правители.

Кто ж за вас заступится, пьяненьких,
Одураченных да огорошенных,
Страхом ядерным одурманенных
Да афганским песком припорошенных?

В марте водкой столы уставлены,
Всё тоскуют, что рано помер он,
И мелькают портреты Сталина
На машинах с московским номером.

Век двадцатый уже кончается,
Наши внуки уже венчаются.
Что же вы ничего не поняли,
Ничего из грязи не подняли?

(1984)

КОШМАР

Нету файла на дискете,
Не спасён, не сохранён.
Скушно, жутко жить на свете
Средь прогресса всех племён.

Чу! Молчат в могилах предки
Среди гибнущих полей.
Тихо плаваются дискетки,
Вспыхнув, гаснет мой дисплей.

На экране знак «ошибка»
Загорелся и потух.
Не плескает в речке рыбка,
Не ласкает песня слух.

Нет ни офиса, ни хаты —
Только замки на песке.
Лишь дисплеи полосаты
Зажигаются в тоске.

(1997)

XX ВЕК

(серия гравюр)

У героев Жюль Верна всё так просто и верно —
Нет ни тени для них, ни изнанки —
Ни на дне океана, ни в жерле вулкана,
Ни внутри межпланетной жестянки.

Век двадцатый так ясен, так он чист и прекрасен,
Он залит электрическим светом,
Человеческий разум истребит всю заразу,
Брюк нашьёт, оросит всю планету.

От Янцзы до Дуная — всё Европа сплошная,
Нет нигде ни царя, ни холопа,
Но у всех есть парламент, ну, а в нём — свой регламент
Без порядка — какая ж Европа?

Там, в начале у века — Блок, фонарь и аптека,
Снег, серебряный век и форели,
Маскарад именитый — и случайно забытый
Образец на столе Беккереля.

Не плаща и не шпаги след на фотобумаге,
И не виден он без проявления —
Но пятно, как Европа, от лучей изотопа.
На лице у людей — удивленье.

(1997)

1953

Дольше, чем свету бежать от звезды до земли,
Больше, чем льдистых снежинок накопит февраль,
Странная, словно набросок картины Дали,
Свёрнута сонной пружиной двойная спираль.

— Элементарно, мой Watson. — Послушайте, Crick: Детский конструктор, фольги и фанеры немного, Сделай двойную модель и застыть у порога, Будто бы я за пределы Вселенной проник.

Умер диктатор, но жив органический атом;
Кодом помечен и гений, и всякая шваль.
Всё, что растёт, и кричит, и ругается матом —
Всё заключает в анналы двойная спираль.

— Что ж в этом коде, мой Watson? — Ах, Crick, посмотрите:

На элементов разменную мелочь скупясь,
Вся ДНК — лабиринт, пуще Кносса на Крите,
Нить Ариадны — её ковалентная связь.

— Тянет на Нобелевку. — Really? Больно уж гладко.
Не водородная ж бомба. — Ну, хоть на медаль.
Как говорил Пастернак — вот вам, принц, и разгадка.
Связью времён проступает двойная спираль.

(1997)

БИОЛОГИ

Г.Г. Гаузе

Двести лет мы идём — наобум, напролом,
Нам немало видать в микроскоп.

Инфузорий стремителен бег под стеклом,
И медлительна поступь амёб.

Мы недавно их только признали роднёй;
У природы сегодня, видать, выходной.
Отменяем мы Дарвина с горя,
Что никто не выходит из моря,
И геном за геномом по нотам знакомым
Повторяется песней одной.

Нам и Вирхов, и Морган — святые отцы,
Нам с природой тягаться не споро;
Так оно бы и ладно — в море спрятать концы,
Тридцать витязей и Черномора;

Но штампуются новые виды
От планктона и до Атлантиды,
Мы не милостей ждём от планиды,
А клонируем гены овцы.

За компьютеров наших тупой интеллект
Мы навесим себе аксельбанты,
Но когда-нибудь кончится этот проект
И природа прикроет нам гранты;
И ни сон, ни звезда не помогут тогда —
Нас туда не возьмут в эмигранты.

Но возможны ещё варианты.
Человеческий мозг не истлел, не погиб —
Он всегда начинает по новой.
О потомки! для вас силиконовый чип —
Что для нас наконецник кремнёвый.

Через тысячу лет нас припомнит поэт;
Нарисует; запишет; издаст.

Под стеклом микроскопа о чём-то поёт
Зелёный, как жизнь, хлоропласт.

(1998)

ПЕРЕВОДЧИКУ

Г.Г. Гаузе

Из-за морей, с других широт,
Где люди ездят на собаках,
Придут безликие слова,
Написанные на бумажке
На языке пчелиных сот
В нелепых клинописных знаках.
Мне принесёт её в фуражке
Безумный чин, открывши рот.
В другом регистре, на ходу,
Я живо всё переведу.

Смятенье! родился вулкан;
Разверзлись хляби; смерть Помпеи.
Я поднимаю свой стакан
За переводы эпопеи,
Где войн и тайн случаен лик.
И таен телеграмм язык,
Что тает айсбергом в стране,
Где говорят по-канцелярски,
Где жарят шашлыки по-карски,
Где продают страну по-царски,
И водку пьют наедине;

Где я лежал себе на травке
И поначалу верил Кафке;
Где крепок кнут временщика
И гнусна песня ямщика.
Там тают льдины языка,
А тектонические плиты,
Вниманием обойдены
И населением забыты,
Трещат под бременем страны.
Не в языке, пожалуй, дело,
А в том, что век сломал сустав,
Набор рассыпан, и состав
Застыл на запасных путях,
И Атлантида охладела.
А мы всё пьём на радостях.

Да и взглянуть бы на луну —
Что толку? Воет пёс голодный.
К нему космополит безродный
Приравнен был, что в старину,
Безумный Лир, артист народный,
Играл для тех, чья была мутна.
И право, странная страна.
Вернёмся к нашим буквам, ибо
Их отличаем невпопад,
Как Ниагарский водопад
От кандагарского талиба
(Как бы явления в природе).

Нам Киплинг в смелом переводе
Внушал не раз или не два
Колониальные слова,
Но нету твёрдости в народе,
И *бремя белых* не для нас,
Как *комильфо* иль *ватерпас*.
Но жизнь по-прежнему сурова.
И, кажется, наверняка
И навсегда (какое слово!)
Все языки и буквы света
Попались в сети Интернета,
Как щука в невод рыбака.
Хватают жабры кислород,
Да он не тот. Уж боль пропала,
И пузырьками из бокала
Исчез навеки перевод.
В компьютер вставлен код единый,
С картинками для разных стран,
И род людской с наивной миной
Всё тычет пальцами в экран.
Пустырь. На всём — печаль разлуки.
Лишь иногда шальные звуки
Припомнит новый человек,
Вскричит: какие люди были!
Да упадёт на дно бутyli,
Как древний римлянин и грек.

(1998)

ТРОПА

Куда ведёшь меня, тропа?
Скажи мне, не идёшь ли ты
От Геркулесова столпа
До Ахиллесовой пяты?

Во тьме смятений и систем
И в ожидании суда —
Кто проложил тебя, зачем,
Когда, а главное — куда?

Здесь дух Европы не потух,
И по тебе идут, смеясь,
И дерзкий шут, и гордый князь,
И Дон-Кихот, и Винни-Пух.

Тебя чуждается толпа,
А мне любезна ты, тропа,
И мне твоя любезна грязь,
Забрызгавшая позументы;
Бежишь, как Мёбиуса лента,
Перекрываясь и висясь.

То вовсе выскочишь из рамы,
А то нырнёшь под акведук,
А то опишешь полный круг
И вновь придёшь к началу драмы.

И снова скачет дерзкий князь,
Один, подобен Агасферу;
Под ним, сияя и двоясь,
Тропа уходит в тропосферу.

(1998)

СТАНСЫ К ЯНУАРИЮ

У Лукоморья, где виварий,
Не раз мы пили, Януарий,
И пели мы из разных арий,
Орали мы что было сил:
Там чахнет царь Кощей над златом,
Там брат идёт на битву с братом,
Там служит людям мирный атом,
И я там был, мёд-пиво пил.

Ах, Януарий, наши клетки
Откроют те, кого мы предки,
Обломают, как сухие ветки,
Наш стыд и страх, инстинкт и грех;
Что им, родившимся в ретортах,
С ракетками на белых кортах,
С прозрачной жидкостью в аортах?
Наш мир для них — пустой орех.

И, звёздной россыпью влекомы,
Они уйдут в иные дома,
Такие выстроят хоромы,
Что ни пером, ни топором.
Кому они предъявят счёты?

Какие выставят Заветы,
Когда к брегам вселенской Леты
Харон причалит свой паром?

Да, Януарий, наши годы,
Статьи, и оперы, и оды,
Наш скверный век, дитя свободы,
Смущенье дум, смятенье встреч —
Пройдут дорогой к изобилью,
Сверкнут, смешавшись с звёздной пылью,
Так и не сделав сказку былью,
Да и не сбросив бремя с плеч.

(1998)

ПОЛЯ И СИЛЫ, И СНЫ

1.

Белы поля, просторны страны,
Открыты помыслы планет.
Ушли поэты и тираны.
Не стало слов, и звуков нет.

Давно наскучила игра,
И бытия забыты силы.
По обе стороны могилы
Жизнь завтра та же, что вчера.

Мешая звёзды на ладони,
Вина забытого налей,
А жизнь — чем глубже, тем бездонней
В наивных сполохах полей.

2.

Поля мои, не мучьте душу!
Проходит век сороковой,
Я вашей клятвы не нарушу,
Водою вспоенный живой.

Меня влечёт иная тяга,
К той жизни — чем светлей, тем злей;
Ведь мы не знаем зла и блага,
Взлетая в зарево полей.

Мой сон и взгляд не знают меры,
И мой огонь неугасим,
Но я лишен наивной веры
В любой магический сим-сим.

Поля бушуют белой пеной,
Как вишни цвет, кометы хвост,
Или во глубине Вселенной
Короны новых, диких звёзд.

Не зная голода и жажды,
Не зная боли и стыда,
Мы перестали ждать однажды
И так застыли навсегда.

3.
Воспоминаньями богаты,
Хотели вечность обойти.
Нам было весело когда-то
На трассе Млечного Пути.

Там, в тесноте местоимений,
В стране дощатых кораблей,
Рождался неизвестный гений,
Принявший подданство полей.

Там пол-Земли под коркой снега
Застыло в царстве января,
Частиц мельчайших лёгкость бега
Открыв в кусочке янтаря.

Тем наши предки знамениты,
Что на планете молодой
Воздвигли башни и магниты
Для битвы с косою средой.

И наша скорбная планета —
Потомок той, иной Земли,
Где, по преданию, скорость света
Мы слишком скоро превзошли.

(1999)

HELEN

*(Подражание А. Вертинскому
на вечную тему генетики)*

Незавидная доля у измученной маленькой Лены:
Мама — дама червей, а папаша — бубновый валет.
Это всё виноваты неверные, скверные гены,
Что достались малютке в сочетаньи гамет.

В лотерее не вытащить Лене счастливый билетик,
Ей не сможет гадалка сложить неплохой гороскоп,
Но запомнил её хромосомы учёный-генетик,
Увидавший знакомые гены в большой микроскоп.

Подсчитает он тайные числа ненужных мутаций,
Узелков, перекрестий, разрывов, пропаж и измен,
И он сделает Лену героиней своих публикаций,
Обессмертив её под безликою буквою N.

Это время прошло, и ушли и генетик, и Лена,
И десятки других докторов, джентльменов и дам,
Но осталась от них фотография скверного гена
В базе данных столетий, на файле изученных драм.

(1999)

ЛИННЕЙ

И человек, и лемминг, и трава
имеют имя, милостью Линнея, —
блестящие, латинские слова.

Эпитеты нанизывать умея
на связки грамматических корней,
со списками в руках бродил Линней

по чистым огородам и садам
холодным летом в королевстве шведов,
все травы называя, как Адам.

Безмолвие полуночных пустынь
Лапландии объездив и изведав,
Линней не забывал свою латынь.
Работал он в пределах тех же линий,
что завещали нам Платон и Плиний.

Прилежную природу естества
он понимал, и общий знаменатель
он отыскал для трав, зверей и птиц:

их имя (форму, суть). Когда б Создатель
нас мастерил без видимых границ,
одним мазком, не уточнив детали
(цвет глаз, размер, кому годимся в корм),

мы все бы, не имея точных форм,
переливались и перетекали
из маски в маску. Жизнь была б легка.

Но мир отлит в ином материале,
и постоянна форма у цветка,
какие пчёлы бы ни посещали

его тычинки. Личность, суть, идея —
их помнят и лопух, и орхидея.

(1999)

ФАБР

«Инстинкт, конечно, слеп», — так пишет добрый Фабр
в томах, как Брем, с младенчества знакомых.
Не глуп и не умён, не робок и не храбр,
а просто слеп. Всё как у насекомых.

И ныне, разгадав набор абракадабр,
как ход жука в стволе, застрявший в хромосомах,
мы зрим, как ген с инстинктом пляшут данс-макабр,
где каждый новый шаг предполагает промах.

На юге Франции — полуденная нега,
там хор цикад меж виноградников незрим.
Фабр пишет: «Слеп инстинкт. Он — альфа и омега».

И на мгновение почти неоцутим
тот век, где хвалится и ижицей, и азом
побочное дитя инстинкта — разум.

(1999)

ПОЭТАМ ДРЕВНОСТИ

Увы, Овидий и Вергилий:
Нам, обитателям пустынь,
Вы столько слов наговорили,
Но мы не слушаем латынь.

Нам только англов речь да саксов
Приятна, душу веселя,
А бодрый хруст зелёных баксов
Заменит лиру и рубля.

Лишь я, об участи Вселенной
Порой задумавшись в тоске,
В горах Виргинии блаженной
Пишу на русском языке.

(1999)

ВАЗА ДЕРВЕНИ (музей в Фессалониках)

Средь золотого винограда
Сидят застывшие они:
Сатир и спящая менада
На медном кубке Дервени.
Вином из кубка льются годы:
Менада спит, и снятся ей
Движение звёзд, богов исходы
Эсхатологии моей,
Олимп бушующий, мятежный —
Но взор закрыт менады нежной.

Душа, над Грецией кружи,
Пока менаде сладко спится!
Здесь многое ещё случится,
И Александра колесница
Ещё заложит виражи
И ослепительны, и дики,
Ещё душа зайдется в крике...
Менада, спи: что ни приснится,
Всё выстоят Фессалоники.

(1999)

УГЛЕРОД

В час, когда, своих слуг отпустив,
Отдыхал Царь Вселенной вдали,
Углерода наивный мотив
Родился среди звёздной пыли.

И дивился прохожий народ,
В толк не взяв, не поняв, что к чему:
Непривычно поёт углерод,
Непонятен простому уму.

Он для нас появился на свет,
Тайну будущей жизни храня;
Одинок среди мёртвых планет,
Он играет с идеей огня.

Там, где свет жёлтых солнц не потух,
И покуда звезда не сгорит,
Углерода неистовый дух
Нам о Царстве Любви говорит.

(1999)

ГАЛИЛЕЙ

Уже направлена труба
над итальянскими холмами
на горсть Юпитеровых лун*.

Четыре буквы древних рун,
светясь, вращаются над бездной
совместно с прочими камнями
в своей Флоренции небесной.

Какая странная судьба:
мы выбираем варианты,
а варианты правят нами.

И мне иные алфавиты
и неизвестные квадранты
на бархате небес открыты,
как ювелиру бриллианты.

И я запомню эту дату,
когда для славы или мзды
я посвятил аристократу
четыре новые звезды.

* Каллисто, Ио, Ганимед, Европа. Открыты Галилеем в 1610 г. Названы «звёздами Медичи» в честь флорентийского герцога.

Уймётся буря волн житейских,
истлеют строки наших книг,
но звёзд сиянье Медицейских
не потускнеет ни на миг.

В них, верно, память крепко спит,
а наша жизнь для них странней,
чем нам вращение орбит,
перемещение камней.

(2000)

ТЕОРЕМА

А. и Б. Стругацким

Костровище от стана цыганского
Пеленой замечает зима;
Теорема Астеева-Ганского
Посложней теоремы Ферма.

Утверждает она, что движение
В этом мире вообще не дано:
Наше буйное воображение
Крутит мир, словно ленту в кино.

Объясняет невзрачная книжица —
Бледный шрифт, пара сотен тираж, —
Что Вселенная вовсе не движется,
А дрожит, как в пустыне мираж.

Амплитудой такого дрожания
Объясняются Бог и весна;
Не дано нам ни боли, ни знания,
И действительность нам не дана.

Так, надежду и веру отсеяв,
Словно призрак, возникший в дверях,
Нам поведал ослепший Астеев,
Тот, что сгинул давно в лагерях.

И у Ганского формулы чётки:
Чтобы в них ни значка не забыть,
Он диктует с хароновой лодки,
Размотав ариаднину нить.

Доказательство это красиво:
Значит, в зеркале нету лица;
Изначального не было взрыва;
Теплового не будет конца.

И не надо движения, ибо
Нас ничто не избавит от мук —
Что ж, за правду мы скажем спасибо
Двум пророкам российских наук!

Грянем песню да купим шампанского,
Впереди только тьма да мороз.
Теорема Астеева-Ганского
Навсегда разрешила вопрос!

(2000)

СОН

А. Вертинскому

Время плещет холодной рекою.
Шум базаров да запах аптеки.
Нам закапает Оле-Лукойе
Сонный сок под усталые веки.

Сок цветов, покрывающих поле,
Сладко пахнущих, жёлтых и чёрных.
Не печалься, заботливый Оле:
Мы заснули давно без снотворных.

Нас не тронет падение Рима,
Не разбудят ни сказки, ни были,
И по слою нестёртого грима
Мы покроемся маскою пыли.

Мы останемся мраморно-немы,
Нас не тронут архангелов трубы,
И прекрасные наши поэмы
В свет не выйдут сквозь сжатые губы.

Сон племён, позабывших о боли,
Сон цветов, позабывших о лете.
Бесконечное снежное поле
На потухшей, притихшей планете.

(2000)

ПЕСНЯ ПУТИ

Как всадник уставший, упавший у ног истукана,
Бродя по Вселенной, пытайся понять её суть.
Трещат автоматы, толпа коронует тирана,
А значит, мы завтра опять отправляемся в путь.

Смычок переломлен, оборваны струны, расщеплена
дека,
Но наши затвержены строки, и кони быстры;
В тени облаков и вдали от оков, дети нового века,
Как прежде, следим за течением вечной игры.

Богов и героев мелькают знакомые лики,
Дождь падает в почвы, вобравшие стоны и страх,
И солнце бросает на скалы неровные блики,
Светя сквозь листву, заходя в Элизийских полях.

На запад, мой друг! Не Озириса путь, не Астарты,
Не призрачность приторных слов с гималайских
вершин —
Наш век развернёт перед нами забытые карты
Путей, недоступных для смрадных пехотных машин.

За дверью откроется дверь в неизвестную вечность,
Не раз и не два тот знакомый мотив повторя;
Мы нашей судьбе бесталанной простим
бессердечность,
Летя над землёю в бесснежном конце ноября.
(2000)

РИМ

There is a world elsewhere.
(Shakespeare, *Coriolanus*)

Есть мир за пределами звука,
Его не опишут слова.
Стрела вылетает из лука,
Упрямо дрожит тетива.

А дальше — черта огневая,
Где стёрлись иные черты.
Есть Рим за пределами рая,
И рай — за пределом мечты.

Слова, и пространства, и годы
Сотрутся, истлеют, уйдут.
Есть мир за пределом природы,
За кромкою наших минут.

Так молния в небе хранима,
Разрядом пронизана тьма.
Есть мир за пределами Рима,
И Рим — за пределом ума.

(2000)

МНОГОЕ НЕЯСНО

Как наших снов не помним мы ни слова,
(из пустоты сочится время снова,
перерастая в гул сплошной, единый
над россыпью домов и гаражей,
тягучею, сухою паутиной
лепясь к карнизам гнездами стрижей),
так наше время движется проворно,
над бездною стремглав летя, покорно
течению воздушного стекла;
так скачет монотонная игла
в руках швеи; так грамотой стежка
ложится жизни нужная строка.

Сплети ковёр из ниток пустоты;
пусть остывает он пока, а ты
в старинной форме новый слог отлей,
дай новой жизни место в старых нотах;
в окне вагона, на иных широтах,
звук извлеки из стынущих полей
октябрьским утром, где едва видна
вибрацией клинка толедской стали
над свежим снегом чистая волна
физических полей твоей печали;

где жизнеописание пути
не прочитать и не перевести.
Вверх по спирали лестницы дворцовой
уходит век, и нарастает новый;
но мы не властны над своими снами:
вот этот текст, попавший в руки мне,
написан точно теми письменами,
которые увиделись во сне:
на свежей глине чистые следы
разлившейся рекой ещё не смыты;
в кусках гранита отблески слюды;
песчаника осадочные плиты
с включениями листьев и костей —
страницы прошлых свежих новостей.

Слов не хватает в русском языке,
исчерпаны молитвы и поэты,
и ненадёжны томы словаря.
Блеснёт порою что-то на песке
случайною частицей янтаря
у самого прибоя мутной Леты;
желанное, мелькнёт из-под волны
то самое, приснившееся, слово —
но скроется, и не найти иного;
глаза слезятся, строчки не видны;
исчеркана бумага после сна,
слипаются чужие имена.

(2000)

ГИСТОЛОГИЯ

Мы загнали наши клетки
В книг бесчисленных тома;
Эти книги и заметки
Суть иллюзия ума.
Мы следим за ходом сечи
С олимпийской высоты,
Ищем жадно в чуждой речи
Непонятные черты.
Там бесцветною стеною
Без начала и конца
Дышат бездною двойною
Стены скользкого дворца.
Тёмный мир, немой, слоистый,
Мир безмолвный и слепой
Предстаёт то бурей льдистой,
То пучиною игристой,
То бескрайнею толпой.
Клетки мелки, клетки слепы,
Их движения нелепы,
То белёсы, то размыты,
Словно бесы и москиты.

Луч преломлен через грани,
Ткани стелются на ткани,
Вязкий сок бежит из ран
Перемешанных мембран.

Все творения природы
Предстают на суд богам;
Так и нам бежать сквозь годы
К неизвестным берегам;
Так и нам нести свои
Грузы слов и дум слои,
Дар ума, эмоций груды,
Искру гения в горсти
Через хрупкие сосуды
До скончания пути.
Мы застрянем в нашей нише
Под лучом, упавшим свыше.
Будем плавать в жидкой мгле
Под стеклом и на стекле.

(2000)

АКТЁР

В. Смехову

Я сыграю дьявола и Бога,
Натяну орфееву струну,
В строки удаłego монолога
Я себя, как в тогу, заверну.

Мне послушны станут звери дики,
Звёзды ночи и события дня;
На меня привычно лягут блики
Старого и верного огня.

И в который раз настанет это:
Вспыхнет мозг, не помня ничего;
Завесь ослепительного света
Смоет стены зала моего.

Из волны, из серебристой пены,
Соберусь на новом берегу,
Окажусь в пространстве вечной сцены,
На её вертящемся кругу.

(2000)

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Нас век безрадостный взрастил,
Нам ведомы его секреты:
И ледяные воды Леты,
И жар оплавленных светил.

Богаты звёздными ладьями,
Ладони, крашенные хной,
Мы держим путь за облаками,
Где тоже хаос, но иной.

А было время: в нашем доме
Стояла зимняя пора,
Мы расстилали на соломе
Листы витого серебра.

И местный доктор, хмуря брови,
Пускал из жил немного крови,
И осушал городской
С брусничной брагой кубок свой.

Там мыли бирюзу из речек
Да поставляли ко двору,
С гор возвратясь, седой разведчик
Рассказом тешил детвору.

И лет, наверно, десяти
Я жадно слушал те рассказы,
Всё про бериллы да алмазы,
Да грифов, бьющихся в сети,

Про полупсов надменно-чинных
Про табуны полуконей,
Про сон племён в иных долинах
И сонм летающих огней.

(2000)

ТАЙНА

Тайну вечного секрета
Наконец узнали мы:
Там, где есть источник света,
Должен быть источник тьмы.

Скорлупой орехов грецких
Стены мира стали вмиг
За пределом наших детских,
На страницах взрослых книг.

Кто и тьмой, и светом правит?
Кто орехи дверью давит?
Без картинок наши дни:
Разговоры в них одни.

Наши знания случайны:
Как поймёшь, где тьма, где свет?
Может, в мире нету тайны?
Может, в этом весь секрет?

(2001)

КАВКАЗ

Нет в России иного рассказа,
Чем про бурные горы Кавказа,
Про нагайку, да шашку, да бурку,
Да как персу досталось да турку.

Ключ в замке до конца поверну
В языки разделяющей двери,
Отличающей Мери-княжну
От английского имени Мэри.
Новых букв набросать в языке
Не дошли у Мефодия руки;
В пограничной с Кавказом реке
Разбухают славянские звуки,
Да мелькают стеклянные грани
Мандельштамовской Эривани.

Оборотного «э» оборот,
Ермака подменяющий Эрик,
Непредвиденный водоворот,
Всероссийской истории Терек,
Где от викинга до казака —
Страх раба, брага пьяной отваги,
Да эрозии буйной овраги
Аж до шапки горы Машука.

За пределами этого мира
Вряд ли что-то достойное есть,
Значит, честь удалого мундира —
Это вся, что нам выпала, честь.

Блещут неба хрустальные своды
Да текут минеральные воды.

Так страдали для нового дела
И на фоне альпийских широт
И зверюшка несчастная Бэла,
И Лаевский, моральный урод.

И эпоха, наполнив роман,
Уходила зарядом картечи
В темноту, в племена мусульман,
Не имеющих письменной речи.

(2001)

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

1.

Страна Восточно-Северия:
Здесь неизвестна малярия.
Среди лесов, среди болот
Холодной клюквой сводит рот.
Отсюда, севши на забор,
Оценит лесоустроитель
Покрытый снегом водосбор,
Где Брейгелем воспетый житель
Ползёт, живёт, скользит по льду.
Рыбак трудится на пруду,
Пробив дыру. Здесь тишина;
Здесь скорость света не нужна.

2.

Язык восточно-северийский
Напоминает иберийский
(Исчезнувший). На нём мы чешем
Интеллекту интеллект;
Порою переводом тешим
На индо-евро-диалект.

Не искушён в делах ненужных,
Не отличает наш народ
Своих (вост.-северских) широт
От чуждых стран, закатно-южных.
Но резкость взгляда ни к чему
Тому, кто пялится во тьму.

3.

По кромке впадины бессточной
Посёлок избами дымит.
Товарный северско-восточный
Раз в сутки мимо прогремит.
Напевы дев, стройны и слитны,
Из репродукторов звучат,
И все тарелки сателлитны
Оборотились на закат.
Народ внимает сериалам
Про жизнь закатно-южных стран,
Упёршись взглядом запоздалым
В восточно-северский экран.

4.

В семье восточно-северянской,
Традиционной, хулиганской,

Держали моду и фасон;
Хвативши первача, со свистом

Сцеплялись с аккордеонистом,
Но этот мир ушёл, как сон.
Восточно-северские дети
Имеют сайты в Интернете;
Мутна забвения река,
По ней несутся брёвна, льдины;
Мы понимаем смысл картины,
Но наша роль невелика.

5.

Но грянет миг гиперборейский:
Народ восстанет северейский,
Своей восточною рукой
Сорвёт последний рубероид
И врубит свой гиперболоид
По-над забвения рекой.
Остынут в голове слова;
Народ качал свои права,
Но пользовался ли правами?
И виновата ли среда?
Там, высоко над головами,
К утру намёрзнет корка льда.

(2001)

ТРАКТАТ

1.

Вблизи от Финского залива,
Там, где ветра сдувают пену
С уже не нашей кружки пива;
Там, где дольют за ту же цену;
Где, времени не замечая,
За неотмытой чашкой чая
Обсудят сущность бытия, —
Там некогда служил и я.

Там виден мир через стекло,
Там Детским Царское Село,
А после снова Царским стало.
Там номер нашего журнала
В кофейне на стеклянный столик
Положит хмурый алкоголик;
Там ветер *свищет*, дождик *хлещет*,
Вода реки о камень плещет...

Не то чтобы такая вера,
Но уж обычай наш такой:
Писать рифмованной строкой
И с соблюдением размера.

Мы увлекаемся порой
Такою детскою игрой
И по линейке деревянной
Свой чертим путь, прямой и странный.

Букв алфавита так немного,
Что даже странно, как из них
Сложить возможно этот стих,
Название книги, имя Бога,
Полёт шмеля и след кометы,
И все романы и предметы
На всевозможных языках
В различных странах и веках.

Там с саркастической усмешкой
Танцует ферзь вчерашней пешкой;
Там лист газеты брызжет ядом —
А я сижу на стуле рядом;
Читаю, кушая гранат,
Философический трактат
На тему «Нечто и ничто»,
И на пол падает пальто.

2.

...всё это так. Но в нашей власти
Явлений мир делить на части
И разговаривать о нём:
Ночь ночью называть, день — днем,
Грязь — грязью, а лжеца — лжецом,
К нему оборотясь лицом.
Мы строим дом, как из камней,
Из слов: чем крепче, тем ясней.
Вначале были слов истоки:
Из первых, древних языков
Мы вымывали наши строки,
Как из аллювия песков.
В пещере бытия сокрыты,
Росли слова, как сталагмиты
И сталактиты. С потолка
Сочилась память языка
И тихо падала на дно.
К чему жалеть, что мы не боги?
Нам вечной жизни не дано,
Но нам даны слова и слоги.

(2001)

В МУЗЕЯХ БУДУЩЕГО

Соединяет времена и страны
Заросшая, невидная тропа.
Нам не произойти от обезьяны
Опять — она уже глупа.

Впечатав шаг толпы в цементе плаца,
Мы пробежим по огненной земле,
Но будем вечно отражаться
В слепом, небьющемся стекле.

В музеях будущего — видите ли вы
Наш судорожный вдох в часы прилива,
Да шапку царскую, напыленную криво,
Да дерзких рифм неспрятанные швы?

(2001)

НОВОГОДНЯЯ БАЛЛАДА

Из новых времён, из старинных земель,
Где слиплись в комок бытия карамель
И смысла безглазая маска,
Прискачет прекрасная сказка.

Там главный герой с медициной знаком,
Там сахарным звёзды сияют песком,
А снег — новогодней ватой.
Над каждой трубой застыл трубочист,
И выглядит мир, словно титульный лист
С виньеткою замысловатой.

Там слышен там-там по дикарским лесам,
Полковнику снятся медали,
И алым дивятся своим парусам,
Где издавна их ожидали;
Там тучи ползут по альпийским снегам,
И все корабли пристают к берегам.

Там стражнику на ухо шепчет пароль
Из раннего Блока картонный король,
И кислого вкус витамина
Мешается с дымом камина,

И входят герои в свой пряничный дом,
Где жить полагается честным трудом.
Там жались игрушки к витринным огням,
Там счёт не велся неутраченным дням,
Там вздрогнули Гензель и Гретель
От скрипа несмазанных петель,
И я поднимал, словно меч-кладенец,
На палочке свой петушок-леденец.

(2001)

НАЧАЛО

Над болотом лет настелим снова
Досок смысла временную гать.
Говорят, вначале было слово.
Что за слово — нам не угадать.

В языках каких оно звучало,
Книг каких украсило листы,
Утерявши признаки начала,
Обрета привычные черты?

Где-то, где в пустыне перестала
Разливаться древняя река,
Залежи мельчайшего кристалла
Пестуют истоки языка.

Поезд жизни нас проносит мимо
Той глухой, неведомой страны,
Где слова, горящие незримо,
В каменных слоях погребены.

(2001)

ПАМЯТИ ОКУДЖАВЫ

Наша жизнь — как железнодорожный вокзал,
где гудят провода над путями,
словно кто-то круги на полях рисовал,
украшая вокруг вензелями.

Отражались в дверях, выражались в делах,
дорожа серебром выражений,
словно профиль твой кто-то чертил на полях
неслучившихся стран и сражений.

Так дрожал под ногами дощатый настил
через пропасть ненужного смысла,
словно ты на полях календарь начертил
и зачёркивал старые числа.

Тем и жив этот мир, несуразный на вид,
звуком песен великих и малых,
словно кто-то чертил на полях алфавит
из иных языков небывалых.

(2002)

ЛЕТА

Серебряная Лета,
Забвения река!
С иного края света
Бежишь издалека.
Вбираешь пыльны томы,
И годы, и простор,
Державинские громы
И пушкинский задор.
Вода прозрачна летя,
Студен летейский хлад,
Двадцатого столетя
В тебе остынет ад.
Сквозь нас событий сила
Продёргивает нить,
Чтоб всё, что есть и было,
Запомнить и забыть.
Исчезнем без остатка,
Погрузимся в твои
Придонного осадка
Замёрзшие слои.
И новых дней геолог,
Познав добро и зло,
Твоих слоёв осколок
Уложит под стекло.

(2002)

У ПЕРЕХОДА

Плещет времени река.
Ждут у перехода
Два убогих старика —
Правда и Свобода.
Не накрыт для Правды стол,
И Свобода бос и гол,
Грязны, нищи, сиры;
Не пускать же их, кума,
В наши кровные дома,
В тёплые квартиры.
Шаловлива и слепа
Речка в половодье;
Загорожена тропа
Правде и Свободе.
Пусть юродивые ждут —
Им не так уж плохо;
Им как несколько минут,
Что для нас — эпоха.
С Моисеевых времён,
С самого Исходу
Помнит писаный закон
Правду и Свободу;
Знаем в книге каждый стих,
Ждём Мессию, а не их.

За долиною далёкой,
За высокою осокой,
Там, у перехода,
Пусть поищут брода.
Узловатою рукой
Да суковатою клюкой
Не нарушат наш покой
Правда и Свобода.

(2002)

БАДХЫЗ И РЕПЕТЕК

На пороге нового века
Запиши в листки дневника:
От Бадхыза до Репетека —
Море глины и тьма песка.

За закатною тенью длинной
Образ мысли давно знаком:
Что Бадхыз не покроет глиной,
Репетек занесет песком.

Здесь кончается наша виза —
Из-под плотно закрытых век
Все, что вспомнилось для Бадхыза,
Навсегда сотрет Репетек.

(2002)

Примечание автора: Бадхыз и Репетек — два заповедника в Туркменистане. Автор впервые посетил песчаную пустыню Репетека в 1972 г. и бывал там позже в 1980 и 1985 гг.; впервые посетил глинистое плато Бадхыза в 1975 г. и жил там в 1976—1978 гг. Весной 2002 г. автор совершил поездку в Бадхыз и Репетек на средства Национального Географического Общества (США).

ПЕРЕВОД (хор для спектакля)

Хвалить свои успехи
не должно, не дано:
вольём в любые мехи
по выбору вино;
рукою я усталой
держу узду коня —
ты, переводчик шалый,
не торопи меня.

Твоя прозрачна участь
и роль невелика —
смысл передать, измучась,
с любого языка:
и поле после боя,
и нивы под дождём —
с любого на любое
всегда переведём.

Течение перевода —
основа бытия,
тому твоя природа
свидетель и судья;

навроде коромысла
баланс тщедушных плеч,
но равновесье смысла
хранит прямая речь.
Что нам сиянье славы
и звон её оков,
стремление державы
к смешенью языков —
единою судьбою
мы связаны с тобой:
переведём любое
с любого на любой.

(2002)

КРИКВЯЖСКОЕ

Л. Лосеву

1.

Стоит подолгу в почве влага
у речки Малая Криквяга.
там глину, суглинок и лёсс
вывозит поутру совхоз.

Бывала здесь номенклатура,
у речки отдыхал райком,
криквяжский князь ходил на тура,
да угр ловил угря тайком.

Теперь раздолбаны дороги,
непроходим криквяжский брод.
о долларе, а не о Боге
уныло думает народ.

2.

У речки Малая Криквяга
не знает мир ни зла, ни блага,
ни Магомета, ни Христа —
командируйся в те места!

Сложи в портфель расчёску, бритву,
скажи ненужную молитву,
подшей оборванный погон —
да полезай в ночной вагон.

Путь до криквяжских мест недолог.

Передавали, археолог
увёз в Москву культурный слой.

Вообще, народ у нас не злой.

(2002)

ФОРМА ЖИЗНИ

Заключённые в хрупком теле
Среди гнили, корней и трав,
Мы не ведаем нашей цели,
Цель на целостность променяв.

Нас укутает пласт наносный
От безумного звёзд огня,
В нашей жизни молниеносной
Равновесие сил храня.

Над границей воды с землёю
Пусть шумят тростников стада —
Принадлежность к этому слою
Не нарушится никогда.

Нас узнали и позабыли,
Нам названия вовсе нет —
Но взлетают частицы пыли
В атмосферу грядущих лет,

И ложатся на мыс отвесный
Там, где тает ночная мгла,
Там, где замок стоит чудесный
Из серебряного стекла.

(2003)

МИР СТРАНЕН

Мир странен и сиюминутен,
И у него свои порядки:
У трона вырастет Распутин,
У Менделя — горох на грядке.

Споткнётся конь перед парадом,
Трубач не те сыграет ноты.
Те, кто случайно будут рядом,
Заполнят щели и длинноты.

Из-за высокого забора
Слежу из ниши неприметной
За направлением отбора
И извергающейся Этной.

Багряный цвет леса одели
В своём великолепии диком,
А над фанерою модели
Сидят, мудрят Уотсон с Криком.

(2003)

ГЕККЕЛЬ

Скажи мне, доктор Геккель,
кому какой черёд?
есть жабры в человеке ль
во тьме утробных вод?

Какой чудесный метчик
нарежет нам резьбу,
чтоб новый человечек
благословил судьбу?

Твоих радиолярий
светящийся скелет —
как Вагнеровых арий
тиара и стилет

в галактике планктона,
там, где размещена
на карте у Платона
утопшая страна.

Давно в морском песке мы,
в стекольной пыли
наследственные схемы
навечно обрели.

Глазниц незрячий трепет
слепца-часовщика —
чего ещё он слепит
из глины и песка?

(2003)

Примечания автора: Геккель, Эрнст (Ernst Heinrich Haeckel) (1834—1919), знаменитый немецкий зоолог, дарвинист. «Слепой часовщик» (Blind Watchmaker) — метафора эволюции, введенная современным английским дарвинистом Ричардом Доукинсом (Richard Dawkins).

УЭЛЛС

На мёртвый мир свалившись с вышины,
Подпрыгивает шар из кейворита
И с хрустом давит жителей Луны:
Бледна их муравьиная элита!

Тобою тема вечная открыта
Межпланетной, мировой войны;
Ты описал и вставил в наши сны
И марсианина, и селенита.

Но, забредя в Россию издалёка,
Ты не увидел главного морлока:
Твой взгляд не различал их на Земле.

Вождь светится Лунарием во мгле,
И вспыхивают в ходе разговора
Глаза гиены. Бедный доктор Моро!

(2003)

ЛУЧ ПАМЯТИ

Вот еле видимая птица
в небесной высоте своей
над нашей башнею кружится
и над просторами морей.
Здесь мысли досками забиты,
пути волшебные забыты,
я перестал летать во сне,
и звуки на моей струне
мне нравятся, но не вполне.

Когда же некий избавитель
затеет всех событий нить
переписать и сохранить,
изобретя такой кристалл,
металл, неведомый носитель,
чтоб звуков и речей сигнал
луч нашей памяти догнал
и растворяться перестал, —

тогда известны станут мне
все сёла, города и нивы,
все сновиденья прошлых лет,
как этой птице в вышине
известны тропы и обрывы,
и белый кратер на Луне —
но мы, как говорил поэт,
нелюбопытны и ленивы.

(2004)

ПРОЛОГ К СПЕКТАКЛЮ

Наш гордый разум нас возвысил
над кромкою вселенской тьмы,
и роскошь ньютоновых чисел
могли себе позволить мы,
но только лет на двести-триста.
Теперь же хаоса поток
объемлет мир, сбивает с ног
и мистика, и атеиста.
Ладью несёт через пороги,
визжат в машине тормоза,
а с неба заспанные боги
таращат круглые глаза
на то, как новая гроза
размыла римские дороги;
на то, как вдруг и слов, и дел
мы обнаружили предел.

(2004)

ПОКА ЕСТЬ ВРЕМЯ

Пока есть время — пой, пиши
бесстрашно и беспрекословно,
сведи прилежно и готовно
за путешествием души.
Веков разрушенные соты
ещё хранят волшебный мёд;
ещё хрустелен небосвод,
ещё известны наши ноты,
но за словесным частоколом
мир предстаёт случайным сколом
чужих осадочных пород.
Суть времени обнажена;
достигнув нового предела,
мы на доске кусочком мела
выводим формул письма.
И снова смысла ищем мы
под вечный ритм зимы и лета,
за спектром пушкинского света,
за гранью гоголевской тьмы.

(2004)

ТЕАТР

Когда, очерчен кругом света,
актёр, по прихоти поэта,
сжигает слов и сердца дань
на дымном жертвеннике храма —
его комедия и драма
сплетают потайную ткань
и, от столетия к столетию
прокинув золотую нить,
стремятся душу уловить
своей невидимой сетью.
И между сценою и залом
течёт живая пустота,
как воздух горного хребта
над долгожданным перевалом.

(2004)

ИЗВЕСТНОЕ НЕМНОГИМ

1.

Нам неизвестно, что за коды
лежат в заглавнике природы
не для гормонов и белков,
а для неведомого ныне
песка в космической пустыне
и звуков звёздных языков.
Быть может, там воплощены
России ледяные сны,
где дилижансом Хлестакова
ушла надежда сатаны
на быстрый проигрыш Иова.

2.

Всё спит или зевает зал:
страшна их детская беспечность,
как будто Блок не описал
бездонного провала в вечность;
как будто жизнь — всего лишь сон
волшебной летнею порою
для Оберонов и Титаний;
как будто ледяной горою
«Титаник» не был сокрушён;

как будто впрямь не отделён
лишь тонкою земной корою
от наших мифов и мечтаний
ад переплавленных времён.

3.

Быть может, это и не ново,
но вот теория моя:
в ней Поле, Вещество и Слово —
три компонента бытия.

В томах немыслимых архивов
таится память долгих лет,
хранится запись всех приливов,
дней и минут. Забвенья нет.
Там — нашей жизни ход вседневный,
путь звёзд и летом и зимой,
и резонанс тоски душевной,
и чудный сад, и вихорь гневный,
и ритм поэзии самой.

(2004)

ПЕСНЯ ГОРОДНИЧЕГО

Из Петербурга с нарочным приходит нам письмо,
покрыв нас несмываемым позором —
пятно невыводимое, горящее клеймо,
проставленное адским ревизором.

Откуда взялся Хлестаков? Пуст, как прореха у портков,
как тополёвый пух, белёс и легковесен,
провинциальных простаков освободил он от оков,
он фантастических напел нам чудных песен.

Откуда взялся Хлестаков? Влетел, взвихрил и был
таков —
как можно втюриться в такого охламона?
Но простофильству нет конца — есть простота на
мудреца,
хотя бы и на самого на Соломона.

Что за чертою огненной? Какой нам текст учить?
В какой карман нам лезть за новым словом?
Сумеем ли мы вовремя чертёнка отличить,
что обернётся новым Хлестаковым?

Из Петербурга, может быть, не то ещё придёт —
и что взбредёт там в ум какого драматурга?
Шутя пройдёт столетие, и новый век грядёт,
как настоящий ревизор из Петербурга.

(2004)

ГОГОЛЬ

Пусть публикою театральной
не движет страх трансцендентальный,
тот вечный, гоголевский страх,
но каждое второе слово
почтмейстера и Хлестакова —
как отзвук бытия иного,
как мёртвый свет в чужих мирах.

Блажен, кто курс культуры краткой
закончил школьной тетрадкой,
не перечитывая вновь
тех жутких слов о Хлестакове,
которые створожат кровь
несовместимой группой крови.

Да был ли, право, Хлестаков?
На мейерхольдовских площадках
застыло время в отпечатках
квадратных гаринских очков.
Со сцены в онемевший зал
туман истории сползал.
Россия. Гоголь. Пустота.
Открылась бездна, да не та.

(2004)

ОРФЕЙ

1.

Есть много странного в науке
о нашей жизни: например,
звериных жил пустые звуки
зовутся музыкою сфер.
Веками прожитыми горды,
живых зверей тупые морды
рисуют люди на гербе.
Никто не помнит о себе.
От мифов древности могучей
остались только Страх и Случай,
но сквозь замёрзшее стекло
мы видим слово и число.

2.

Возникновение веков,
подземных толщ немые своды,
незримый ход материков
содержат знание свободы,
не афишируя свои
непостижимые слои.
В них время замкнуто. Оно
пространству не подчинено,

наивно и неприхотливо;
имея больше степеней
свободы, чувствуя сильнее
её отливы и приливы,
порою время шутит с ней.

3.

Дымясь от Пароса до Спарты,
мои разрозненные карты
рисуют странные черты
и огнедышащие горы,
ущелий дивные узоры
и довоенные хребты
Балкан иных, безлюдных, гневных;
среди событий повседневных
их отражённые лучи
дают к событиям ключи
следами древнего огня
на склоне нынешнего дня.

4.

Серебряные валуны
времен эпохи ледниковой —
беспечности многовековой
непотревоженные сны,
как монумент с ушедшей славой.

Как их спокойство чуждо мне
среди реальности кровавой —
как песнь во тьме, как сон во сне,
как царский меч на топком дне,
давно утраченный и ржавый.
И ветер, гниlostный и злой,
несёт, поднявшись, пыли слой.

5.

И сохнут белые лагуны,
и Солнце, скрытое в пыли
от обитателей Земли,
садится в огненные дюны.
Сквозь духоту немые струны
не отпечатают следа.
Стою на отмели щебнистой.
Темнеет пыльная завеса,
и еле видная звезда
едва лучом достанет леса
и растворится навсегда,
не отразясь в воде нечистой.

6.

Так нашей осени на смену
придёт смертельная зима,
воздвигнув ледяную стену,
сжигая действие ума.

Нам с нею не договориться.
Покрыв долины пеленою,
она расправится со мною.
И памяти ночная птица,
и песен солнечная суть
уйдут — но, может быть, весною
отыщутся когда-нибудь,
и наше слово сохранится,
как несгоревшая страница
давно забытого письма.

(2005)

ОСТРОВ ТАССОС

Сбросив ношу свою, налегке
полежать на эгейском песке,
там, где белого мрамора сколы
драгоценным сияют зерном,
где философы греческой школы
держат хрупкую мысль на весу.

От свинцовых веков немоты
отдыхаться в сосновом лесу,
за поэтов ушедших, любимых,
отчитаться на этом листке
парой строчек едва различимых
на наречии нашем одном.

Нету средства из нашего мрака
снова в детство вернуться, однако
через мрамор пробились цветы
зверобоя, цикория, мака.
Исчерпав рудники золотые,
остров Тассос отходит ко сну.
Дремлет мир, и на числа простые
берега разбивают волну.

(2005)

ДАВНО

Давно уже привыкли
молчать о том, что мы
из пустоты возникли
среди крошечной тьмы,
где нам открыли очи
и, слово сохраняя,
создали дни и ночи
из млечного огня.

Давно уже забыли
первичный свой наказ,
когда из звёздной пыли
слепили наш каркас,
и много лет из вечной
стихии естества
слагались в ритм беспечный
волшебные слова.

В дороге однократной
не встать и не сойти,
не взять билет обратный,
не изменить пути;

что было нам открыто,
что было в нас дано —
ушло и позабыто
надёжно и давно.

(2005)

ГЛОТОК

Памяти Игоря Северянина

Недавно ещё трепетала струна,
и старому барду внимала страна,
а нынче от грёзы леса и моря
очнулись под властью иного царя.

Всё выиграл он, что поставил на кон,
и в замке у моря создал свой закон
о том, что земля, и огонь, и вода,
и воздух закрыты теперь навсегда.

Но к воздуху доступ имели пажи,
и юный один для своей госпожи
в фиале прозрачном воздушный объём
похитил и спрятал на сердце своём.

И вертится шар — тот, что был голубым,
и страх несравним со столетьем любим,
ведь воздух с водою навеки ушли,
и больше не стало огня и земли.

Но где-то в подвале, светясь и дрожа,
в стеклянном сосуде, в камерке пажа,
ушедших молекул старинные сны
хранятся в развалинах нищей страны.

Быть может, иссякнет кровавый поток
и древнего воздуха чистый глоток
к потомкам придёт через тысячу лет,
как старого барда прощальный куплет.

(2005)

ОТКУДА?

Откуда мы узнали имена
камней и птиц? Каким секретным взглядом
их разглядели? Кем утверждена
цена всего, что обитает рядом,
но чуждо нам, как облаку — пчела,
как гром — цветку, как времени — пространство?
Откуда мы узнали их дела?
Как мы определили их места
и в новые вписали паспорта
вещей и слов первичное гражданство?

(2005)

ИТОГИ

Будет так: настанут годы,
и привычные черты
узнаваемой природы
рухнут в пропасть пустоты.

И пускай ещё не скоро,
но уйдут на склоне дня
удаль мысли, ткань узора
и безумие огня.

Но итоги наших знаний,
позабыв старинный свет,
будут ждать иных созданий
через бездну тёмных лет.

Пусть же светят им без света,
согревают без тепла
всплеск мелодии, что спета,
радость жизни, что была.

(2005)

БАЛЛАДА О МАШИНЕ ВРЕМЕНИ

Вот странник создал аппарат золотой
С алмазной приборной доскою.
Окутан грядущих веков пустотой,
Он мчится столетий рекою.

И волны ему замечают: «Поверь,
Напрасно ты к нам отворил эту дверь:
В пучине, где пенятся кванты,
Не к месту твои бриллианты».

Но всадник нащупал свой атомный бич,
Пришпорил коня золотого:
«Не может быть так, чтобы мне не постичь
Основы устройства простого!

Я викторианский притом джентльмен,
И сложности вашего мира взамен,
Что б вы там себе ни гудели,
Создам из фанеры модели.

Пусть наши теории в чём-то просты,
Мы множество фактов набрали:
Мы в сердце живого открыли мосты
Двоякоподобной спирали.

Мы знаем, как солнце рождает цветок
В конфликте меж светом и тенью,
И Запад уже побеждает Восток
С его непонятною ленью».

Но волны ему отвечают: «Дитя,
Машине хрустальные ручки крутя,
Ты время взмутил и пространство.
Нелепо твоё фабианство.

Слепого столетья посланник немой,
Ты падаешь в шахту колодца,
И огненный след за твоею кормой
За считанный миг разойдётся.

Но так уж и быть: в аппарате твоём
Мы смелость и наглость людей узнаём.
Так вот тебе компас и карта:
Вернёшься в мгновение старта.

И братьям своим отнеси эту весть —
Что мир за пределом действительно есть,
Но он не для вас (не в обиду
Будь сказано вашему виду)».

И странник вернулся, и жил среди нас.
Довольно успешно продал свой рассказ,
Добился в Стокгольме медали,
А больше его не видали.

(2005)

ИВАНУШКА

«Не пей из козьего копытца, —
твердит разумная сестрица, —
не то обрушится беда».
Но далеко до родника.

А на краю солончака
копилась долгими годами
в грязи, истоптанной следами,
мутаций мутная вода.

Там жизнь свои бросает споры
в микроскопические поры,
в пустые полости песка,
где меркнет свет, и смерть близка.

Вот путь Алёнкиного братца:
рассыпаться и вновь собраться;
в глубь бытия, не в глупых коз
направлен мой метемпсихоз!

Сквозь тел горящий лепрозорий
пройдя каналами латрин,
я раб червей и инфузорий,
я бог фотонов и нейтрин!

Пусть я потомок обезьяны,
я вижу дали осиянны,
летя по линии луча;
я дружен с силою земною,
и вся природа, как парча,
расстелится передо мною!

Мне виден вызов жизни новой,
веществ просторные ряды,
и жёсткий луч звезды суровой,
и шок отравленной среды.

И я растаю и остыну,
как песнь в ночи, как уголь костра, —
и ты тогда войди в картину,
и сядь на берегу, сестра.

И снег сойдёт, и в запах прели
легенда новая моя
вольётся ручейком свирели
в метаболизме бытия.

(2005)

ИСТОЧНИК

Нас не останется — однако,
Нас, ископаемых, найдёт
Сквозь миллионолетний лёд
Потомок в пойме Потомака.

Употребив алмазный бур,
Он вытянет тугие керны
Из радиоактивной скверны
Разрозненных культур-мультиур.

Как мы сжигаем уголь древний,
Так новый тот космополит
Наш слой событий ежедневный
В печи космической спалит.

Ведь всё, что было до потопа,
Все наши мысли и дела
Для них — источник изотопа,
Чтоб их история цвела.

(2005)

СЛЕД

Слепи себе из пластилина
очередного властелина
в зелёной тоге, без лица.
Дай в лапки липкие монету,
как потемневшую планету,
где жить придётся до конца
под властью этого слепца.

Потом сожми его в комок,
чтоб больше зла творить не мог, —
чтоб дать урок другим тиранам;
забрось в коробку под диваном.

Потом прошелестят века,
и археологи в пустыне
найдут монету в середине
окаменелого комка.
И с осторожностью великой
в музейной зале под стеклом
уложат след эпохи дикой,
игравшей в поддавки со злом.

(2005)

АНАТОМИЯ РАСТЕНИЙ

Ещё никто не брал в поэмы
Всей анатомии анналы,
Сосуды нежные флоэмы,
Ксилемы мертвые каналы.

Тома и атласы листая,
Мы убеждаемся, что снова
Листа и корня жизнь простая
Предупреждает наше слово.

И гифы тонкой микоризы,
Как мифологии живой,
Таят волшебные сюрпризы
Вблизи системы корневой.

А их наследственные коды
В сплетении клеток и клетчаток
На философию природы
Накладывают отпечаток.

(2005)

ЭВОЛЮЦИЯ РАСТЕНИЙ

Наш век уйдёт в подвалы сна,
Придёт пора растений новых —
Голосемянных и цветковых,
Что хитро прячут семена.

А мы под времени плащом
Иные партии разучим —
Кто в пойме вырастет хвощом,
Кто станет камнем горючим.

Так нам дано на краткий миг
Согреть грядущего больного,
Пока он в тайны не проник
Существования иного.

Сочится времени струя,
Как строчки довоенной прозы.
Плывут чернила бытия
Среди волокон целлюлозы.

(2005)

ВОЛНА

Как знает точка, где она
на плоскости нанесена?
Послушны мысли геометра
и строчкам древнего труда,
тростник качается от ветра,
рябит остывшая вода.
Вообрази: из ничего
создать иное естество,
совсем другие имена,
и не из атомов и клеток,
а из музейных этикеток:
день, год, провинция, страна,
и кто собрал, в тени кленовой
каких исчезнувших угодий,
свой алфавит для жизни новой
приспособляя, как Мефодий.
А главное — из пустоты,
ошеломляющей и страшной,
поднять ушедшие черты
своей пометкой карандашной.

Так отступает боль тупая
и, прав не переуступая,
игрою быстрой и простой
моя волна на берег скальный,
далёкий и провинциальный,
ложится с нужной частотой.

(2006)

ОТБЛЕСК

Полевой палеонтолог,
отыщи на склонах лет
оттиск, отзвук, отблеск, сколок,
список, снимок, слепок, след.

След и отблеск прежних дней,
сил земных и сил небесных,
след событий неизвестных
под поверхностью камней.

След растений и животных,
лет бездонных, лет бесщётных,
лабиринтов дней и мест
драгоценный палимпсест.

(2006)

СЛОИ

Погибнув дома и в боях,
прослушав текст постановлений,
найди прибежище в слоях
среди корней и ответвлений,
в той темноте, где каждый слой
перемежается золой.

Понять прошедшее не в силах,
читаем повесть лет унылых,
зашедших солнц, ущербных лун,
где выплавляется чугун,
а вал морской и гром небесный
давно забыты в жизни тесной,

где нам достанется украдкой
пометить истину свою
случайно выпавшей закладкой
в букинистическом раю.

(2006)

ПОДСТРОЧНИК

Что, если наш первоисточник
Нарочно создала природа,
Как ученический подстрочник
Несделанного перевода?

И сила чуждая, немая
Его спасла в пылу сражений,
И мы живём, не понимая
Его склонений и спряжений.

Мы ожидаем дня и часа
В бедламе шума и сигнала,
Но нет словарного запаса
На языке оригинала.

(2006)

ГЛАГОЛЫ

Как на звуках замешать
всё, чем хочется дышать?
Как собрать глаголы в срок,
как связать охапки строк?

Как, не путаясь, пройти
по заросшему пути?
Где искать следы огня,
опалившего меня?

Как в словах запечатлеть
то, что будет греть и тлеть?
Хоть на четверть, хоть на треть —
как суметь не умереть?

(2006)

ВСТРЕЧА

Ветвятся трещины на ветхом потолке;
пространство с временем, два взрослых близнеца,
между собой на тайном языке,
двойняшкам свойственном, болтают без конца.
Непосвящённому в их странствия, с трудом
возможно мне понять, зачем и как
они вернулись в этот старый дом,
где жили в детстве; где разлуки знак
Галактикою светится в окне.
Как разделили их, неясно мне.
Где вырастали их просторы?
Кто дал пространству глубину и даль,
кто времени привил забвенье и печаль?
С кем в отрочестве разговоры
вели они, утратив двойника?
Как изменялись радость и тоска,
взращённые отдельно, в разных странах?
В чьих это было помыслах и планах?
Кто так решил? Кому достало власти
разъять неразделимое на части?
Век были врозь, а нынче снова
два близнеца сошлись в родном краю.

И я, незримый зритель, узнаю
из самых первых уст, а не из книг,
их жизнь, и тайны бытия земного
записываю в полевой дневник.

(2006)

ТЕОРИЯ

1.

Рассматривая звёздный свет,
Астеев с Ганским, в двадцать пятом,
увидели, что каждый атом,
оставив за собою след,

скользит по жёлобу времён;
а чтоб чему-нибудь случиться,
должна существовать частица
пространства-времени — хронон.

Сквозь чёрных дыр иллюзионы
в наш мир невидимо-слепой
текут бессмертные хрононы
неисчислимою толпой.

И возникает в мире сонном,
переливаясь и двоясь,
в союзе атома с хрононом
причинно-следственная связь.

Весь ход событий и мгновений,
поля, и солнца, и лучи —
суть плод подобных столкновений
и к царству истины ключи.

И со времён Большого Взрыва,
вчера, сегодня и всегда
листы и описи архива
хранит межзвёздная среда.

2.

И вот уже в пятидесятых,
на даче Ганского, зимой,
был найден смысл частиц крылатых
и путь материи самой.

Внутри очерченного круга
он отыскал заветный клад,
и в честь расстрелянного друга
назвал свой краткий постулат.

Они дошли до самой кромки,
пройдя и вечность, и ГУЛАГ;
их папок ветхие тесёмки
едва удержат груз бумаг.

Но этот текст не для поэм
и не для нашего рассказа:
он крепче спирта и алмаза,
страшнее водородных схем.

В нем есть расчёты дня и часа,
когда критическая масса,
вздохнув, потянет за собой
аламогордовский пробой,

и будет квантовою пеной
до основания сметена
освобождённую Вселенной
миров Берлинская Стена!

А мы — над новыми волнами
взойдём холодными огнями,
и жизнь, и память потеряв...

А может, Ганский был неправ?
(2006)

ТЕПЕРЬ

Лёгкость жизни давно утрачена,
вещи знают свои места;
по периметру обозначена
убывающая пустота.

Мы живем в кайнозойской эре,
в наступлении ледника,
но в разреженной атмосфере
не сожжёте еретика.

Вам придётся смириться с нами,
ибо кончились нефть и газ,
и навеки погасло пламя,
на котором сжигали нас.

Под портретом чужого предка,
в крестословице новых дней
не заполнена наша клетка —
пустота обитает в ней.

И уходят во тьму предметы —
искры, тающие на лету
у приборья мраморной Леты,
и сияющий меч кометы,
улетающей в пустоту.

(2006)

ПОТОМ

Пройдут, как детство, тьма и свет,
наполненность минут и лет,
деление на «нет» и «да»,
существовавшее всегда.

Но ветвью вечного ствола
в том мире млечного стекла
мы сохранимся до конца,
качаясь за окном творца.

(2006)

АЛХИМИК

Ртуть и сера, ртуть и сера,
Марс, Юпитер и Венера!
Вьются грозные пары,
рвутся звёздные миры.

Кубок яда, кубок яда —
цель, и средство, и награда:
нету почести иной
среди участи земной.

Выбьем клин посредством клина,
прекратим и грех, и боль;
всё на свете — только глина,
алюминиева соль.

Так и мне бы, так и мне бы
полагается давно
пить из кубка юной Гебы
драгоценное вино,

Да хватать куски покруче
с олимпийского стола,
а не тлеть в компостной куче,
как забытая зола.

Но из тлений, из явлений,
из возгонки грязных глин
в звоне новых поколений
встанет юный властелин.

Вспрянет новая порода,
удалая, как гранит;
тусклый облик углерода
яркий кремний заменит.

И тогда из прежней веры
я вдохну, ещё не стар,
смердный запах жёлтой серы,
белой ртути смертный пар.

(2007)

ОТКРЫТИЕ ДОКТОРА КУЛАКОВА

Цитируя умело
Страницы букваря,
Мы видим только тело,
Души нигде не зря.

Мной жизнь в душе открыта,
Невидима она,
Но я от слова «вита»
Даю ей имена.

Мне видятся детали
Всё ярче, всё ясней,
В душе живут *витали*,
Витюли дремлют в ней.

Души разбужен улей,
И стали слышны вдруг
Жужжание витюлей,
Виталей гулкий звук.

Вот так у нас в начале,
Нам создавая цель,
Витюли и витали
Качали колыбель.

Гремели наши гимны,
Сверкала наша сталь,
Но были анонимны
Витюля и виталь.

Германий и Италий
Злодейство и талант —
Особый штамм виталей,
Витюлевый мутант.

И жизнь племён и наций
Под свист ветров и пуль
Зависит от мутаций
Виталей и витюль.

Душе нужна опора,
И бодро смотрит вдаль
Родная микрофлора —
Витюля и виталь.

Так пей «Киндзмараули»,
Души не обмануть,
Витали и витюли
Тебе укажут путь!

(2007)

НАТУРФИЛОСОФ

Выписывая аккуратной вязью
умляутом поросшие слова,
пленён причинно-следственной связью
в таинственных глубинах вещества,

на непривычное число делений
подразделяя циферблат явлений,
с остывшим временем вступая в сделку
и подгоняя медленную стрелку,

определяя вес в сухом остатке
чудес и страха, торжества и бедствий,
не забывай, что мы играем в прятки
с причинами, не знающими следствий.

(2007)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В лесу настала темнота,
спокойна и влажна,
здесь тень и корня, и куста
уместна и нужна.

Свои законы и права
имеет каждая трава,
и нет у них прогресса
без одобренья леса.

И счастлив червь, в земле родной
свои ходы сверля,
перемещая перегной,
чтобы жила земля.

И счастлив зверь, в своем раю
копаясь в толще мха,
где я во тьме распознаю
движение стиха.

(2007)

ВОТ, ЗНАЧИТ, КАК

Постой, стой: так вот откуда
берётся время; вот куда
оно уходит без следа,
без объяснения дороги
в доступных знаках естества —
и мира зримого итоги
не умещаются в слова.

Чего же стоят наши годы,
единых дней открытый код,
блестящий многотомный свод
законов истинной природы?

В слепом континууме фраз,
в контексте пагубном и новом
грядущий варвар вспомнит нас
невесть откуда всплывшим словом.
Вздохнёт, поворошит золу,
вернётся к общему столу.

(2007)

СТАТЬЯ

1.

Статья из старого журнала
нам говорит, что с древних дней
душа времён существовала,
что мы давно привыкли к ней;
что от созвездий до песчинок
её остывшие следы
сопровождают поединок
наследственности и среды;
и что в эпохи катастроф
она виднее с каждым разом,
когда, покинув прежний кров,
как лава, каменеет разум.

2.

Бумага ломка и желта,
статья журнальная наивна,
но ткань веков чудна и дивна,
и отступает пустота.
И в наши дни, когда все тайны
уже давно разрешены
и отступления случайны,
и цели определены,

вам, предки, наш земной поклон
за то, что в считанные сроки
вместили океан времён
немыслимые ваши строки.
И смысл, и радость ваших дней
теперь до нас доходят прямо,
через дыхание камней
давно разрушенного храма.
И вечно с нами говорит
душа, которая вобрала
и белый мрамор древних плит,
и строки старого журнала.

(2007)

КАССИНИ

Открыв, как зимнее окно,
безумной кисти полотно,
запечатлей для нас, Кассини,
над злыми лунами полёт:
невыведанные пустыни,
замёрзший ад, безводный лёд.
Я вижу всё, что видишь ты
в краю печальном и суровом;
я пробую приблизить словом
непредставимость пустоты;
принять, как принимаю свет,
свидетельства безмолвных лет.
Кто мерит время в том краю
без сроков, без воспоминаний?
Я бесконечность расстояний
не чувствую, не сознаю:
нет в языке такого слова.
Но твой, Кассини, долгий взгляд
сквозь пустоту и вечный холод
добавлен к памяти земного.

(2007)

Примечание автора: «Кассини» — космическая станция-зонд, с 1997 по 2012 г. совершившая беспримерные облёты Юпитера и Сатурна и их многочисленных спутников.

ЗАЛИВ

Я вижу, как, молчание храня,
вдоль берега неслышимо ступая,
нас за руки ведёт судьба полуслепая
прочь от остывшего источника огня.

Мне помнится ландшафт иного дня,
где обитала истина простая,
разрозненную рукопись листая,
магическими струнами звеня.

Тот мир теперь забыт, и суть его странна;
история прошла — но отражённый свет
истекших государств и озарённых лет

ещё живёт, и тянется за мной
в слепящей тишине пустыни соляной,
в иссохшей белизне морского дна.

(2008)

ЯЗЫК ПРИРОДЫ

Не в Византиях и не в Риме,
не в глубине понтийских вод,
а в нас самих, внутри незримых
молекул, есть волшебный код.
Нам неизвестен шифр заветный,
узлов прозрачных рой несметный;
сама природа не смогла
устроить так, чтоб мы читали
её мельчайшие детали
и понимали их дела.
Но мы становимся умнее,
порывшись, по словам Линнея,
у Бога в ящике стола.
Булавкой палец уколол,
зажав в горсти одну-две скрепки,
мы изучаем наш улов
на курсах кройки или лепки,
по форме мокрых листьев чайных,
по траекториям случайных
частиц и высказанных слов.

Жизнь видится, как фильм учебный,
как мир предметного стекла,
и мы читаем текст волшебный
на спиле старого ствола
сквозь почерк солнечной природы:
её обрывы и восходы,
её меняющийся след,
её засушливые годы
и мглистый облик влажных лет.

(2008)

НАСЛЕДСТВО

Наследство вымерших времён
на серебре спокойно спит;
их проявил гидрохинон,
их закрепил гипосульфит.

Сочится тускло красный свет,
и Стикса тёмная вода
на дне пластмассовых кювет
вбирает лица и года.

Потомку будет невдомёк,
что мы записывали сны
на влажном серебре, поток
обычной световой волны
в стеклянной линзе преломив.
Он будет думать: это — миф.

(2008)

В БЫЛЫЕ ВРЕМЕНА

В былые времена, когда
у человечества звезда
была всего одна,
существовали страсть и грусть,
и книги знали наизусть
в былые времена.

В чужие эти времена
стояла вечная война:
без отдыха и сна
сражались насмерть короли
за выжженный клочок земли
в былые времена.

Звезда светила в облаках,
но в полумёртвых языках
был вычерпан до дна
тот плодородный, древний ил,
что нас от звёздных бурь хранил
в былые времена.

Ещё имелись имена;
слова имели племена
для хлеба и вина,
слова для ячменя и ржи,
слова для истины и лжи
в былые времена.

Их создавал пленённый дух,
их узнавал врождённый слух,
и плакала струна
на дне едва возникших душ,
в пустые дни, в большую сушь,
в былые времена.

(2008)

ВОСЕМЬ МИНУТ

Звезда безумная, святая,
встающая в рассветной мгле,
своим сиянием питая
всё дышащее на Земле!

Едва твои огни сверкнут,
твои лучи ударят оземь,
но это занимает восемь
твоих божественных минут.

Свет, приходящий к нам извне,
рождается в твоём огне,
где выгорает звёздный прах;
летя навстречу океану,
пронзает хрупкий небосвод

и безвозмездно раздаёт
свою магическую прану,
которая в иных мирах
была бы нам не по карману.

Но расточительный и праздный,
самой звезде не нужный свет
готов источник жизни разной,
всего, что будет, есть и было,

питать на миллионы лет,
пока слепящее светило
сжигает раскалённый газ
и знать не ведает о нас.

(2008)

RUSTICA

Позавтракав, напившись чая,
мы на песке пестрим следы,
себя не слишком отличая
от окружающей среды.
Так жили греки или инки,
и мы живём; и мы росли
на маленьком клочке земли
под звуки пишущей машинки.
Не ждём подачек плутократа,
по репродуктору когда-то
обещанных, ни прочих благ;
мы знаем, что закрыт сельмаг.
Но щиплет вешнюю траву
гусей беспечная орава;
так я живу в деревне — право,
мне всё равно, где я живу!
Здесь небо тучами нависло,
вода полна прыгучих рыб;
пускай наш мир не ищет смысла —
но смысл, я верю, не погиб,
пока в традиционном стиле
прозрачным гелевым стилем
я переписываю были
лет, предназначенных на слом.

(2008)

БЕРЕГ

Бархатный занавес ночи
Звёздною пылью покрыт,
Горы стоят у обочин,
Тёмное море шумит.

Люди, и звери, и птицы,
Волны, и нечет, и чёт
Определяют границы
Мира, где время течёт.

Здесь, у приморской дороги
Из незапамятных дней,
Где позабытые боги
Прячутся между камней,

Пыльными танцами лета,
Снежным узором зимы,
Связаны скоростью света,
Медленно движемся мы.

(2008)

ЗИМНЯЯ КАРТИНА

Пока зима хранит сознание листа,
и чёрно-белый мир звучит простою гаммой,
художник, обнови понятие холста
и спектром — нет, скорее, спектрограммой —
заполни пиксели соседнего села,
где чернь на серебре естественно легла;
где дизельного топлива парами
пронизан твой хрустально-белый свет
и параллельно золочёной раме
уже проходит лыжный след, —
а впрочем, что ты там ни говори,
вдыхая гарь очередной зари,
раскладывая цельные моменты
на компоненты, наша цель ясна:
сквозь муть в компоте творчества и сна
всё, чем природа сыта и пьяна,
увидеть через наши инструменты.

(2008)

ЗАМЫСЕЛ

Я всматриваюсь в суть миров;
один из них — передо мною:
вот формируется весною
его растительный покров;
мы вырастали вместе с ним,
деля набор воспоминаний,
и он, должно быть, объясним
в известной нам системе знаний.

Мне видится прозрачный свод
над освещёнными горами;
невозмущённая ветрами
поверхность первозданных вод,
и в роли странного предмета
из неисследованных дней —
столп ослепительных камней
из тесно сложенного света.

Кто, в приближении неблизком,
дал замысел, стеснённый списком
доступных качеств вещества?
Я всматриваюсь в мир, и снова
я нахожу свои слова
под светом солнца ледяного,

под звук вращающихся сфер,
где мир являет свой пример.
Мы знаем: этот мир возник
за золотыми рубежами
по планам из священных книг
с подробнейшими чертежами,
одним стремительным ударом —
и время нам досталось даром,
исходный замысел храня
в листах холодного огня.

И через миллиарды лет,
на новом празднике неброском,
найдут оставленный пакет,
закапанный прозрачным воском
давно исчезнувших свечей,
необъяснимый и ничей —
но будущее божество
не распечатает его.

(2009)

ПРОГНОЗ

Предсказывает Допплеров радар,
Что наш корабль пустился в путь обратный,
И скоро бардов драгоценный дар
Придётся заменить на подвиг ратный.

Но, ежедневно идучи на рать
И возвращаясь в тесную казарму,
Нам будет нелегко улучшить карму
Или к сонету рифму подобрать.

Ещё коньяк не выпит с капитаном,
И не забыт чудесный сад с фонтаном,
И рукопись не перебелена,

И до конца не выверены гранки —
Но полоса закатная красна,
И в неурочный час пробили склянки.

(2009)

ПИСЬМО ШУВАЛОВУ

Нарушив вечности слепую глубину,
я информировать хочу тебя, Шувалов,
что, двести лет спустя, мы всё ещё в плену
у низменных страстей и косных минералов.
Мы многое нашли за двести с лишним лет;
прогресс неоспорим — и всё же ряд вопросов,
над коими ещё трудился Ломоносов,
пока не решены; и если наш ответ
мы истиною мним, то только потому,
что научились заключать в слова
и солнечный огонь, и карстовую тьму,
и чужеродный мир незримых излучений.
Наверно, это слов природа такова,
что нас пленяет вид удобных заключений,
и тяготеет речь к простым формулировкам,
и застывает мысль в пределах точных фраз,
как будто стеклодув в своём движеньи ловком
в огне формирует плоть полупрозрачных ваз.

Ну вот мы и пришли назад к своим алмазам,
где кремний — элемент, преображённый в разум, —
нас провоцирует на новые дела,
расторгнув связь времён, разъяв судьбу стекла.

Тут поневоле согласишься с Виттгенштейном,
что не бывает слов на уровне идейном,

и мы всего лишь зрим застывшую судьбу,
как Беллингсгаузен в подзорную трубу —
брега Антарктики, покрытые всегда
многокилометровым слоем льда.

Но мысль обманчива, что кажется нам хрупкой:
хрусталь, в чьих друзьях не пересыхает свет,
есть прах песков времён, тектоник мясорубкой
застигнутой в горах на миллионы лет.

Я верю: должен быть единый знаменатель
для слов и языков, молекул и полей,
недаром нужное количество нулей
включает степени надменный показатель
мистического Авогадрова числа;
и, может, просто Планкова константа
первоначальной искрой разожгла
императив Иммануила Канта
и огоньки соседнего села?

Меня, Шувалов, не прельщает слава,
застывшая в мозаике стекла,
зато меня интересует лава,
известная по сицилийским дням,
дающая рождение камням,

несущим свойства солнечного сплава.

И мы с тобою — родом из земель

редчайших и кислот потёков скальных —

из-за решёток вырвавшись кристальных,

способные себе представить цель

и смысл Вселенной, пусть и ложными словами —

мы, в жажде бытия нащупывая путь,

сумеем ли ведро в колодезь окунуть —

тот, что в душе и что над головами?

(2009)

ДЕТСКАЯ ПЕСНЯ

Основатель нам оставил
сотни глиняных таблиц
с описаниями правил
для молекул и частиц,

правил для души и тела,
для последствий и причин,
для разумного предела
всех доступных величин.

Но останутся секретом
те, иные берега,
омываемые светом,

где земные наши страсти —
только ёлочные сласти
да блестящая фольга.

(2009)

ВИДЕНИЕ

Исследуя ходы и лазы,
отыскивая вход во тьму,
я восстанавливаю фразы
по манускрипту моему,
где мир заполнен опустелый,
где блещет вечный океан
у берегов Элады белой
и Атлантиды безмятежной,
где цвет дает лилее нежной
её пигмент — антоциан.

Я вижу: смуглые пророки,
найдя к сознанию ключи,
заменяют лунные лучи
на теллурические токи;
и в отражениях зеркал
эпоха древняя воскресла,
где, как Зевес, безумный Тесла
двойные молнии метал,
и над замёрзшими лесами,
через долины и снега,
между земными полюсами
легла пурпурная дуга.

И в отложениях земного,
мно́й восстано́вленного ряда,
в разводах ме́да или яда
я сло́й за сло́ем назову:
сном, не привиде́вшимся снова;
мечто́й, сгоре́вшей наяву;
звездой, сверкну́вшей скво́зь листьву
да́вно забро́шенного са́да;
стро́кою, спря́танной на дне
сре́ди пото́ка ле́дяного, —
и кра́йний сло́й, хра́нящий сло́во,
не предназна́ченное мне.

(2009)

САД

Не овладев бессмертия секретом,
но алфавиты новые уча,
я посетил Эдемский арборетум
в окрестностях Кастальского ключа.

Под пышущею печью небосвода,
под светлых струй тысячелетний шум
я узнаю слепого садовода
недюжинную страсть и дерзкий ум.

И где-то между Тигром и Евфратом
смоковница любит закатом
в пробоинах разрушенной стены,

и наблюдают вечные оливы,
как входит странник в сумрачные Фивы,
движения его предрешены.

Но существам божественного ранга
не увидеть в магический кристалл
тех дней, когда кузен орангутанга
пришёл завоевать Неандертал.

Пусть истины редчайший драгметалл
не вымыть из песка в долине Ганга,
не обнаружить межпланетным зондом —

я тексты сокровенные читал,
когда впервые много лет назад
я посетил благословенный сад
и пользовался чудным книгофондом.

(2009)

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

Я — старой станции смотритель.
Куда ведут мои пути?
Быть может, некий небожитель
ко мне отважится сойти.
В холщовой робе, босиком,
держа хрустальный многогранник,
зайдёт ко мне печальный странник,
пожалуется на бесплотность.
Я разверну свою отчётность,
потом достану подстаканник
и сбегая за кипятком.

И так потянется неделя,
мы сядем пить особый чай
да вглядываться в глубь туннеля,
закрытого железной сеткой, —
там, говорят, дорога в рай,
а может быть, в посёлок дачный,
когда-то шла отдельной веткой,
звучала радостным гудком.

Но наступает поздний час,
и засыпает гость прозрачный,
сморенный нашим кипятком
вприкуску с горсткой рафинада,
и зрит во сне преддверья ада,
где всё почти что, как у нас,
но нам об этом знать не надо.

(2009)

У БЕРЕГОВ

Я проехал долиной реки,
где родился полвека тому;
по периметру там пески,
разбегающиеся во тьму,
или рифтовые долины,
где водился индрикотерий,
да разрозненные руины,
от которых курится дым.
Нас учили, что для империй
доступ к морю необходим.
Но пока они суть постигнут,
мир по-своему переделав,
ты в пустыне не будь застигнут
расширением их пределов.
Ведь они зачерпнут шеломом
и омоют свои штыки
у развалин, что были домом
возле устья моей реки,
где устраивались пикники,
где играли спектакль потешный
и где песня моя звучала,
где корабль отошёл поспешный
от обугленного причала.

(2009)

МАТЕРИАЛЫ К ОТЧЁТУ

Мы наблюдаем ход явлений,
страницы старых оглавлений
и засекреченные сны;

их литографии бедны,
и в точке каждого узла
хранится отсвет разветвлений,

но память хрупкая ушла.
Здесь, на любом клочке земли,
тысячелетиями жили

и столько слов произнесли,
которые погребены
под толстым слоем едкой пыли.

Поверхность тускла и пуста,
давно оставлен текст земной,
и только изредка из мрака

сверкнёт забытая черта
диакритического знака
из орфографии иной.

(2009)

ГЛЮК

*Es gibt keinen Weg zum Glück.
Glücklichsein ist der Weg*.
(Gautama Buddha)*

Истекает мрачный век,
есть у века кайнен вег,
нет у века больше тайн,
ноу вэй цум глюклихзайн,
перекрыты все пути,
надо ворона найти.

Лошадь моет красный конник,
заварю себе лимонник,
кот залез на подоконник,
вот и ворон тут как тут:
черти ворона несут.
Велком, велком, мистер ворон,
нам известен с давних пор он,
мы продолжим старый спор:
я читал в живом журнале,

* Нет пути к счастью. Счастье и есть путь. Гаутама Будда
(нем.).

как на прошлом биеннале
ты молот учёный вздор,
вредный и ненужный вздор.

Каркни, ворон из Эдгара,
мастер чёрного пиара,
каркни с нами заодно:
что планета перегрета,
что предвидится комета,
что забвенье ждёт поэта, —
всё мы видели в кино;
знаешь, ворон: вам, пернатым,
вроде бы не виноватым,
тоже сгинуť суждено;
вот такое, брат, кино.

Говори же, ворон-птаха;
по тебе не плачет плаха,
так скажи, ради аллаха,
что погубит этот свет?
Каркнул ворон: «Интернет!»

Из-за дымовой завесы
не спеша выходят бесы,
огнемёт наперевес,
прикрывающий прогресс.

Где же этот самый ворон?
Глянь, присел на монитор он
и уставился в упор,
и глядит без разговора,
как мелькает духов свора,
и без карканья, без ора,
вечно смотрит с этих пор,
смотрит ворон в монитор.

(2010)

СТРОКА

Концентрическими кругами
уходя за свои края,
плотно сложено оригами
бытия и небытия.

Век исчерпывая мгновенный,
мы ещё поживём пока
в расширяющейся Вселенной,
где по краю бежит строка.

(2010)

НАСЛЕДИЕ

Архив сознания перебирая,
я часто обнаруживаю в нём
знак или два, застрявшие у края,
горсть жёстких букв, оплавленных огнём;
оплывшей глинописи древний след,
девонское житье и меловое —
смотри: его наследие живое,
насвистывая, вылезло на свет!

И каждый скрупул жизни, каждый гран
её течет в избытке предложений,
в пределах проницаемых мембран:
как не увлечься нежностью движений
в такой скупой конкретности, в такой
простой копировальной мастерской?

Но нету места в этом экипаже
для наших формул или наших фраз:
наследственность не видит нас и даже,
я думаю, не ощущает нас —

ни другом-гением, ни чуждым игом;
мы с нею счёт ведём по разным книгам,
учитывая разницу, гордясь
приобретённым, внеприродным бытом,
пока ещё поддерживая связь
с глухонемым исходным алфавитом.

(2010)

ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ

Пою опасности и опечатки,
которые, волнуясь и ветвясь,
с пустотами в испытанном порядке
настойчиво настраивают связь.

Что, если этой музыкой отдельной
спеть о бессодержательной, бесцельной,
бесценной силе, не подвластной дням,
что метроном отсчитывает нам?

Легко, на джипе в мареве предгорий
пыля, следить за сетью рудных жил,
да полагать в тиши лабораторий,
что знаем суть и цель природных сил.

Видны следы, оставленные швами
былых времён, и кажется с руки
обманчиво пригодными словами
картировать свои материи.

(2010)

РЕКА

Всё, что ни есть на белом свете —
огонь на солнце, лёд в комете,
пещер невидимая тьма —
всё к нашей жизни равнодушно,
в то время как она сама
собой, меандрами реки
извилистой, течёт послушно,
и каждый день её изучен
у этих гипсовых излучин,
где все события легки.

И целый мир собрался здесь
в единый фокус, в эту взвесь
ещё не меркнувшего сна,
топографического пира,
и версия иного мира
уже не так удалена.
Сквозь эту ткань иной пловец,
и солнц, и истины ловец,
возьмёт остатки наших снов
в свою ладью, как горсть жемчужин,
там каждый вдох и выдох нов,
и каждый всплеск и отблеск нужен;

там счёт идёт на доли шага,
там крепче ньютонова тяга,
а берега моей реки
непредставимо далеки.

(2010)

НЕ БУДЕТ

Не будет потрясения основ:
со стрелкою давно совпала риска.
На троне воцарился Годунов
на фоне нефтяного обелиска.

Нам больше не показывают снов,
и мы природе не вчиняем иска:
наш мир теперь имеет форму диска,
лежащего на спинах трех слонов.

Отрекся Галилей, и Тихо Браге
уже не проживает в старой Праге;
замедлилось течение лет и дней,

и память размывается волнами,
и мы опять усядемся плотней
вокруг огня, зажжённого не нами.

(2011)

ТАЙНЫ ПРИРОДЫ

Сообщение 1

Вот, наконец-то, мы открыли дверь
в запасники природы, и теперь
подробно выясняются детали:
всё дело было в тайнах языка,
а вовсе не в структуре ДНК,
как мы самонадеянно считали.

Всё, что wpłyвает в наш несмелый ум,
есть большей частью просто белый шум,
материи особой ток и шорох;
она меж звёзд вольна свободно течь,
но застывает, встретив нашу речь,
и формирует смысл в мельчайших порах.

Здесь очень трудно подобрать слова:
она творит для нас не существа,
в которых жизнь была бы нам видна,
не атомы, не клетки, не частицы —
но некоего текста единицы
и спрятанного смысла письма.

И кажется уже который год:
мы их поймём, мы их прочтём, вот-вот
научимся неведомым полётам,
увидим текст в неизъяснимом сне,
как профиль дна в безумной глубине,
ощупываемого эхолотом.

Сообщение 2

Человеческая жизнь хорошо изучена:
внутри — пустота, а вокруг — пучина;

говорят, что линия будет отключена,
пока не выяснится, в чём причина.

Не исключено, что кроме частиц и поля
ещё существуют судьба и воля,

но, как говорил один знакомый евгеник,
всё упирается в отсутствие денег,

а не то мы такой бы откинули творог
на дуршлаг из фрейдовских оговорок,

где Эйнштейн с Малевичем у райских врат
рисовали чёрный эм-це-квадрат.

Сообщение 3

Квадрат и круг, и шар, и конус
дают вселенной странный бонус,
дают надежду на покой.

Рисуя гипсы в мастерской,
ты наблюдаешь, как некрепок
стопы и мозга белый слепок,
простого кальция сульфат,
какого и в природе много.

Пусть мир устроен невпопад,
но формы вылеплены строго;
их анатомия видна
сквозь сомкнутые времена.

Геометрические страсти
разъяли целое на части:
здесь раньше хаос правил миром,
а уж потом его слегка
по кромке обвели пунктиром.
Так было в прошлые века.

Так кто же правит миром ныне —
частица, случай или сон?
В какой безвыходной пустыне
наш бедный разум заключён?
Чьих должен он искать протекций?
Каких неистовых проекций
узор на плоскость нанести?
О чём мечтать? Куда брести?

Куда-нибудь — где глыбы льда,
где в креслах свалены эскизы;
в тот отдалённый край, куда
не надо вызова и визы.

(2011)

ПУТЕШЕСТВИЕ

Иерусалим, и Рим, и прочие места
отмечены на старых портоланах,
но в атласе недостаёт листа.
Несложно для поверхности земной
составить указатель именной
со сведениями о разных странах.
Труднее распознать, чей осторожный взгляд
уже разглядывал, столетия назад,
подходы к берегам, эрозию пород
и трепет птиц под куполом зелёным.
Мир существует и живёт,
Чарльз Дарвин, по твоим законам.
А то, что остаётся за кормой
у парусника «Бигль», уходит по прямой,
не достигая линии закатной,
а значит, и останется за картой.
Зачем же нам описывать края
внутри закрытого объёма,
когда не здесь лежит судьба твоя,
возможность истины и дома?
А время в Англии иное,
оно по Гринвичу течёт,
оно не растворимо в зное
и в Кордильеры не влечёт.

Когда мы странствуем, мир возникает снова,
отыскивается утраченное слово,
лучи и волны продолжают танец,
отлив усердно порождает сушу,
мир открывает каменную душу —
обсидиан и мягкий сланец;
а не отмеченная в атласе река
дает действительности вкус черновика.

(2011)

НЕМОЕ КИНО

Под резким светом, в мире плоском
пройди себе по шатким доскам
на дебаркадере времен,
где контур жизни изменён.

У новых дней не хватит места
для магии простого жеста,
запечатлённого давно
на лентах древнего кино.

Здесь ходит мышца лицевая
и видится движенье век
под звон беззвучного трамвая
и старомодный саундтрек.

Над миром разлита тревога,
но крепко держится тренога,
а чудный театральный грим
теперь уже неповторим.

(2011)

СКАЖИ

Скажи, ужели никогда
мы не увидим края,
где возле пристани вода
несёт в себе, вращая,

слова и мысли, соль и йод,
миров ушедших щепки
и для природы создаёт
законы древней лепки?

Но мы застряли в царстве сна,
и наша мутная волна
под лозунги и крики
несёт пустые блики.

А значит, нам не суждено
увидеть и прочесть
слова о том, что быть должно,
сквозь блеск того, что есть.

(2011)

ПРЕДЕЛ

В природе есть предел, и это не секрет.
Но если допустить, что некий общий свет
из тех краёв, где стынет беспредельность,
сочится в этот мир, за миллионы лет
проникнув в суть вещей и им давая цельность, —
тогда действительности рокот непрерывный
мы можем прочесть, как строки книги дивной,
как беглой истины почти истлевший след,
как белых облаков на белом небе ряд;
мы можем записать, понять, перевести
произошедшее на огненном пути,
в той путаной сети иных координат,
не полагающей пределов и границ,
где бездны и миры вскипают и горят,
где наш бессмертием ошеломлённый взгляд
хранит наследие сияющих страниц.

(2012)

ОДНА ИЗ НИХ

Который раз, в отдельном сне,
среди сплетающихся ниток
я вижу вечности избыток,
узлы, доставшиеся мне.

Одна из нитей чуть видна,
но всё, что станется со мною,
определит она одна
своей свободною длиною.

В цветной оборванной кайме
я различаю нитку эту —
одну из них, к другому лету
ведущую, к другой зиме.

(2012)

НАШ ТЕАТР

Над маленькою сценой
метался чудный звук,
мгновений смысл бесценный
сливался в общий круг,
и сказанное слово,
летящее во тьму,
ошеломляло снова
внимающих ему.

Ушло, но не забыто,
а значит, не ушло:
ещё окно открыто,
ещё дрожит стекло.

Как сказки или гены
сквозь мглу прошедших лет —
былые мизансцены,
которым сносу нет.

Всё те же, и всё та же
на сцене суета —
король, и шут, и даже
все реплики шута.

Прочней орлов имперских,
превыше всех знамён —
тот отзвук песен дерзких,
что нами сохранён.

Всё было, всё известно,
и всё опять сильней —
заставленное тесно
пространство лет и дней;
пустеет наша сцена,
всему приходит срок,
и только неизменно
блаженство этих строк.

Не уберу страницу,
не вырву, не сотру,
уже остановиться
не хочется перу,
пускай же смотрят боги
Олимпа, как рука
ещё выводит слоги,
понятные пока.

(2012)

КОРФУ

Есть уголок на карте мира,
где лимерик Эдварда Лира
граничит с греческой волной;
где бегал юный Даррелл рядом
с роскошным королевским садом,
бок-о-бок с крепостью двойной;
где нынче очередь за мной.

На Корфу время уловимо,
оно течёт меж древних плит,
пока на палубе дождит
и горы двигаются мимо.
Я благодарно узнаю
и образ огненного Крыма,
и облик нежного Гель-Гью.
Как много в памяти названий!
Я знаю эти берега,
и ткань таких воспоминаний
мне бесконечно дорога.

(2012)

КАЛЕНДАРЬ

Мой мозг живёт благодаря
тому, что повторяет снова
слова страниц календаря
настенного и отрывного,

и, повторяя содержание
их оборотной стороны,
на ограниченное знание
мы кажемся обречены.

Идя за линией отрыва,
я знаю: знание моё,
вскипев, перетекает живо
в бумажное небытие.

Слова, блестящие, как стразы,
нашиты наспех на листы,
из них составленные фразы
прекраснодушны и пусты.

Но погляди насквозь, на свет
на перевёрнутую дату,
на гравированный портрет
и на зеркальную цитату —

и снова станет неизвестной
грань между вечером и мной,
взращённая в той строчке тесной,
на той страничке отрывной.

(2012)

НАВЕРНО

Наверно, не только же гены
издревле содержат в себе
обычай и перемены,
возможные в нашей судьбе.

Мы, может быть, тем и хранимы,
что текст или даже строка
случаются переводимы
с исчезнувшего языка.

На острове, на острие
той башни из белого света
прочтёте посланье сие,
не требующее ответа,

как будто бы нам объяснили
насушную мудрость небес,
и, скачущий в облаке пыли,
дельфийский посланник исчез.

(2012)

ПЛАМЯ

В пламени белых планет
больше не узнаю
вышедшую на свет
прежнюю мысль свою.

То ли не тот сюжет,
то ли неверный тон,
то ли времени нет
перед концом времён.

Блещет огонь витрин:
Греция или Рим?
Тление или дым
строек или руин?

Сон или наяву?
Снова ли жгут мосты,
высохшую траву,
рукописей листы
и средиземный лес?
С радостью или без?

(2012)

ОСТРОВ МИЛОС

Хорошо в Индо-Европе,
как сказал профессор Пропп;
оказавшись в хронотопе,
уважайте хронотоп.

Не достанет здесь никто нас,
здесь и слов, и мыслей копь;
не сразит жестокий Хронос,
не заманит Топос в топь.

Вижу ясно всё, что снилось
детской книжною зимой:
вот и входит остров Милос
в голос мой и в опыт мой.

Словно лодки в древнем Понте,
возникают острова,
в отдалённом горизонте
растворяются слова.

Где-то есть союз готовый
между вечностью и мной,
меж эгейской, бирюзовой,
безъязыкою волной.

Набегание её
я услышу, как своё,
сны прозрачные нанижу
на волнение её.

(2012)

КОРАБЛИ ЖИВОПИСЦЕВ

1.

Здесь ежечасно ощути́ма
преувеличенного Крыма
альтернативная тропа;
метафизическая ясность,
странноприимная причастность,
неравновесная стопа.

Но, кажется, с недавних пор
нарушен древний договор
между реальностью и снами,
когда вздымается над нами
ошеломлённый океан,
и посе́йдоново цунами
крошит веков обси́диан.

2.

Смени на радужное «эль»
своё раскатистое «эр»,
построй на палубе модель
цветка или небесных сфер,
чтоб странствующая артель
держала кисти наготове,
рисую грифонов и львов.

Мы знаем, что лежит в основе
некрепкой жизни островов.

Мы пишем ласточек в полёте.
Так, может быть, и вы поймёте:
в обызвествлённой толще лет,
среди событий неизменных,
действительности вовсе нет:
она — в цветах иных полей,
на нежных лепестках лилей,
изображаемых на стенах.

(2012)

ОСТАВЛЯЮ

Валентине Алексеевне Синкевич

Оставляю на время те страны,
где с богами боролись титаны,
где разбросана суша руками
олимпийцев, по их законам,
чей язык неизвестен; где камни
устремляются вверх по склонам,
словно новых захватчиков орды.

Незаполненные кроссворды
оставляю на кресле в зале
ожидания, где строка
равномерно течёт, пока
номер рейса не объявляли.

Я лечу, как летал во сне,
подо мной плывут острова,
недоступное ранее мне
переделывается в слова.
Я отчитываюсь перед вами
свежесобранном языком
над последними островами
перед новым материком.

(2012)

ДАЛЬНИЕ КРАЯ

Вижу дальние края,
где на грани сна
география моя
изображена.

Каждый шаг неповторим,
каждый жребий скрыт,
каждый полуостров — Крым,
каждый остров — Крит.

Путь лежит в прозрачный фьорд,
где не видно дна,
где к скрижалям доступ стёрт
в лабиринте сна,

где на побережье дней
из кромешной тьмы
горсткой радужных камней
выброшены мы.

(2012)

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Вот букварь передо мной:
в нём условленные знаки
тускло светятся во мраке,
как костры в ночи степной.
Там в котлах дымится вар
смердных звуков речи вязкой,
жизнь мелькает в свете фар
позабытой страшной сказкой.

Но, по правилам игры,
вплоть до следующей мглы
там вращаются углы
ослепительного слова,
и асфальт пути земного
размягчится от жары,
сохранив мои следы.

Мы к назначенному сроку
соберёмся у воды,
пролегающей к востоку
на цветной блестящей вкладке,
там, в конце у букваря,
если будет всё в порядке
в первых числах января.

(2013)

ПО ЭТУ СТОРОНУ

Наш век размечен чуждой метой
по краю стынущего льда;
снов океан питался Летой,
где память смыта навсегда.

А из какой прозрачной пыли
летят сигнальные лучи —
нам всё равно, и мы забыли,
и снова азбуку учи.

Тире и точка, плюс и минус,
и алфавитные значки,
как древний мир, пройдут и минут,
не расширяя нам зрачки.

Но за полярными кругами,
куда вода не дотекла,
хранится отраженье в раме
по эту сторону стекла.

(2013)

ЧАСТИЦА

Уходящие часы
жизни яростной и хрупкой
не поставишь на весы,
не измеришь ртутной трубкой.

Не придумана шкала
из ай-кью или пэ-аша,
чтобы боль и радость наша
измеряема была.

Так частицы путь желанный,
отодвинув тьму и свет,
в тесной камере туманной
пролагает белый след.

Запись этого пути
мне хотелось бы найти,
где понятно, что мгновенный,
зыбкий мир, навстречу мчась, —
нашей жизни сокровенной
только видимая часть.

(2013)

КАМЕНЬ

Кто водит этою рукой?
Я сам вожу: я свой вожатый,
своей наивности глашатай;
я — камень, брошенный в покой
моих болот, в их свет и холод.

Мой мир на истины расколот.
Смотри: я падаю сквозь мрак,
где ни движения, ни звука.
Так говорит моя наука,
и я пишу, что это так.

(2013)

ЛУЧИ

Вижу лунные дела
в трубку знойного стекла.
На лице её далёком,
освещающем меня,
в ожидании глубоком —
капли вечного огня.

Отпускаю луч подозрный,
и обратно на земле
мир бесстрастный, беспризорный
вижу в сдвинутом стекле.

На лугу его зелёном,
мигу беглому под стать,
по заученным законам
будем плакать и плясать,
будем ахать и рыдать,
звёздный полдень наблюдать.

И тогда затихнут крики,
и у вечности в горсти
отразятся наши лики
в бездне Млечного Пути.

(2013)

НОСИТЕЛИ

Я гляжу из-под очков
в сочетания значков.
Слабый след эпохи выюжной,
бред опасный, толк ненужный,
трёп о том или о сём,
груды дел и сны дневные
на носители иные,
не спросясь, перенесём.

Кто откроет файлы эти —
правнуки или прадеды,
или некий новый вид,
что земные наши звуки
через призрачные штуки,
сохранив, переменит?
Или тот потомок томный,
многоатомно-фантомный,
святоту свою храня,
игнорирует меня?

Где пою и где пирую
в брызгах древних языков,
мокрых водорослей сбрую
отведу с морских коньков.
В колеснице Амфитриты
совершая свой объезд,
знаю карту этих мест,
где сокровища укрыты,
где существ прозрачных друзья
в мелких лужицах лежат
и нестрашные медузы
скользкой лавою дрожат,
а на камушках приливных,
исчезающих в воде,
виден след событий дивных,
не записанных нигде.

(2013)

ФЕВРАЛЬ

Февраль тринадцатого года!
А я, смотри, преподаю
всё ту же истину мою —
от Менделя до Гесиода.

Уже отрёкся Римский Папа,
а мы всё пишем свой отчёт,
и дожидаемся этапа,
где Тибр обратно потечёт.

Пусть проволокою колючей
нам замотали мозг и взгляд;
всё так! но мы на всякий случай
оглядываемся назад.

И будет дух в тенётах биться,
последний лист в печи спая,
когда закроется страница
очередного февраля.

(2013)

МОЙ МИР

Произрастая из развалин
на зыбкой плоскости земной,
мой мир не кажется реален:
он не спрягается со мной.
В нём нет ни плотности, ни массы,
и бледен шрифт наборной кассы
и сочетания цветов;
мне неясна его дорога,
и к продолженью диалога
он оказался не готов.

Что нам сказать друг другу, право?
Что мне чужда его держава,
полозья, вставшие в пазы,
да старой истины азы?
А он вообще молчит веками,
и смысл его надёжно спит,
и солнце горными верхами
проходит, точно следопыт.

Так завари кантариону
(так по-болгарски зверобой),
и по заснеженному склону
иди за новою судьбой.

Она пока переводима
на вечный с нашего, пока
на свет окна, на запах дыма
ещё спешим издалека,
пока ещё иные дали
для нас привычными не стали,
как в те столетия, когда
свет был един со тьмой, вода —
с землей, а мир был слит с огнём,
и мы не думали о нём,
и жить в нём не предполагали.

(2013)

ПОЭМЫ

ГЕНЕЗИС

(поэма генов)

1.

Нас нет в единственном числе.
То ли со звёзд, то ли из глины
Наш род сложился на Земле.

Когда очнулись ото сна,
Мы — были. Наша цель ясна,
И наши помыслы едины.
Нам сила вечная дана.

Одною мыслию гонимы —
Себя отнять от косной тьмы,
Мы самовоспроизводимы,
А это значит: живы мы.

Так начиналась наша быль.
Мы помним, что вначале было:
Вода, что замесила пыль,
Создав для нас подобье ила;
Земля — густой, тяжёлый ил;
Огонь, что молниєю был,
И воздух, полный чуждых лиц,
Лучей, космических частиц.

Тот век не жаловал природу,
Круша и камень, и кристалл;
Там звёздный свет, упав на воду,
Восторг ещё не вызывал.
А тёмных, примитивных сил
Преобладала неизменность;
Живых существ и пыл, и бренность
Тот мир ещё не оценил.

Что жизнь? От нас, и лишь от нас
Она берёт свою отвагу —
Ведём её от шага к шагу,
Меняясь сами каждый час.
Мы все — одно, как волны в море,
Мы все — как звенья цепи той,
Что голоса в церковном хоре
Связала дивной простотой.

2.

Быть может, мы пришли со звёзд,
Но на Земле наш путь не прост.
Мы без теорий, без утопий,
За циклом цикл, за годом год,
Себя в бессчётных числах копий
Воссоздавали. Наш народ
Жил без понятия, в прилежных
Трудах, без мыслей, без забот,

Не потребляя кислород,
Таясь в щелях у скал прибрежных,
На дне болот, в пучине моря.

Так жили мы, не зная горя,
И не познав добро и зло.
Благословен, кто безмятежен.
Но к нам сознание пришло.

И жизни, что была привычна,
Мы изменили. Мир безбрежен,
Но месту в нем ведётся счёт.
Мы стали разными. Сперва
Как бы наборы общих нот
Существовали безразлично,
Но разным — разные слова
Запоминались. Слепо, вброд
Переходя через границы,
Мы изменялись. Наш исход
Уже не мог остановиться.

Своей судьбы мы не бежали
(Куда бежать?). Нет, мы в награду
Себе построили ограду
От холода, врагов и ран —
Систему стенок и мембран.
И запершись в центральном зале,
И как бы глядя на экран,

Жить в заточеньи продолжали
Лишь те, кто выжить смог из нас,
Распавшихся на сотни рас.
Ещё не зная связной речи —
Не властелины, не рабы,
Но пленники своей судьбы
И мира нового предтечи.

3.

Что видится из этой дали,
Навек ушедшее давно,
В нас навсегда отражено,
Не для мольбы, не для печали —
Нам их постигнуть не дано,
Они нас не приводят в трепет —
Но для порядка букв и нот
Забытых драм уплывший лепет
Запечатлен в безмолвный код,
Как в бесконечные скрижали,
Как в книги древний переплёт.

Хранить его — наш долг. Чего
Мы ждём и жаждем? Нам не странно
Быть и героями романа,
И текстом подлинным его,
Канвою, по которой годы
Нас вышивают каждый час.

Мы — суть и истина природы,
И жизни смысл гнездится в нас,
Но мы ответов не даём.

Солоноватый водоём,
Куда стеклись на пир народы,
Зелёной пленкою покрыт,
Дождь источают неба своды,
И равный с равным говорит
На языке своей свободы,
Не унижаясь и не споря:
«Не мы ли на своём веку
Немало повстречали горя —
Зачем меняться языку?»
Объединимся! И запреты
Для нас исчезнут на пути,
Недостижимые предметы
Нам будут близки и легки,
И, сохраняя языки,
Мы сможем далее расти,
Где нам пути теперь закрыты,
Где только звёзды да пески,
Да скал унылые граниты».

Так были созданы *тела*.
И наша слава ожила,
И, в новом облике отлиты,

Мы в одночасье расцвели
В различных уголках Земли.

Идём, как дождь. Плывём, как дым.
Бежим, садимся и стоим.
Опять бежим, прибавив шагу.
Преодолев земную тягу,
Летим. Ложимся и ползём.
И погибаем, в чернозём
Сдавая временное тело,
Но прежде хитро и умело
Свой код другим передаём.

4.

Лети в веках, наш текст и книга!
Лети, как ранее летел,
В безумной страсти бранных тел
Запечатлей мгновенность мига.
Весь мир мелькнёт в одно мгновенье,
Как прошумевший водопад,
Пока иные поколенья
И расцветут, и облетят.
Не знаем мы, что ждёт в конце,
Но не изменим нашей цели:
В любой минуте, в каждом теле
Нести сокровище в ларце.

Мы предки, мы же и потомки,
Хранили б вечно крепость уз,
Когда бы редкие поломки
Не накапливали лишней груз.
И с этим грузом за спиною
Задача наша нелегка —
Не растерять бы остальное,
Чтоб сохранилось на века.

Мы знаем чувства каждой твари:
И жар огня, и рокот вод,
И крови вкус, и запах гари,
И времени негромкий ход.
Сквозь миллионы разных глаз
Глядит Вселенная на нас.

Жаргон судьбы нам был сперва
Неясен. Пробы и попытки
Сопротивления слова
Рождали. Разных текстов нитки
Связать в осмысленную ткань
Учились мы вслепую, с ходу,
Всё время выходя за грань,
Меняя смысл от года к году,
Природе отдавая дань,
И вечность доверяя коду.

Всё просто. В нашей жизни нет
Ни волшебства, ни чёрных магий,
Ни букв, доверенных бумаге,
Ни тайных знаков, ни примет,
Но мы способны силой слова
Менять себя, и снова нить
Сплетать и расплетать, и снова
Слова заветные хранить.

5.

Так жили мы, как бы во сне,
В пространстве стойкого движения
Свою поддерживая связь.
Как звёзд далёких отраженья
Ложатся ночью на волне,
Перекрываясь и двоясь,
От солнц иных, безвестных, дальних —
Так наша мыслилась дорога:
И недвусмысленно, и строго,
Не поспешая, не боясь,
В сплетении волокон хрустальных
Привычно, прихотливо строя
Узор, мешая свет и тень,
Решать как бы броском игральных
Костей, в знак силы и покоя,
Что нам покажет новый день.

Но мир менялся вместе с нами,
Быстрее нас во много крат.
Незримый атомов распад,
И солнца бешеное пламя,
И тектонические сдвиги,
И испарения болот
Уничтожали наши книги,
Ломая старый, верный код.

Не выйти было нам из круга.
Судьба нас не уберегла,
И наши смертные тела
Оборотились друг на друга,
И мир, разбившись, засверкал
Осколками кривых зеркал.

Былым бессмертием влекомы,
Мы уходили в наши дома,
В привычный мир библиотек.
На хрупкий и недолгий век
Мы променяли бесконечность.
Оставив прежнюю беспечность,
Мы стали скупы и жестоки.
Друг с другом мы вступили в бой
За наше право быть собой
И повторять свои истоки.

6.

Кто нас избавит из тюрьмы?
Кто нас вернёт в былую эру,
Чтобы, по старому примеру,
Прилежно, строго жили мы —
Не повелители Вселенной,
А только стражи неизменной,
Могучей ткани естества?
Какие подобрать слова?
Как нам попасть в тот ритм единый,
Чтоб смысл не прекратился в нас,
Чтоб звёздный свет наш не погас,
Задушен липкой, косной глиной?

Мы в хрупких нитей волокно
Вплетали древние законы,
Но вечной жизни не дано
Ни текстам древности, ни нам.
Так рушится прекрасный храм,
Подламываются колонны
И погребают под собою
Алтарь, священников и хор.

Но мы отобраны судьбою,
И наш не кончен разговор.

Мы ждали миллионы лет;
Мы ждём всегда. Несясь по кругу,
Мы свитки древних эстафет
Во тьме передаём друг другу.
Мы ждём, пока настанет миг,
Когда планеты этой житель —
Другой, неведомый воитель —
Узнает мудрость наших книг.
Мы ждём, когда строитель тот,
Намеренный или случайный,
Взломает старый переплёт,
Раскроет наш заветный код,
И то, что было нашей тайной,
На новом языке прочтёт.

(1999)

НАБΟКОВ И ХОЛОДКОВСКИЙ

1.

Не то что б меж Днепром и Доном,
Но ближе к западу, к Днестру,
Стикс бурный слился с Ахероном,
А я увидел их сестру.
За много миль, за много лет
Немало о тебе пропето;
Прими же мой шальной куплет,
Ты, древнегреческая Лета!
Черты твоей долины строги,
Они с годами всё ясней,
Но не найти к тебе дороги
Из нашей области теней.
На берегах твоих притоков
Раскинут вечности шатёр;
В нём Холодковский и Набоков
Не прекращают разговор.

2.

Х.

Позвольте возразить, коллега:
Как на страницах букваря,

Альбедо сажи или снега
И проводимость янтара
Вполне просты и измеримы.

Н.

Но не Измиры и не Римы.
Возможно, путь разумный, мирный
Счастливо изменит наш мир,
Но не изменится Измир:
Ему не стать обратно Смирной.

Х.

Но сущность лип и тополей,
Созвездий и цивилизаций
Зависит лишь от комбинаций
Частиц, молекул и полей,
От поведения протона
И от фибрилл веретена —
Читай об этом у Платона.

Н.

Платон мне друг, но и стена
Между реальностью и тенью
Мне дорога. Моя дорога
Учила верить впечатленью,
А не разумности итога.
Я не заботился о том,

Что скажет Бедекера том
В своём издании десятом.

Х.

Однако, рассекая атом,
Узнали Гейзенберг и Бор,
Как из-за сосен видеть бор,
А в соснах — каждую мутовку,
И сосчитать её, плутовку.

Н.

Но не пилильщика, не совку,
Грызущих каверзы свои
В зелёном хаосе хвои!
Там смысла закоснелый полог
Поднимет грустный энтомолог;
Там в царстве, издавна прорытом
Из их Варшавы в их Париж,
И короедам, и термитам
Хватает перманентных ниш;
Там обыватель древоядный
В смолистых органах дриад
Сверлит и точит всё подряд;
А я над строчкою тетрадной
Вдыхаю жизни аромат
Да слышу трубы Иерихона
Через окошко пансиона.

3.

Х.

О век идей, усердный малый!
Твой мрачный стяг, от крови алый,
Ещё потомки проклянут.
Дела и вправду были плохи:
Всего за несколько минут
Ты смысл похитил из эпохи.

Н.

Там, терпелив и осторожен,
Предупреждал Илья Пригожин,
Что мира ткань не так плотна
И что в иные времена
Структура времени не вечна.
Но публика всегда беспечна.

Х.

На роль борца и либерала
Толпа меня не выбирала,
Но просветителя очки
Носил я доблестно и честно;
А что случилось, всем известно.

Н.

Как бы подземные толчки
В ненужном месте, в миг свирепый,

Создали образец нелепый,
И франкенштейновский урод
Возник в стекле полярных вод,
И далее дороги нет.

Х.

Взгляни на карту этих лет:
Там, на краю материка,
Застыла времени река
В своем бессмысленном полёте.
К чему им Фауст или Гёте?
И жизнью я не назову
Тот мир без плотности и веса,
Где цель и мера их прогресса
Есть удержаться на плаву.

Н.

Но милые, бывшие тени
Навечно в памяти крепки.
Там вырубали мы ступени
И статуи, и языки.
Своими были среди первых,
И память, запертая в нервах
И в радужке вокруг зрачка,
Не потеряет ни значка,
Ни буковки из нашей яви.
Но топок ил на переправе.

4.

Но есть порядок в строчках тесных,
В движении орбит небесных,
Внутри молекул незнакомых
И в планах тела насекомых.

Шумит, горит пожар московский,
Судьба не назначает сроков,
Но переводит Холодковский,
И напрягает взгляд Набоков.

Их вечность слышима и зрима,
Не сосчитать её излучин.
История проходит мимо
Того, кто помнить не обучен.

От Корсики до Каролины
Ещё не все мотивы спеты
На заливных лугах долины,
Над золотою поймой Леты.

(2001)

ДНЕВНИК БЕРГА

1.

Рассматривая поры и каверны,
я отделяю пустоту от света,
пролистывая записи свои.
Заворожённый свойствами предмета,
я очищаю истину от скверны
и разбираю древние слои.

В прогрессе человеческого рода
я вижу очевидные следы
не просто генетического кода,
не только окружающей среды,
но третий фактор, третий компонент —
эмульсия несмытых кинолент;
немыслимое пиршество для глаза;
суть воздуха, огня, воды, земли —
сокровища, достойные рассказа,
под микроскопом Берга расцвели.

2.

Что ж я открыл, о чём ни Карл фон Бэр,
ни Шванн, ни Шлейден не подозревали?
В особо отшлифованном кристалле
какой расшифровал античный свиток?
Каких достиг мельчайших, drobных сфер,
структур и отложений? Что нашёл
я в дымной глубине застывших смол,
янтарный миллионoлетний слиток
просверливая огненным лучом,
как будто в некий рай своим ключом
дверь открывая?..

Сотни мелких меток,
подобно тем, что шьются на бельё,
сидят в основе всех существ и клеток,
сплетя сознание и бытiе.

В кавернах наших душ живут частицы,
создания бездонной глубины,
возничиe всемирной колесницы,
хранители невидимой страны.
Они древнее клетки и кристалла,
первичнее клетчатки и белка;
их мудрость жизнь ещё не перестала
копировать рукой ученика.

Я это всё здесь говорю к тому,
что эти-то создания и дали
толчок исходный нашему уму
(я опускаю многие детали).

3.

Иначе говоря — свернув с дороги,
где всё решают гены или боги,
я продираюсь сквозь густой репей
на пустырях теории; и снова
в строении наследственных цепей
я чувствую присутствие чужого,
текучего и древнего ума,
наличие особого клавира —
как будто бы история сама
осела плёнкой на основах мира.

Как на музейном дивном полотне,
мне виден результат её работы:
на сдвоенном хрустальном волокне,
идушем через радужные соты,
есть сонм частиц, плетущих нерв и мозг,
вбирающих энергию и время,
так пчелы мёд упрятывают в воск,
так сладкий плод в себе содержит семя —
и эти обитатели как раз,
похоже по всему, создали нас.

4.

Что скажут обо мне через пятьсот
унылых лет? Допустим, так: «Отверг
наш мир естествоведческую веру.
Теперь река забвения течёт
размеренно. И пруттик лозоходца
носить приятней, чем всю жизнь бороться
за истину. А вот аптекарь Берг
пытался утвердить свою манеру
анализа и синтеза, но зря:
у нас настала новая пора;
нам лучше жить, не зная, не смотря,
не думая; реторты и пера
труд не для нас; на миллионы лиг
давно уж нет ни опытов, ни книг.
Живем мы без срывания личин,
зато обходимся без зуботычин,
наш мир крупнозернист и холистичен,
не надо в нём искать первопричин», —
такой вердикт они произнесут,
назвав меня безвредным идиотом.

А я, когда бы призван был на суд
потомков, копошащихся под гнётом
эмпирики, в их Эмпиреях квёлых —
рассказывать о поисках чудес;

о призрачных, немислимо тяжёлых,
забытых временах; о том, как лес
провербиальный нам из-за стволов
увиделся — не стал бы. Мой улов
вытаскиваю я на дикий берег,
не пользуясь вниманием коллег.

5.

Коллег, признаться, не имею я.
Коллега в нашем веке есть калека:
в обозе у медлительного века
галдят они, как стая воронья,
а то ещё, как чайки или крачки,
когда у нищей лодки рыбака
они слетятся в поисках подачки,
пока сильна дающего рука.

Мне не противно званье мизантропа;
мне кошелька не выдаст меценат;
мой мир — под светлым кругом микроскопа,
в скрещении иных координат.
Там — новый, смелый мир, уже привычный;
частицами взволнованного света
он выгравирован, как ширь морей
вспенённая, ярящаяся; личный
мир, скрытый позади моих дверей;
мой мир натуралиста и поэта.

А что сказал бы Левенгук, мой брат
по цеху? Он-то точно был бы рад.

6.

Так я, Карл Людвиг Берг, аптекарь в Риге,
произношу вердикт в амбарной книге,
как акванавт, достигнув глубины.

Здесь вечности слои застеклены.
На полках мириад моих флаконов,
с ретортами и вытяжкой рядом,
доказывает подлинность законов,
которые аптекарь Берг постиг
не от профессоров и не из книг,
а собственным умом и цепким взглядом.

И всякий, кто откроет мой дневник,
готические буквы разбирая,
поймёт, конечно же, что я проник
в преддверия утраченного рая —
который есть не выдумка, не миф,
не обещание посмертной веры,
хранимое в чулане про запас, —
а *память*. Может быть, её открыв,
теперь мы станем лучше. Ведь для нас
имеют смысл старинные примеры.

(2008)

НАТУРАЛИСТ

П р о л о г

Вы снова здесь, разгаданные коды,
бескрайний сонм распутанных сетей,
мой скромный вклад в познание природы,
скупой анализ квантовых путей.

Но мирное столетие прошло,
и снова мы уязвлены войною;
и в память тех, кто был тогда со мною,
я протираю пыльное стекло.

Давай откроем записи тех лет,
сигналы памяти отборчивой и зыбкой
о том, как изменился этот свет,
и будем думать над своей ошибкой.

1.

Таинственные солнечные токи
тянули груз веществ по руслу дней;
в свое стекло, всё глубже и ясней,
он видел верфи, пристани и доки
больших молекул и существ сверхмалых,
их толчею в кавернах и каналах.

Как Пётр в Голландии неутомим,
неутомим в особой лихорадке,
всё, что развёртывалось перед ним,
Ксаверий рисовал в своей тетрадке
и в микроскопа освещённый круг
заглядывал, как новый Левенгук.

Очарованье это не прошло,
видения его не охладели.
Князь проводил бескрайние недели,
установившись в чудесное стекло,
где, слизистый прочерчивая след,
паслись стада маркиза Карабаса,
и так и не сошла за много лет
с его лица блаженная гримаса.

Мерв, давший имя моему герою,
стоял на древнем Шёлковом пути,
там, где чинар с облезшею корою
в своем дупле даст место десяти;
где богатеет нынешний сатрап,
державший лапу на поставке газа
(но это не для нашего рассказа);
Мерв, где в песках теряется Мургаб,
к империи был присоединён,
когда отец Ксаверия, полковник,
назначен в асхабадский гарнизон,

для шёлковых червей растил тутовник,
пока ещё не думая о хлопке,
да поощрял парфянские раскопки.

Безоблачное детство в Асхабаде.
Страсть к чтению. Способность к языкам.
Визиты к фирюзинским казакам;
убитый ими тигр в его тетради
(вплоть до последнего ареста, мать
ещё хранила старую тетрадь).
Он часто вспоминал в иной стране,
как вкусно пили чай на топчане
с Билькевичем в густой тени платана,
как пресноводных крабов тех долин
в полуверсте от дикого Ирана
он опускал в прозрачный формалин.

Его вела, знакома и терниста,
естественника дивная стезя,
та самая тропа натуралиста,
которою не следовать нельзя,
та, на которой зрение крепчало,
та, на которой знание росло,
где детским взглядом с самого начала
он заглянул в волшебное стекло,
и многое невидимое сразу
стало понятно и привычно глазу.

2.

Он наблюдал устройство всякой твари,
привычки водорослей и зверей
от Белого до Чёрного морей
и на неапольском стационаре.
Он черпал ил от Волги до Онеги,
и свежий генетический жаргон
он применял к тому, что видел он,
точнее, чем учёные коллеги.

По старой карте следуя за Мервским,
мы отмечаем, например, тот год
когда кружным путём австро-венгерским
наш юный князь достиг фракийских вод.

На станции он занял пост вакантный,
как препаратер или лаборант.
Там навещал его экстравагантный
болгарский царь, пытливый Фердинанд.
Морской воды плеснув под микроскоп,
они вдвоём смотрели на амёб
и инфузорий интерстициальных,
в созопольском песке оставив след
в той ясной атмосфере сюрреальных,
немыслимых, последних мирных лет.

Мы знаем, что в 11-м году,
набрав в свои пробирки грязь и пену,
князь ненадолго возвратился в Вену,
отыскивая нужную среду.

Не заходил он в венские кафе,
где Троцкий звал на ауто-да-фе;
не слушал сказок в оперном лесу,
где в 5 утра, едва халат набросив,
трудился император Франц-Иосиф,
от писем отрезая полосу
за полосой для будущих закладок.
Считалось: Ordnung — стало быть, порядок.

Так следовал порядку и Ксаверий:
он рисовал подвластные ему
колонии невидимых бактерий,
неведомые глазу и уму.

Он различал пучки тугих волокон,
строение ячеистых миров,
усеянный рядами мелких окон
двойных мембран устойчивый покров.
В томах своих бесчисленных заметок
он описал устройство наших клеток;

изображала быстрая рука
сеть гамаков и оболочек скрытных,
пути молекул разобщённо-слитных,
и сборку матриц, и состав белка,
и под копирку созданные коды.

Теперь мы знаем, что никто в те годы
на самых лучших кафедрах Европы
не мог понять того, что видел он.
(Но в мир пришли иные микроскопы,
переменив фотон на электрон.)

Так он бродил по переулкам Вены,
не ведая ни Фрейда, ни войны,
когда, внезапно воспламенены,
вступили в действие иные гены —
те самые, что через триста лет,
в моей лаборатории открыты,
при новом положении планет
изменяют все законы и лимиты.

(Казалось бы, прошли те времена,
когда возможно новому случиться:
и жизни суть давно закреплена,
и царству тьмы поставлена граница;
но мы не знали шума бытия
и спектра времени... А впрочем, я
отвлёкся).

3.

Необыкновенный взгляд,
давно присущий Мервскому, отныне
мог находить искомое в пучине
времён. Он возвращался в Асхабад
начала века; посещал Москву
(где никогда и не был наяву);
особым оком наблюдал Ксаверий
дела всех королей и всех империй;
в кинематографе его ума
мелькали и пожары, и чума.
Но было интереснее вдвойне
сосредоточить взгляд на глубине.

Он всматривался в смену поколений,
в движение молекул и племён;
он был захвачен яркостью явлений
и их наивной частотой пленён.

И неправдоподобные былины,
волшебным взглядом усугублены,
освещены, как венские витрины,
вставали из ушедшей глубины.

Он различал сомнения и цели,
истлевших идеалов торжество,
и все эпохи плавилась и пели
перед глазами серыми его.

А между тем, его волшебный дар
дать князю заработок был не в силах:
давно иссяк солидный гонорар
за довоенный атлас жесткокрылых;
с вольнского имения доход
уже не шёл с 15-го года;
не выручал случайный перевод —

и он взошёл по трапу парохода,
и в 23-м, тридцати двух лет,
Ксаверий Мервский прибыл в Новый Свет.

Другие шли кто в лагерь, кто на плаху,
а наш случайно уцелевший князь,
к миссионерам присоединясь,
попал на жаркий полуостров Баху.

В краю пустынь, не до конца открытом,
читал тысячелетний палимпсест
и помогал отцам-иезуитам
исследовать природу этих мест.

С ним был тогда на дружеской ноге
французский инженер Léon Diguët,
специалист по кактусам Соноры,
и в этом диком уголке Земли
они, хочу надеяться, вели
за чаркою текилы разговоры.

4.

Ксаверий объезжал свои пустыни,
не зная ни усталости, ни сна,
надписывая чётко по-латыни
изобретаемые имена.

Он обновлял нехоженные тропы
и открывал подводные миры,
и рассылал в музеи всей Европы
свои калифорнийские дары.
И с каждой почтой аккуратный груз
жуков, тысяченожек и медуз
со штемпелем, проставленным в Ла-Пазе,
шёл в Лондон и Париж, Берлин и Прагу,
напоминая им о странном князе.

Диковинная фауна и флора
была лишь тенью вечного узора,
который он пытался на бумагу
скопировать, списать, перевести,
первопроходцем на своём пути
изобретая символы и слоги
и упираясь в скудные слова,
как римские размытые дороги
в дунайские слепые рукава.

Князь иллюстрировал статьи и книги;
мы знаем, что художника талант
в нём отмечал известный Эмбрик Странд,
профессор университета в Риге.

Смешно и грустно. Всё-таки смешно:
ему открылось чудное окно,
масштаба сверхъестественного карта,
все ангелы на кончике иглы —
а он нарочно размывал углы,
чтобы попасть на уровень стандарта,
стушёвывал мельчайшие детали,
которых современники не знали
и ожидать, конечно, не могли.

Он видел всю историю Земли.

Как юношею он составил свой
подводных тварей каталог подробный,
проникнув зрением в анаэробный
эвксинских вод холодный донный слой —
так ныне всё наследие веков,
весь груз, что унесли Дунай и Висла,
переводились в символы и числа
и шли в тома его черновиков.

Он видел жизнь в осевшем тонком прахе
в лиманах Добруджи, в лагунах Бахи,
и в чёрном вулканическом песке,
и в тонком слое закаспийской пыли —
и высохшие, сбывшиеся были
записывал на новом языке;
подробности бесчисленных событий,
угаданный узор древнейших нитей,
мотивы повторяющихся тем,
ушедших дел мельчайшие детали,
из праха поднимаясь, улетали
в его души неистовый Мальстрем.

5.

За пыльными кулисами природы
он видел то, чего никто не знал,
как Робинзон, события и годы
записывая в полевой журнал.
Фиксировала каждая страница
простор эпох; смрад войн больших и малых;
мысль, янтарём застывшую в веках;
всё прошлое, которое хранится
у вечности в заброшенных подвалах,
у времени на тайных чердаках,
всё то, что отражается в окне
вагона — и в полузабытом сне.

Но стал с годами меркнуть чудный свет,
идуший от событий прошлых лет;
и с некоторых пор заметил князь:
плотнели проницаемые стены
вещей и слов, и всё труднее гены
читали узнаваемую вязь.

И он спешил смотреть: как было знать,
как долго ясновиденье продлится?
Любая расшифрованная прядь
времён, любая новая частица,
пройдя сквозь фильтры сердца и ума,
ложились записью в его тома.

И поднимался от воды туман,
и голубое зеркало залива
пересекал паром на Мазатлан
с очередной порцией архива.

6.

В каких бы ни был князь разездах новых,
он отсылал коллекции в Музей
естественной истории в Софии,
а записи, журналы полевые
и дневники копились у друзей —
у Нины и Семёна Годуновых,
в уютном доме у моста со львами:

тома страниц, заполненных словами
на незнакомом алфавите (он
употреблял особый лексикон
и одному ему известный код).

Елене шёл четырнадцатый год,
когда с отцовской полки род тетради
она открыла любопытства ради
и навсегда осталась пленена
уверенными, мягкими штрихами
рисунков неизвестного К.М.,
где в мириадах высвеченных тем
хранился дух, испытанный веками,
преображённый гранями кристалла.

Так, полюбив Ксаверия, она
ещё его по имени не знала
и как героя пушкинских поэм
воображала своего К.М.

Пять лет спустя сбылась её мечта —
увидеть автора чудесного альбома.
Он появился на пороге дома,
застыв на фоне Львиного моста,
как молния с небесной вышины.

И в тот же год они обручены.

И князь отправился в последний раз,
чтоб рукописи вывезти, в Ла-Паз.

7.

И там внезапно, без предупреждений,
его постиг немыслимый удар —
как дождь в песок, ушёл волшебный дар,
утратился его чудесный гений.

Мозг онемел, как при анестезии.
Ксаверий стал вдвойне глухонемым,
втройне слепым. Он видел мир как слитный
источник шума. В Санта-Розалии
он спал в какой-то хате глинобитной,
питался в миссии, лежал, бродил
по берегу, ступая в пёстрый ил,
входил в солоноватые лагуны,
не слыша струн небесных и земных,
не понимая записей своих
искусно зашифрованные руны.

Не чувствуя ни тела, ни души,
не трогая свои карандаши,
не в состоянии сказать ни слова,
в Нью-Йорке, в ноябре 32-го,
Ксаверий Мервский сел на «Лафайет»
и прибыл в Гавр. Тут мы теряем след
его на десять бесконечных лет.

8.

Всё далее случившееся он
воспринимал как смутный, мерзкий сон:

ночной кошмар, как скрежет по стеклу,
сигналы фар через ночную мглу,

перо, застывшее в его руке,
и протокол на русском языке,

и мысль одна, светящая в ночи:
о том, что опоздали палачи.

Им ни к чему теперь досье о князе
от детских лет до тайника в Ла-Пазе;
пытать его не стоило труда —

он следствию не может выдать кода:
его талант утрачен навсегда,
и неизвестна тайная природа.

9.

Однажды осенью, лет через пять,
в одесской одиночке заточён,
он понемногу начал вспоминать
подробности событий и времён,

очнулся от отравленного сна,
и красная пропала пелена,

и солнечная сила потекла
по высохшим каналам и сосудам.

В 42-м году он выжил чудом.

Елена десять лет его ждала.

10.

В учебниках истории земной
найди портрет Ксаверия и Лены —
в развалинах послевоенной Вены
их фото с новорожденной княжной.

За Лидией Ксаверьевной вослед
в течение одиннадцати лет
родились: близнецы Семён и Нина,
Констанция (в честь деда Константина),
Ксаверий-младший и Елизавета,
а в 56-м — Борис и Глеб:
четыре дочери, четыре сына.

Не в силах в будущее заглянуть,
отец не знал, что книгою судеб
его потомству предначертан путь
создателей Последнего Завета.

В них видя ясновиденья крупицы,
Ксаверий обучал своих детей
симфонии травы и песне птиц,
сну целого и радости частей,
величию мельчайшего, итогу
прошедшего и сплаву всех отваг
и рисовал для них, за шагом шаг,
единственную верную дорогу.

Когда-нибудь и наш потомок верный,
ещё не появившийся на свет,
создаст учебник горестной и скверной
истории последних сотен лет,
и воскресит из атомарной пыли
прошедшее, которое забыли.

И электромагнитная война
две тысячи шестнадцатого года,
и страшные, глухие времена
Большой Зимы и Нового Исхода,
зыбучее нашествие песков,
чума, искоренившая поэтов,
и гибель школ и университетов,
и смерть традиционных языков —
минуло всё. Распался мир на части.
Отдав свои права центральной власти,
все граждане Империи Небесной
влачат свой век в надежде на покой.

И только мы стоим у самой кромки
над вечною открывшеюся бездно́й,
над огненной забвения реко́й —
далёкие, но верные потомки
восьми детей Ксаверия с Еленой,
хранители всех знаний о Вселенной.

Э п и л о г

В меняющемся облике планеты
и в мире нескончаемой войны
уже непредсказуемы предметы
и правила не определены.

И в наши дни, когда воздвигнут мост
от прошлого к грядущему; когда
в действительности говорит звезда
с звездой в небесах — нам не до звёзд.

Мы знаем, где явлений наших суть
испортилась — но, чтобы новым бедам
путь преградить, нам надо заглянуть
за тот предел, который нам неведом.

Дом Годуновых жив, и мост, и львы;
вот жалко, что архивы навсегда
погребены в развалинах Москвы
под грязным слоем векового льда.

И в череде пустых десятилетий
до нас дошёл лишь устный пересказ
тех знаний, что запоминали дети
Ксаверия с Еленой для нас.

Мы не одарены волшебным глазом,
как Мервский, но в глубинах ДНК
мелодия особого смычка
выводит то, что называют — разум.

Ему нужна немалая отвага,
чтоб сохраниться в этих грозных днях,
чтоб выжить, как лишайник на камнях
в ущельях Западного Копетдага,

где триста лет назад, к воде склонясь,
заворожён блистающим потоком,
узор всех дел и всех событий связь
Ксаверий Мервский видел чудным оком.

(2007)

Комментарии

Пролог, значение которого несколько проясняется к концу поэмы, изложен, как и весь её текст, от лица анонимного рассказчика, далёкого потомка главного героя. Рассказчик этот располагается в будущем. В *Эпилоче* детство героя в Закаспийском крае (около 1900 г.) датируется как «*триста лет назад*», что помещает рассказчика примерно в 2200 год. Календарь событий грядущих 200 лет нам виден лишь смутно. Рассказчик мрачно сообщает в Прологе, что «*мирное столетие прошло*»; из этого мы заключаем, что весь 22 век был достаточно мирным периодом, в отличие от катастрофического 21-го, события которого вкратце изложены в части 10. Принимая, что биологические сроки размножения человеческого рода не изменились, рассказчик отдалён от героя поэмы на 10 поколений.

1.7, 1.12. «...*Пётр в Голландии ... новый Левенгук*» — в мае 1698 г. в Дельфте первооткрыватель микроорганизмов и создатель первых микроскопов, *Антони ван Левенгук* (1632—1723) демонстрировал свои открытия любознательному русскому царю *Петру I* (1672—1725). Ср. микроскопические занятия героя поэмы и болгарского царя Фердинанда (2.18—21).

1.10. *Ксаверий* — первое упоминание имени главного героя, которое указывает на его польское происхождение. Дополнительные источники этого редкого в России имени — несомненно, св. Франциск Ксаверий (1506—1552), знаменитый сооснователь (вместе с Игнатием Лойолой)

ордена иезуитов, миссионер в Азии; а также, возможно, «механический человек» (андроид) Ксаверий в романе А.С. Грина «Золотая цепь» (1925). Из других имен вспоминается граф Франциск Ксаверий Браницкий (1730—1819), великий гетман коронный польский и создатель знаменитого дендропарка «Александрия» под Белой Церковью. Его дочь, Елисавета Ксаверьевна Воронцова, известна как возможная «утаённая любовь» Пушкина в Одессе.

Год рождения нашего Ксаверия — 1890 или 1891 (см. 3.33: «и в 23-м, тридцати двух лет»); точный год смерти (после 1956, в Вене?) нам неизвестен. Ксаверий вырос в Асхабаде в семье военного, с детства у него открылся талант натуралиста и особое видение вглубь пространства (1.50—56). Читатели заметят близкое сходство в имени и занятиях героя с выдающимся натуралистом, первооткрывателем симбиогенеза¹, Константином Сергеевичем Мережковским (1855—1921). Автор признаёт, что сходство это отчасти намеренное, но должен заверить, что его героический Ксаверий не несет негативных моральных черт, в высшей степени присущих реальному К.С. Мережковскому². В то же время Ксаверию приданы черты многих его (и наших) современников-натуралистов, равно как и автобиографические черты. Автор провёл Ксаверия по четырём наиболее примечательным географическим местам своей жизни: это Туркмения, Вена, Нижняя Калифорния («Баха») и Болгария.

Автор также глубоко благодарен Линн Маргулис (1938—2011), знаменитому натуралисту нашего времени; наше

знакомство (с 2005 г.) и совместная работа¹³ несомненно оказали влияние и на моего Ксаверия.

1.18. «...стада маркиза Карабаса» — отзвук детского чтения героя; сказка Шарля Перро «Кот в сапогах» (*Le Chat botté*, 1697).

1.21. «Мерв, давший имя моему герою» — фамилия «Мервский» (первое упоминание см. 2.11), скорее всего — псевдоним, взятый Ксаверием для его научной деятельности в 1910-х годах в память о Закаспийской области (теперь Туркменистан), где он вырос, в честь города Мерва (теперь Мары) и Мервского оазиса. Не исключено, что при этом Ксаверий хотел скрыть от публики свою настоящую, аристократическую фамилию, которая остаётся нам неизвестной (см. 1.30).

1.22. «Стоял на древнем Шёлковом пути» — Мерв, один из древнейших городов Средней Азии, стоявший на берегу реки Мургаб, был столицей древней Маргианы. Мервский оазис тысячелетиями был важной остановкой путешественников и целью завоевателей.

1.25—26. «Где богатеет нынешний сатрап, держащий лапу на поставке газа» — похоже, что запасы природного газа и окружающая их коррупция ещё существуют в 23 веке, откуда ведётся рассказ.

1.29. «К империи был присоединён» — мирное присоединение Мервского оазиса к Закаспийской области Российской империи датируется 1884 г.

1.30. «...отец Ксаверия, полковник» — видимо, офицер польского происхождения на русской службе. Его зовут

Константин (см. 10.8), фамилия же нам неизвестна. Княжеский титул, звание полковника в российской армии и родовое волынское имение (3.29) позволяют отнести семью к польской аристократии, лояльной царскому правительству. Волынь вошла в Российскую империю по второму (1793) и третьему (1795) разделам Польши. Павел I возвратил польскому дворянству привилегии, и многие аристократы, например князья Чарторыйские (Czartoryski), искали поддержки в России. Чарторыйские владели поместьями на Волыни — в том числе, кстати, и под Ровно, где в начале 20 века жили предки автора. Возможно, семейные связи помогли Ксаверию впоследствии и в католической Вене, и при его контактах с иезуитами в Мексике в 1920-х гг.

1.31. *«Назначен в асхабадский гарнизон»* — Туркменский аул Асхабад был занят при завоевании Закаспийской области войсками генерала Скобелева 18 января 1881 г.

1.34. *«...парфянские раскопки»* — развалины Нисы, столицы Парфянской империи, в 18 км от Ашхабада. Систематические археологические раскопки Нисы начаты в 1930-е гг. М. Е. Массоном.

1.35. *«Безоблачное детство в Асхабаде»* — Асхабад, потом Полторацк, потом Ашхабад, теперь Ашгабат — отличный город Закаспийской области Российской империи (теперь столица Туркменистана). Летом облака там редки. Автор часто бывал в Ашхабаде в 1975–1987, а затем посещал его в 1997 и 2002 гг.

1.37–38. *«Визиты к фирюзинским казакам; убитый ими тигр»* — имеется в виду пограничный поселок Фи-

рюза (в составе России с 1893 г.) под Асхабадом; выше в горах Центрального Копетдага находились пограничные с Персией посты. Там в начале 20 века ещё встречался по долинам ныне истреблённый закаспийский тигр (*Panthera tigris virgata*), чрезвычайно близкий к уссурийскому³.

1.39. «...вплоть до последнего ареста» — видимо, с уходом английских войск (1919 г.) и окончательным установлением советской власти в Асхабаде родители Ксаверия были подвергнуты репрессиям. Не исключено, что отец героя, аристократ и видный военный, участвовал в антибольшевистском восстании в июле 1918 г. или даже был членом недолговечного Закаспийского временного правительства (1918—1919).

1.43. «...с Билькевичем» — С.И. Билькевич — видный зоолог, основатель музея естественной истории в Асхабаде, один из первых исследователей фауны Закаспийской области в 1890-х—1920-х гг.⁴ По возрасту С.И. Билькевич вполне мог быть наставником Ксаверия и брать его с собой в натуралистические поездки в начале 1900-х гг.

1.44, 1.46. «...пресноводных крабов тех долин» — в горных долинах Копетдага обычны пресноводные крабы (Rotamidae)⁵. «Опускал в прозрачный формалин» — ракообразные, включая крабов, для коллекций фиксируются в спирту или формалине (4%-м растворе формальдегида); указание на то, что юный Ксаверий уже тогда собирал музейные материалы (очевидно, для музея, основанного Билькевичем).

2.3—4. «...от Белого до Чёрного морей и на неапольском стационаре» — видимо, средства его семьи дали юному Ксаверию возможность путешествовать с натуралистическими целями по России и за рубеж, как, например, это делал студентом его сверстник А.А. Любищев (1890—1972). Полевые натуралистические исследования в высшей степени связаны с наличием постоянных полевых стационаров, биологических станций. Белое море — классическое место изучения северной водной фауны, где ещё в 1882 г. была открыта биостанция на базе Соловецкого монастыря (в 1899 её сменила Мурманская биостанция на Баренцевом море). Чёрное море — аналогичное место изучения южной водной фауны, где располагалась знаменитая Севастопольская биостанция (с 1871 г.). Черноморские мотивы далее развиваются в тексте болгарскими связями Ксаверия, а также его тюремным заключением в Одессе; они имеют и автобиографический характер (см. 4.46). Неапольский стационар (Stazione Zoologica Anton Dohrn) — морская биостанция мирового значения, основанная в 1872 г. в Неаполе немецким зоологом А. Дорном (1840—1909), где работали целые поколения блестящих русских биологов, включая А.О. Ковалевского, Н.К. Кольцова, В.Т. Шевякова, А.Н. Северцова, В.А. Догеля и многих других⁶. Другая знаменитая биологическая станция на Средиземном море, в Виллафранке (Villefranche-sur-Mer) возле Ниццы, была основана русскими учёными в 1884 г. Возможно, что в детстве Ксаверий выезжал на отдых с семьёй на Чёрное море, а также в Италию и Ниццу, как это делали многие российские аристократы.

Черноморскую фауну (эмбриологию медуз) изучал на кавказском побережье Николай Васильевич фон Корен («Дуэль» А.П. Чехова, 1891). Прообраз фон Корена (блестяще сыгранного В.С. Высоцким в экранизации 1973 г.) — друг Чехова, зоолог Владимир Александрович Вагнер (1849–1934). Вагнер планировал издавать вместе с Чеховым журнал «Натуралист»; такой журнал был основан в 1912 г. Вагнером и Л.В. Писаржевским под названием «Природа» и существует поныне⁷. И Чёрное море (в особенности Крым и Одесса), и Италия (побережья Адриатического и Тирренского морей) — традиционные топосы для русской литературы.

2.7. «...черпал ил от Волги до Онеги» — как видно, молодой Ксаверий интересовался не только морской, но и пресноводной фауной и флорой России, особенно бентосными (донными) организмами (ср. 4.40, 7.11). Впечатляют энергия и география его перемещений в 1900-х гг.; не исключено, что он присоединялся к группам студентов-естественников.

2.8. «...свежий генетический жаргон» — указание на то, что Ксаверий был не просто «классическим» натуралистом, который только описывает и зарисовывает свои объекты, но хорошо разбирался и в новейших теориях. Законы Менделя, первооткрывателя генетики⁸, были «вновь открыты» в 1900 г., а само слово «генетика» и её терминология («жаргон») были созданы английским биологом Вильямом Бэтсоном (1861–1926) в 1900-х гг. (в 1914 г. у него стажировался Н.И. Вавилов⁹, ровесник Ксаверия).

2.13—14. «...кружным путём австро-венгерским ... достиг фракийских вод» — отъезд Ксаверия из России в Австро-Венгрию (1907—1908?), скорее всего, связан с обучением в Венском университете (где тогда же учился, например, знаменитый в будущем физик Эрвин Шрёдингер). Появление Ксаверия в Болгарии (древняя Фракия) относится примерно к 1909—1910 гг. Уже знакомый с черноморской фауной российских берегов (см. 2.3), Ксаверий решает провести некоторое время в полевых условиях для её исследования на малоизученном болгарском побережье. Резонно полагать, что молодой зоолог проводил полевые сезоны на Чёрном море, а зимнее время в естественно-исторических музеях Европы (4.12). Нам неизвестно, почему Ксаверий выбрал именно Болгарию для своей научной работы по организмам Чёрного моря (см. также 4.40), но эта страна сыграет несомненную роль в его дальнейшей жизни.

2.18. «...болгарский царь, пытливый Фердинанд» — Фердинанд I Кобургский (1861—1948), князь Болгарии с 1887 г. и царь независимой Болгарии в 1908—1918 гг., действительно интересовался естественными науками. В возрасте 18 лет он отправился вместе с братом Августом в Бразилию с ботанической экспедицией¹⁰, а в 1889 г. основал Музей естественной истории в Софии (см. 6.3). Политическая деятельность Фердинанда была менее успешной: он принимал активное участие в развязывании Первой и Второй Балканских войн (1912—1913), предшествовавших Первой мировой войне, а в 1918 был вынужден отречься от престола в пользу сына Бориса (см. также 9.9).

2.20—21. *Интерстициальная фауна* — простейшие организмы и мелкие беспозвоночные животные, обитающие в промежутках между зёрнами песка. Ксаверий и Фердинанд наблюдают черноморских амёб, которых впоследствии описал крупнейший болгарский протозоолог, профессор Васил Големански¹¹.

2.22. «*В Созопольском песке оставив след*» — анахронизм: Опытная ихтиологическая станция в Созополе была создана только в 1932 г.¹²; её первым директором стал русский эмигрант, выдающийся ихтиолог Александр Нечаев. Созополь (древняя Аполлония Понтийская) расположен на юго-западном берегу Чёрного моря.

2.30. *Троцкий* (Бронштейн), Лев Давыдович (1879—1940) — российский политический деятель, один из лидеров Октябрьского переворота 1917 г.; в 1912—1913 гг. был корреспондентом русских газет на Балканских войнах, с 1908 по 1912 г. издавал в Вене газету «Правда». См. также 8.9—10.

2.33—35. «*Трудился император Франц-Иосиф, от писем отрезая полосу за полосой для будущих закладок*» — в императорском дворце-музее Шёнбрунн под Веной туристам демонстрируют усердность и порядок, с которыми работал престарелый Франц-Иосиф I (1830—1916), правивший Австрийской империей в течение 68 лет. У императора действительно была привычка отрезать полоски чистой, высококачественной бумаги от полученных писем, используя их для закладок и заметок.

2.43—44. «...пучки тугих волокон ... двойных мембран устойчивый покров» — благодаря своему волшебному зрению Ксаверий наблюдал мельчайшие структуры живых клеток, которые стали видны учёным только к 1950-м—1960-м гг. после изобретения электронного микроскопа (см. 2.55). *Пучки тугих волокон* могут относиться к структуре ДНК в хромосомах, которая была неизвестна учёным до 1950-х гг.⁸ *Двойными мембранами* окружены важнейшие клеточные структуры (органеллы) симбиотического происхождения (митохондрии и хлоропласты); намёк на то, что уже в 1910-х гг. Ксаверий мог видеть доказательства симбиотического происхождения клеток эукариот (животных и растений). Впервые эту гипотезу сформулировал К. С. Мережковский в 1909 г.¹; в 1921—1924 гг. её развил Б. М. Козо-Полянский¹³, а начиная с 1960-х гг. — Линн Маргулис.

2.55—56. «Но в мир пришли иные микроскопы, переменив фотон на электрон» — речь идёт об электронном микроскопе, который изобрел Эрнст Руска (1906—1988) в Германии в 1932 г. (первая коммерческая модель, 1939; Нобелевская премия по физике, 1986)¹⁴. *Фотоны* — кванты (частицы, волны) света, используемые в обычных (световых, или оптических) микроскопах, изобретённых ещё в 17 веке и дающих увеличение в сотни раз. Электронный микроскоп даёт увеличение в тысячи и сотни тысяч раз, позволяя видеть мельчайшие структурные детали клеток. Чудесное «глубинное видение» Ксаверия обладало подобным, если не более высоким, разрешением.

2.57. «*Так он бродил по переулкам Вены, не ведая ни Фрейда, ни войны*» — с началом Первой мировой войны (август 1914 г.) Ксаверий оказался в Вене, где, будучи российским подданным, он должен был быть интернирован. Нам неизвестно, случилось ли это, но мы не знаем подробностей о жизни Ксаверия в Австрии с 1914 по 1922 г. Империя Габсбургов пала в ноябре 1918 г. Ксаверий уехал из Вены в Мексику в 1923 г. (3.33) и вернулся туда более чем двадцать лет спустя, бежав с семьёй из Болгарии, видимо, в 1944 г. (10.3). Зигмунд Фрейд (1856—1939), основатель психоанализа, прожил в Вене большую часть своей жизни.

3.5—6. «*Посещал Москву (где никогда и не был наяву)*» — одним из известнейших русских эмигрантов, никогда в жизни не бывавшим в Москве и особо это отмечавшим, был петербуржец В.В. Набоков (1899—1977).

3.28. «*...довоенный атлас жесткокрылых*» — жесткокрылые (отряд Coleoptera) — научное название жуков, крупнейшей и популярнейшей среди учёных и коллекционеров группы насекомых. «Ни одному занятию не предавался я в Кембридже даже приблизительно с такой огромной страстью, ничто не доставляло мне такого удовольствия, как коллекционирование жуков» (Чарльз Дарвин). Множество определителей и атласов насекомых было опубликовано в начале 20 века; в частности, знаменитая книга Г.Г. Якобсона «Жуки России и Западной Европы» с цветными иллюстрациями издавалась в 11 выпусках с 1905 по 1915 г. Ксаверий собирал жуков для европейских музеев в Мексике (4.10).

3.29—30. «С волынского имения доход уже не шёл с 15-го года» — речь идёт о родовом имении семьи Ксаверия в Волынской губернии. В мае 1915 г. австрийские войска прорвали русский фронт в Галиции (Горлицкий прорыв); началось отступление русской армии и общий разгром русского фронта, закончившийся оставлением Галиции, Польши, Литвы и Курляндии. Дед автора, Эли (Илья) Фет (1888—1977), родом с Волыни (Ровно), служил в это время писарем в русской армии и был контужен на Карпатах. Волынь была вновь занята русскими войсками в ходе Брусиловского прорыва в 1916 г.

3.33. «И в 23-м, 32-х лет...» — Ксаверий уезжает в Новый Свет в возрасте 32 лет; столько же было автору в момент эмиграции из Советского Союза в США (март 1988 г.). Ксаверий проводит в Мексике девять лет (1923—1932); ровно столько же лет провел автор в Западном Копетдаге (1978—1987; см. комментарий к Эпilogу). Отъезд Ксаверия из Австрии мотивируется в тексте материальными соображениями, однако не исключено, что уже в начале 20-х годов 20 века советские чекисты вели за ним слежку (см. 8.9), которая, как мы знаем, продолжилась и в Мексике.

3.38. «Попал на жаркий полуостров Баху» — Баха (исп. Baja California, Нижняя Калифорния) — провинциальная область в Мексике, занимающая пустынный Калифорнийский полуостров. Некоторое время управлялась иезуитами и по сей день несёт следы их пребывания. До 1768 г., когда иезуиты были изгнаны из всех испанских владений, наиболее важной миссией в Бахе была миссия св. Фран-

циска Ксаверия (Mision San Francisco Javier) к западу от Лорето. Ксаверий базировался в портовом городке Ла-Паз на юго-восточном побережье полуострова (см. 6.32, 8.10). В 1920-х гг. он мог участвовать в экспедициях зоолога Лоренса Хьюи, ботаника Айры Уиггинса и других исследователей¹⁵. Автор и его семья активно участвовали в 1990-х гг. в экспедициях известного американского зоолога Гэри Полиса (1946—2000) в северной части Бахи, фауна пустынь которой и по сей день всё ещё плохо изучена.

3.41—42. *«...помогал отцам-иезуитам исследовать природу этих мест»* — многие знаменитые иезуиты-миссионеры были натуралистами, от Хосе де Акосты (1539—1600) в Южной Америке до Пьера Тейяра де Шардена (1881—1955) в Китае. Первая книга о естественной истории Бахи, написанная иезуитом Мигелем дель Барко (1706—1790)¹⁶, пролежала 200 лет в архивах и была опубликована только в 1973 г. К слову, в 1990—1995 гг. автору довелось преподавать биологию в Университете Лойолы (Новый Орлеан, Луизиана), который был основан иезуитами.

3.43—48. *Léon Digue* (Леон Диге) (1859—1925) — французский инженер-химик, натуралист, геолог, этнограф, фотограф. Работал в горно-рудной компании барона Ротшильда Voleo (см. 7.8); исследовал Нижнюю Калифорнию и другие штаты Мексики в 1893—1913 гг.¹⁷ Диге умер в Париже в 1925 г., поэтому его встреча и дружба с Ксаверием в начале 1920-х гг., скорее всего, являются анахронизмом. В течение многих лет Диге пересылал свои

зоологические и ботанические коллекции из Мексики в парижский Музей естественной истории (ср. 4.7—12). Автору довелось исследовать род скорпионов из Бахи, впервые собранный Леоном Диге, типовой экземпляра которого хранится в Париже¹⁸. «*Специалист по кактусам Соноры*» — имеется в виду посмертная монография Диге о мексиканских кактусах (1928)¹⁹. Сонора — песчано-каменистая пустыня, занимающая часть Калифорнийского полуострова, а также материковые области запада Мексики (штат Сонора) и юго-запада США (часть штатов Аризона и Калифорния).

4.10. «...жуков, тысяченожек и медуз» — разнообразный набор групп животных, упомянутых здесь, подчеркивает широту интересов Ксаверия и его корреспондентов в музеях: он изучает и наземную фауну, и морских животных. О жуках (Coleoptera) см. 3.28. Тысяченожки, или двупарноногие, называемые также кивсяками (класс Diplopoda) — обычная, но малоизученная группа членистоногих-многоножек²⁰. Медузы — общее название плавающих стадий кишечноротовых (стрекающих) беспозвоночных (тип Coelenterata, или Cnidaria); необычные виды медуз и поныне обнаруживаются у берегов Калифорнийского полуострова²¹. Эмбриологию медуз изучал чеховский фон Корен (см. 2.3).

4.12. «...в Лондон и Париж, Берлин и Прагу» — называются местонахождения крупнейших естественно-исторических музеев Европы: British Museum (Natural History) в Лондоне, Muséum national d'Histoire naturelle в Париже, Museum für Naturkunde der Humboldt-Universität в Бер-

лине и Narodní muzeum в Праге. Устройство и поддержка таких музеев требовали огромных средств, в Европе 18—19 веков часто выделявшихся правящей аристократией. Ниже (см. 6.3) упоминается музей в Софии, основанный в 1889 г. князем Фердинандом (2.18). Несомненно, Ксаверий имел контакт также с замечательным Naturhistorisches Museum в Вене, основанным в том же 1889 г. Францем-Иосифом I (2.33). Автор имел возможность работать там в 1999, 2005 и 2012 гг., за что он искренне благодарен сотрудникам Отделения зоологии беспозвоночных Юргену Груберу, Верене Штагль и Христуфу Хёрвегу, а также австрийской программе Фулбрайта. Пересылка естественно-научных коллекций, собранных в экзотических краях, в европейские музеи — стандартное занятие натуралистов-путешественников в последние 200 лет; автор занимается этим с 70-х годов 20 века.

4.21—22. *«Как римские размытые дороги в дунайские слепые рукава»* — граница Римской империи была доведена до Дуная в царствование императора Тиберия (9 г. н.э.). Знаменитая сеть мощёных дорог, созданных римлянами, использовалась сотни лет после падения Рима. В данном случае имеется в виду, скорее всего, Via Pontica, проходившая через Фракию вдоль Чёрного моря и соединявшая Константинополь с территорией современной Румынии в устье Дуная (Добруджа, см. 4.46).

4.25—26. *Эмбрик Странд* (Embrik Strand) (1876—1947) — видный норвежский зоолог, арахнолог; с 1907 работал в Museum für Naturkunde (Берлин), с 1923 г.

профессор Латвийского университета в Риге; издатель научных журналов и автор сотен научных работ. Впрочем, к похвалам его надо относиться достаточно иронически: специалистам известно, что Странд был большим путаником²².

4.38. «...подводных тварей каталог подробный» — составление каталогов живых организмов — традиционное занятие натуралистов-систематиков. В отличие от намного более подробных монографических исследований («фауны» или «флоры»), каталог не включает описаний и иллюстраций, а только даёт перечень названий и литературные источники. Тем не менее составление таких полных списков исключительно сложно. Хотя фауна Чёрного моря значительно обеднена по сравнению со Средиземным^{8, 9}, подробный каталог всех черноморских существ и поныне не составлен; их число может достигать нескольких тысяч (до 600 видов одних только одноклеточных водорослей).

4.39—40. «...анаэробный, эвксинских вод холодный донный слой» — Чёрное море (Понт Эвксинский), фауна и флора которого изучались Ксаверием в юности как у российских (2.3), так и у болгарских (2.14—22) берегов, обладает уникальной особенностью: его глубинные слои (от 150 до 200 м) насыщены сероводородом и полностью безжизненны, за исключением анаэробных (не нуждающихся в кислороде) бактерий.

4.46. «...в лиманах Добруджи» — хотя в русской традиции ударение ставится на второй слог (Добру́джа), Кса-

верий хорошо знал этот топоним в болгарском произношении: *Добруджа*. Историческая область *Добруджа* в дельте Дуная — предмет многовековых территориальных споров Румынии и Болгарии. Ксаверий в юности изучал фауну тамошних лиманов и стариц Дуная; ср. 4.22, «*дунайские слепые рукава*»; 4.42, «*весь груз, что унесли Дунай и Висла*».

4.46. «*в лагунах Бахи*», см. также 7.11—12 — береговые мелководья (лиманы, лагуны) и их богатая фауна всегда привлекали к себе внимание не только Ксаверия, но и автора, когда последний юным натуралистом посещал с родителями берега Чёрного и Азовского морей (1963—1974), равно как и много лет спустя в экспедициях в Бахе (1991—1994). Отметим, что именно в *лагунах Бахи* (Нижней Калифорнии), в так называемых микробиальных матах, открыты важные виды свободноживущих бактерий-спирохет, играющих центральное значение в современных теориях происхождения клеток животных и растений²³. Такие микроорганизмы определяют общий вид и многоцветную окраску ила (см. 7.11, «*пёстрый ил*»). Ксаверий, пользуясь своим чудесным даром, мог наблюдать и документировать те же организмы и процессы ещё в 1920-х гг.

5.26—27. «*...голубое зеркало залива*» — имеется в виду Калифорнийский залив (называемый в Мексике «Море Кортеса»), отделяющий Баху от материка. *Мазатлан* (Mazatlan) — город на юго-западном побережье материковой Мексики (штат Синалоа), соединённый линией

парома с городом Ла-Паз в Нижней Калифорнии (см. 6.32, 8.10); в наши дни — крупнейший коммерческий порт Мексики.

6.2—3. «...Музей естественной истории в Софии» — основан в 1889 г. князем Фердинандом (см. 2.18); старейший и крупнейший музей такого рода на Балканах. Автор благодарен дирекции (Петар Берон, Алекси Попов) и сотрудникам музея, а также болгарской программе Фулбрайта за замечательную возможность работы там в 1999 и 2005 гг.

6.6. «...у Нины и Семёна Годуновых» — несомненно, эти друзья Ксаверия, хранившие его архивы в Болгарии, были эмигрантами, беженцами из Советской России. Речь идёт о 20-х годах 20 века, когда русская эмиграция в Болгарии составляла 30—40 тысяч человек, из них половина — солдаты и офицеры Русской армии под командованием П.Н. Врангеля (1878—1928). Дочь Годуновых Елена Семёновна родилась в 1914 или 1915 г. (ей было 18 или 19 лет при встрече с Ксаверием в 1932 г., ср. 3.33, 6.12 и 7.19); её отец по возрасту мог быть армейским офицером. Фамилия Годуновых напоминает не только о русском царе Борисе Годунове, но, конечно, и о героях набоковского романа «Дар» (1938) Годуновых-Чердынцевых — поэте Фёдоре и его отце, энтомологе Константине.

6.7, 6.28. «...у моста со львами», «...на фоне Львиного моста» — «Львов мост», памятник архитектуры в Софии, недалеко от Центрального вокзала, построен в 1889—1891 гг., украшен четырьмя бронзовыми львами.

6.17 и 6.24. «К.М.» — эта подпись Ксаверия на его рисунках в виде инициалов, как заведено у художников, вызывает в памяти также псевдоним «К.Р.», под которым публиковал свою поэзию великий князь Константин Константинович Романов (1858—1915).

6.23. «...как героя пушкинских поэм» — прозрачный намек на романтических героев «Цыган», «Кавказского пленника», а возможно — и на Евгения Онегина. Натуралистические путешествия Мервского внешне сочетают традиционные мотивы литературных странствий и тему русской диаспоры. Традиционный культ А. С. Пушкина поддерживался в русской эмиграции; его день рождения праздновался во многих странах как День русской культуры ежегодно начиная с 1925 г. (когда Елене Годуновой было 10 или 11 лет).

6.32. *Ла-Паз* (La Paz) — город на юго-восточном побережье Калифорнийского полуострова («Бахи») (см. 8.10). Паромная линия соединяет Ла-Паз с г. Мазатлан на материке (штат Синалоа) (см. 5.27).

7.8. *Санта-Розалия* (Santa Rosalia) — городок на восточном побережье Бахи, основан в 1884 г. французской компанией *Волео* для добычи меди (см. 3.43).

7.11—12. «...пестрый ил ... солоноватые лагуны» — окраска ила в лагунах Бахи вызвана микроорганизмами, которые Ксаверий изучал с юности (см. 4.26).

7.20. «*Лафайет*» (Lafayette) — французский трансатлантический лайнер (Compagnie Générale Transatlantique),

курсировавший по маршруту Гавр — Нью-Йорк с 1930 по 1938 г.

7.22, «...десять бесконечных лет» — 1932—1941 гг., см. также 9.10. Ксаверий провел девять лет (с декабря 1932 по октябрь 1941 г.) в застенках ОГПУ-НКВД. Несомненно, он был сначала доставлен для допросов в Москву, где, отметим, никогда не бывал ранее (см. 3.5—6). Неизвестно, по каким секретным тюрьмам он прошел до 1937 г., когда мы находим его в «одесской одиночке» (9.1), на берегу поистине «анаэробных эксинских вод» (4.39).

8.1—6. История похищения Ксаверия агентами ОГПУ во Франции в ноябре или начале декабря 1932 г. (ср. 7.19) напоминает похищения в Париже генералов А. П. Кутепова (1882—1930) в 1930 г. и Е. К. Миллера (1867—1939) в 1937 г., послевоенные похищения эмигрантов и т. д.^{8, 24} В случае Ксаверия, однако, агенты преследуют его не по политическим мотивам, но в погоне за «ноу-хау» его чудесного ясновидения в пространстве, а с 1914 г. и во времени. Здесь можно вспомнить и легенды о Вольфе Мессинге, и атомный шпионаж, а в 1920—1930-х гг. — оккультные дела А.В. Барченко (1881—1938)²⁵.

8.9—10. «им ни к чему теперь досье о князе от детских лет до тайника в Ла-Пазе...» — мексиканские эпизоды жизни Ксаверия наводят на мысль о том, что агенты ОГПУ были активны в Мексике уже в конце 1920-х гг. Уже в 1919 г. в Мексике появился эмиссар большевиков Михаил Бородин (Грузенберг); в 1926 г. Александра Коллонтай стала первым советским полпредом в проболь-

шевистски ориентированной Мексике. Хорошо известна дальнейшая деятельность НКВД по охоте на Троцкого, переехавшего в Мексику в 1936 г. (убит в 1940). «От детских лет» — нам неизвестно, когда и как чудесные способности Ксаверия привлекли внимание чекистов, но не исключено, что слежка за ним велась ещё в Австрии в 1920—1922 гг.

9.9. «В 42-м году он выжил чудом» — румынские войска заняли Одессу в октябре 1941 г., и Ксаверий был освобождён из тюрьмы НКВД (чудом было и то, что он не был расстрелян чекистами при эвакуации советских учреждений). Как Румыния, так и Болгария были союзниками гитлеровской Германии, и не исключено, что Ксаверий смог попасть в Болгарию в связи с его близким знакомством с болгарской царствующей семьёй. В 1942 г. был ещё жив царь Борис III (1894—1943), сын Фердинанда, который, должно быть, близко знал Ксаверия с юности.

10.5—10. Лидией (имя первой дочери Ксаверия), скорее всего, звали мать героя. Его третья дочь, Констанция, была названа в честь отца Ксаверия, а близнецы Семён и Нина — в честь родителей Елены Годуновой. Имена Борис и Глеб (в честь первых русских святых мучеников), данные близнецам, родившимся в 1956 г., возможно, связаны с венгерским восстанием. Среди имен детей героя можно найти имена двух детей автора (Елизавета и Семён).

10.30. «Электромагнитная война» — серия катастроф с применением нового типа оружия, вызвавшая коллапс цивилизации на Земле начиная с 2016 г.

10.35. «*Чума, искоренившая поэтов*» — любопытное указание на возможность существования инфекционной болезни, избирательно поражающей (гормональные?) центры поэтического вдохновения.

10.40. «*Империи Небесной*» — скорее всего, это всемирное государство начала 23 века не тождественно современному Китаю (старинное название которого чаще переводится «Поднебесная империя» или «Срединное царство»).

10.45—47. «*Далёкие, но верные потомки восьми детей...*» — в современном рассказчику мире кастой учёных являются только потомки Ксаверия с Еленой. Их, возможно, осталось немного (см. Пролог: «*и в память тех, кто был тогда со мною*»). Через 10 поколений они пронесли генетические элементы «глубинного зрения» в пространстве-времени, ясновидческой памяти, позволившие им мнемонически сохранить научные знания в период катастроф 21 века (10.30—40) и передать их изустно будущим поколениям (см. Эпилог «*до нас дошел лишь устный пересказ тех знаний, что запоминали дети Ксаверия с Еленой*»).

В лаборатории рассказчика заново открыто устройство генов ясновидения (см. 2.61—64). Теперь перед кастой потомков Ксаверия стоит задача сохранить свою цивилизацию в условиях новой нестабильности, угрожающих существованию разума на планете, а возможно, и самой причинно-следственной реальности (см. Эпилог: «*уже непредсказуемы предметы и следствия не определены*»).

Эпilog: «дом Годуновых жив, и мост, и львы», см. 6.7.

«...архивы навсегда / погребены в развалинах Москвы» — речь, очевидно, идёт об архивах Мервского, вывезенных НКВД из дома Годуновых в Софии после занятия города советскими войсками в сентябре 1944 г., подобно тому как были вывезены Пражский архив русской эмиграции или фонды лаборатории Тимофеева-Ресовского в Берлин-Бухе. Вероятно, сюда относились и рукописи, обнаруженные агентами ОГПУ в тайнике Мервского в Ла-Пазе (см. 8.10). Ср. похищение архива троцкистов (Париж, 1936 г.). В тексте не уточняется, в каком именно катаклизме 21 века погибла Москва, но «грязный слой векового льда» может указывать на «Большую Зиму» (10.33).

«...в ущельях Западного Копетдага» — автор с семьёй прожил девяти лет (1978—1987) в Айдере, одном из крупнейших ущелий Западного Копетдага (Туркменистан), работая натуралистом в Сюнт-Хасардагском заповеднике ²⁶.

Библиография

¹ Мережковский, К.С. (1909) *Теория двух плазм как основа симбиогенезиса, нового учения о происхождении организмов*. Казань: Тип. Импер. ун-та.

² Sapp, J., Carrapiço, F., Zolotonosov, M. (2002) *Symbiogenesis: the hidden face of Constantin Merezhkovsky. History and Philosophy of the Life Sciences* 24: 413—440.

³ Driscoll, C.A., Yamaguchi, N., Bar-Gal, G.K., Roca, A.L., Luo, S., et al. (2009) *Mitochondrial phylogeography illumi-*

nates the origin of the extinct Caspian tiger and its relationship to the Amur tiger. *PLoS ONE* 4(1): e4125.

⁴ См., напр.: Билькевич, С. (1918) Коллекция Закаспийского музея. Млекопитающие (Mammalia). *Изв. Закаспийского музея, Асхабад*, 1: 1–12.

⁵ Старобогатов, Я.И., Василенко, С.В. (1979) К систематике пресноводных крабов семейства Potamidae (Crustacea, Decapoda, Brachyura) Средиземноморья и Передней Азии. *Зоологический журнал* 58(12): 1790–1801.

⁶ Фокин, С.И. (2006) *Русские учёные в Неаполе*. М.: Алетейя.

⁷ Успенская, Н.В. (2002) «Природа» и Московский университет: путешествие во времени. *Природа* 1: 5–11.

⁸ Голубовский, М.Д. (2000) *Век генетики: эволюция идей и понятий*. СПб.: Борей Арт.

⁹ Birstein, V.J. (2001) *The Perversion of Knowledge: The True Story of Soviet Science*. Westview Press.

¹⁰ *Die botanische Ausbeute von den Reisen ihrer Hoheiten der Prinzen von Sachsen-Coburg-Gotha. I. Reise der Prinzen Philipp und August um die Welt (1872–1873). II. Reise der Prinzen August und Ferdinand nach Brasilien (1879)*. Vienna (1883–88).

¹¹ Golemansky, V. (2007) Biodiversity and ecology of the Bulgarian Black Sea invertebrates. In: Fet, V. & Popov, A. (eds). *Biogeography and Ecology of Bulgaria*. Springer, pp. 537–554. — *Id.*, Testate amoebas and monothalamous foraminifera (Protozoa) from the Bulgarian Black Sea Coast. *Ibid.*, pp. 555–570.

¹² Stefanov, T. (2007) Fauna and distribution of fishes in Bulgaria. *Ibid.*, pp. 109–140.

¹³ Козо-Полянский, Б.М. (1924) *Новый принцип биологии. Очерк теории симбиогенеза*. М.; Л.: Пучина. Англ. перевод: Kozo-Polyansky, B.M. (2010). *Symbiogenesis: A New Principle of Evolution*. Translated from Russian by V. Fet. Ed. Fet, V. & Margulis, L. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

¹⁴ Руска, Э. (1988) Развитие электронного микроскопа и электронной микроскопии: Нобелевская лекция. *Успехи физ. наук* 154(2): 1–17.

¹⁵ См., напр.: Huey, L.M. (1925) Two new kangaroo rats of the genus *Bipodomys* from Lower California. *Proc. Biol. Soc. Wash.* 38: 83–84; Wiggins, I.L. (1963) Botanical investigations in Baja California, Mexico. *Plant Bull.* 9: 1–6.

¹⁶ Barco, M. del (1973) *Historia natural y crónica de la Antigua California*. Mexico: Univ. Autonoma de Mexico.

¹⁷ Darling, J.A. (2000) Diguët's studies of West Mexico. *Journal of the Southwest* 42(1): 181–186.

¹⁸ Soleglad M.E., Lowe, G. & Fet, V. (2007) Systematic observations on the scorpion genus *Syntropis*, with description of two new species (Scorpiones: Vaejovidae). *Boletín de la Sociedad Entomologica Aragonesa* 40: 119–136.

¹⁹ Diguët, L. (1928) *Les Cactacées utiles du Mexico. Ouvrage posthume revu par Andre Guillaumin*. Paris: Legere Fils.

²⁰ См., напр.: Hoffman, R.L. (1999) Checklist of the millipeds of North and Middle America. *Virginia Museum of Natural History Special Publication* 8: 1–584.

- ²¹ См., напр.: Martin, J.W., Gershwin, L.-A., Burnett, J.W., Cargo, D.G., Bloom, D.A. (1997) *Chrysaora achlyos*, a remarkable new species of Scyphozoan from the Eastern Pacific. *Biol. Bull.* 193: 8–13.
- ²² Fet, V. (2008) *Hersiliola brachyplura* Strand, 1913 belongs to *Oecobius* (Araneae: Oecobiidae). *Zootaxa* 1849: 67.
- ²³ См., напр.: Margulis, L., Ashen, J.B., Solé, M., Guerrero, R. (1993) Composite, large spirochetes from microbial mats: Spirochete structure review. *Proc. Nat. Acad. Sci. USA* 90: 6966–6970.
- ²⁴ Andrew, C. & Mitrokhin, V. (1999) *The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB*. Basic Books.
- ²⁵ Андреев, А.И. (2002) *Время Шамбалы: оккультизм, наука и политика в советской России*. СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс; Первушин, А.И. (2004) *Оккультные войны НКВД и СС*. М.: Яуза.
- ²⁶ Подробнее о Западном Копетдаге, как и о природе Туркменистана в целом, см.: Fet, V. & Atamurodov, K.I. (eds) (1994) *Biogeography and Ecology of Turkmenistan*. Dordrecht; Boston: Kluwer Academic.

**ДОЛЛИНА ДОЛЯ,
ИЛИ МУТАНТНЫЙ МУТОН**
(опера для детей)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А ль ц е с т, аспирант

Б э р, А р к а д и й, генетик, директор Форта Сен-
Жермен

О не г и н, Геннадий (Гена), генный инженер

М э р и, американский биолог

Л и, китайский биолог и шпион

М у т о н, мутантный баран

Б е к к и, овца

Б и л л, техник по холодильникам

Б о р и с, электрик

С а н ч е с, полковник (позже генерал)

Л ю д и (учёные, политики, генералы, астронав-
ты...)

Б а р а н ы

М ы с л я щ и е т р а в ы

В и р у с

ПРОЛОГ

А л ь ц е с т

Я — аспирант из здешних мест,
Моя фамилия Альцест,
Я за собой всегда ношу гитару,
Пою об этом и о том,
И мы сегодня вам споём,
Мы вволю попоём с гитарою на пару.

Мне жанр капустника милей,
Чем пляски сотен лебедей,
Я также оперу люблю и оперетту,
Как некий киноджентльмен,
Брожу по Форту Сен-Жермен,
Откуда чудеса пойдут по свету.

О чём сегодня вам спою?
Люблю генетику мою,
В ней всё так восхитительно и ново,
Но я предупреждаю вас —
За геном нужен глаз да глаз,
Пока не стало нам совсем хреново.

Мы здесь, на Форте Сен-Жермен,
Баранам улучшаем ген,

Хоть не изменит он бараньей доли.
Их гены видим мы насквозь,
А как всё это началось?
Всё это началось с овечки Долли.

Х о р

Видишь ферму в чистом поле?
Там живет овечка Долли,
Это специальная овца.
Что такое? Скажем прямо —
Есть у Долли только мама,
Но у Долли нет и не было отца.

Напрямую мы из клеток
Научились делать деток
Для свиней и помидоров, и коров,
У селекций, у генетик
Ни моралей нет, ни этик,
Отклоняем, да так, что только будь здоров.

Пусть в крови гнездится вирус,
Пусть он там возник и вырос,
На него найдём антитела.
Но человеческие гены
Все, как прежде, неизменны
Неисповедимы Господа дела.

А р к а д и й Б э р
Я — открыватель генных правил,
Меня зовут Аркадий Бэр.
Я изучать себя заставил,
И всем поставлен я в пример
В биологической науке,
Мой разум твёрд и чисты руки,
И здесь, на Форте Сен-Жермен,
Я вывожу за геном ген.

Онегин Гена, мой коллега,
Родился посреди Москвы,
Вдали от озера Онега.
Но нету лучшей головы
От Орегона до Китая —
Вам гены с легкостью читая,
Его способная рука
Всем быстро вправит ДНК.

Х о р у ч ё н ы х
Вся ДНК, вся ДНК
Не расшифрована пока,
Но есть для каждого белка
У человека ДНК,
А у барана для вкуса шашлыка
Есть свой особый участок ДНК,
Не расшифрованный пока.

Г е н а

Граждане, послушайте меня,
Гена Онегин — это буду я.
Заступаю я на смену,
Расфасовываю гены,
Генный инженер — профессия моя.

М э р и

Я биолог, доктор Мэри,
Предо мной открыты двери,
Я в ООНовской комиссии сижу.
Я курирую объекты,
Спонсирую проекты,
Доллары по миру развожу.

Л и

Я биолог, доктор Ли,
Я ношусь вокруг земли
С мирной миссией, как голубок Пикассо.
Сам я родом из Китая,
И я отлично понимаю.
Что планете нужен рис, а также мясо.

Г е н а , М э р и и Л и (вместе)

Человек преобразовал природу,
Хромосому починил уроду,
Нам стыдиться не к лицу —

Мы клонируем овцу,
Мясо, шерсть и жир даем народу.

Х о р у ч ё н ы х
Человек преобразовал природу,
По дороге потерял свободу,
Нам стыдиться не к лицу —
Мы клонируем овцу,
Человечество ведём к победному концу.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Интермедия

Б о р и с (*с куском проводки*). Билл, а Билл?

Б и л л (*с гаечным ключом*). Чего тебе, Борис?

Б о р и с . Ты в город сегодня за пивом поедешь?

Б и л л . Мне некогда. Морозильник чинить надо. Не починю — все ихние гены и подохнут. (*Чинит.*)

Б о р и с . Ужас какой.

Б и л л . Ну, не все, но некоторые — я тебе точно обещаю: разморозятся и подохнут.

Б о р и с . Не говори. Всё же здесь не такой бардак, как у нас в России... А ты в город сегодня за пивом поедешь?

Б и л л . Я тебе уже сказал — некогда. Морозильник чинить надо. (*Чинит.*)

Б о р и с . Закрытая биостанция — Форт Сен-Жермен. За пивом полчаса ехать надо. Не, я не жалуюсь. Я, Билл, прямо судьбе благодарен, что меня сюда взяли, Геннадий Евгеньич Онегин меня сюда к себе выписал, лаборантом. По электричеству, по источникам питания, по центрифугам... это уж моё дело... как чего не завертится или микрочипсы полетят... У нас часто летели. Мы с Геннадь Евгеньичем десять лет в Москве вместе работали, в ИГУАНе. Ну, на Ленинском проспекте, название такое, ИГУАН — Институт генетического усовершенствования Академии наук, знаешь?

Б и л л . Борис, я никогда в России не был.

Б о р и с . Ну ты даёшь. А где же ты был?

Б и л л . Я везде был. В армии, в Германии служил — четыре года. Там окончил курсы по холодильным установкам. Дома, в Америке, на мясокомбинатах работал — в Северной Каролине, в Западной Виргинии, в Питтсбурге, Пенсильвания. Много лет работал, все холодильники знаю, наши, японские, немецкие. Потом сюда устроился. А так работы одно время не было, холодильные грузовики водил по всем по нашим Соединённым Штатам необъятным. Я все сорок восемь континентальных штатов пересёк. А ты говоришь — нигде не был.

Б о р и с . А почему ты говоришь — сорок восемь?
Я думал, их пятьдесят. Знаешь, как в песенке поётся:
«Все пятьдесят Соединённых Штатов я за берёзку
милую отдам...»?

Б и л л . Аляска и Гавайские острова не считаются. На
Гавайские острова холодильные грузовики не ездят.
А на Аляске и так холодно.

Б о р и с . А Аляска, между прочим, наша была. А ты
в город сегодня за пивом поедешь?..

А л ь ц е с т

Для мудреца, для простака —
Совет один я дам пока:
Хотите знать наверняка —
Спросите вы у ДНК.

В чём запах нежного цветка,
В чём вкус росы и молока,
В чём свет звезды и маяка —
Ответ найдёте в ДНК.

Полёт пчелы и мотылька,
Звук паровозного гудка,
И полный невод рыбака,
И трепетанье лепестка —
За всё в ответе ДНК.

Когда владеет мной тоска,
Когда подруга далека,
Когда весной я пьян слегка,
Когда тепла твоя рука —
Во всём повинна ДНК.

К бумаге тянется рука,
В душе рождается строка,
И песня льётся с языка,
А сердце рвётся в облака —
Всем управляет ДНК.

Когда вам жизнь даёт пинка,
А вождь орёт с броневика,
И богача, и бедняка,
И принца, и истопника —
Всех уравнивает ДНК.

Вся ДНК, вся ДНК
Не расшифрована пока.
Но есть для каждого белка
У человека ДНК.

А у луча луны, у ветра и у ручейка
Нет ДНК, нет вовсе ДНК.
Твои глаза ласкает лунный свет,
Но в них есть жизнь, а в лунном свете — нет.

У бараньего загона. Гена и Ли.

Л и

Меня простите, Бога ради,
Пятнадцать лет — солидный срок.
Я увидел Вас здесь, Геннадий,
И удивленья скрыть не смог,
Встречались мы в университете,
Хотя и не были «на ты»,
Хотели мы помочь планете,
Хозяйством сельским заняты.

Г е н а

Тебя я помню аспирантом —
Ты защищался по грибкам.

Л и

А ты — по вирусным белкам.

(Смеются.)

Но как же стал ты эмигрантом?
Ведь о тебе уж десять лет
Во внешнем мире слуху нет.

Г е н а

Мной ген бараньей сущности открыт,
Он делает баранами баранов,
Я думал, что я стану знаменит —
Увы, наука полна интриганов,

И я не признан был в своей стране,
И Нобелевка не досталась мне.
Пусть моя страна идёт к чертям,
Науку делать я способен сам,
И грантов нищенских я более не раб,
Форт Сен-Жермен — мой генеральный штаб.

Гена, Ли и Мэри *инспектируют загон
с баранами.*

Мэри. В последнее время мы интенсивно занимаемся обменом генов между баранами и другими животными.

Ли. Каким же образом?

Мэри. С помощью обезвреженных вирусов. Эти бараны получили гены от попугаев. *(Звонит в звонок.)* Барашки, поговорите, пожалуйста. Внимание — начали. *(Баран и овца медленно и упорно разговаривают).*

Мутон. Мы — бараны, мы — бараны. Я — баран. Я — баран.

Бекки. Мы — овцы, мы — овцы. Я — овца. Я — овца.

Мутон. Мы — едим — траву. Она вкусна.

Бекки. Она вкусна. Трава вкусна.

Мутон. Трава — вкусна и зелена она.

М э р и . Спасибо. (Звонит в звонок.) Барашки, спойте, пожалуйста. Внимание — начали.

М у т о н и Б е к к и (поют)
Форт Сен-Жерме-ен,
Форт Сен-Жерме-ен,
Внутри его высоких сте-ен
Нам люди улучшают ге-ен.
Форт Сен-Жерме-ен.

М э р и . Спасибо, барашки.

Л и . Поразительно. Как же вы этого достигли?

М э р и . Генная инженерия, доктор Ли. Чудо, понятное в наши дни любому школьнику.

Х о р у ч ё н ы х
Чудная зелёная планета
Выбрана Создателем для нас,
Посмотри, чего здесь только нету,
Сколько трав, и птиц, и форм, и рас.

Закодирован язык Природы,
Каждый вид свои имеет коды,
Каждый ген сплетён на свой манер,
Каждый вид устроен, словно крепость,
Им гибриды — явная нелепость,
Так живёт Природа без химер.

Но настали нынче перемены,
Человеку покорился ген —
Разрезают, множат, клеют гены
На секретном Форте Сен-Жермен.

М э р и (вальс)

Пограничнику — ген от овчарки,
А подводнику — ген от кита,
Как под ёлкой толпятся подарки,
Мельтешит хромосом пестрота.

Расплетя хромосомы двойной гобелен,
Мы находим нетронутый ген,
И все коды доступны и видимы нам,
Как земным всемогущим богам.

Щедро Богом разбросаны гены,
Как рецепты для новых чудес,
Как алмазы, они драгоценны,
И дороже, чем золота вес.

Раздели, растяни, прочитай, переправь,
Сохрани, ограни, переплавь:
Человечеству пользу они принесут,
Как и всё, что мы делаем тут.

Учёные вальсируют.

Интермедия

Б о р и с (*чинит центрифугу*). А вот ещё Геннадь Евгеньич, когда работал в Японии, они там такой ген открыли. Пересадили людям от дельфинов или китов, чтобы люди могли под водой дышать и на морском дне могли бы добывать золото и другие ценные материалы.

Б и л л. У нас в Америке в газетах писали про это. Только газетам разве можно верить? Сегодня одно пишут, завтра другое.

Б о р и с. Я своими глазами видел, их к нам на крымский стационар привозили. Люди по морскому дну ходили. Как в фильме «Человек-амфибия». Только долго не жили, умерли быстро. Что-то не то у них с обменом было или с витаминами.

*Лаборатория. Аркадий Бэр, Гена Онегин
и Мэри проводят опыты.*

М э р и

Смотрите — это проба ДНК,
Наш лучший маркер — ген от светлячка.
Его зеленоватое сиянье
Показывает клетки состояние.

Мерцание на экране.

А р к а д и й Б э р (смотрит на экран микроскопа)

Светящиеся пробы-огоньки —
Вся ДНК на сумрачном экране —
Как будто лодки вдоль большой реки
Чуть движутся в предутреннем тумане.
Прислушайтесь — вы слышите свисток?

Звук сверчка.

Нам этот ген пожертвовал сверчок.
Мы сочетаем знания наук,
Определяя разных генов коды.
Так ДНК несёт сигналы — свет и звук,
Два волновых движения природы.

(Работает.)

Г е н а

Таятся в белых кровяных тельцах
Мутации, что зародились в праотцах,
Все гены наши в этой капле есть —
И совесть, и любовь, и ненависть, и честь,
Всех опер и стихов и ноты, и слова,
Страдания любви, идея божества.

(Работает.)

Я выращу и срежу на корню
Всех клонов ткани, органы и клетки,
Я разыщу, размечу и сравню.
Те гены, что редки, с такими, что нередки,
Разрежу, разделю, слеплю, перетасую;
Как краску, разотру; как мелом, разрисую;
Как глину, разомну; умножу тыщекратно
И в клетки затолкну обратно —
В сплетеньи хромосом, в спиральном волокне, —
Плодитесь, гены, так как это нужно мне.

Х о р у ч ё н ы х

В сплетеньи хромосом и в предвкушеньи драм —
Плодитесь, гены, так как это нужно нам.

М э р и (работает)

Я включу микроскоп, засвечу изотоп,
Разгоню, разделю и измерю,
Проявлю, просмотрю, десять раз повторю
И тогда только в это поверю.

Так в науке у нас — веры на слово нет,
Объясни каждый шорох и скрип ты,
Пусть и тысячекратный ты авторитет,
Проверяют твои манускрипты.

А л ь ц е с т

Момент блаженный предвкушенья
Открытия или решенья,
Иль исполнения мечты,
Как человеку свойствен ты.

Уже окончена дорога,
Тревога покидает нас,
Но не перешагнуть порога,
Пока не пробил точный час.

Волнение в воздухе разлито,
Как запах терпкого вина,
И та минута не прожита,
Та фраза не завершена.

Г е н а (с м о т р и т)

Что это? Погляди, Аркадий! Пробы
На ген бараньей сущности — и здесь,
Здесь, в ткани человека? ... невозможно!

Звук сверчка. Мерцанье на экранах

А р к а д и й Б э р (с м о т р и т)

Нет невозможного, Геннадий. Перед нами
Ген сути человека. Да, тот самый
Заветный ген, что нас определяет
И от зверей и гадов отделяет.

Х о р

Этот ген, этот ген,
Он природою спрятан умело.
Искру Божию в плен
Взяло наше звериное тело.

В прежний мозг,
Словно воск,
Капал новый фермент потаённый,
Кислород, углерод и азот
По-иному расправили в нём электроны.

Эта новая связь, не боясь
Умножений, скрещений, делений,
В хромосомах зажглась
И до нас донеслась
Гулким эхом былых поколений.

А р к а д и й Б э р (*записывает в журнал*). Сегодня произошло потрясающее событие. В десять часов вечера в нашей лаборатории сделано открытие. По своему значению для человека оно превосходит любое другое открытие завершающегося XX века.

Г е н а (*записывает в журнал*). Нами обнаружены генетические коды, определяющие сущность человеческой природы. Ген получен в чистом виде из клеток человека, как это ни странно, благодаря реакции на ранее найденный мною ген сущности барана.

М э р и (*записывает в журнал*). Оба гена реагируют на светящиеся пробы светлячка и на свистящие маркеры от сверчка. Это говорит об их активности и продуктивности, объективной реальности и двойной спиральности, обоюдной сочетаемости и удивительной взаимозаменяемости.

А р к а д и й Б э р

Алхимиков мудрёные причуды;
Легенды о воде и мёртвой и живой;
Халат прожжённый, мытьё посуды,
И от плодовых мушек запах дрожжевой...
Лабораторий звук и запах, вкус и цвет —
О, мир, которого привычней нет...
Доковырялись мы до тайны тайн — а жаль:
Ведь только как мечта имеет смысл Грааль...

Звук сверчка. Мерцанье на экранах.

А л ь ц е с т

Кандалы двойной спирали
Мы влачить осуждены,
Ни молитвы, ни морали
Людам больше не нужны.

Парадигм настала смена,
Мифам древности взамен
Отыскал Онегин Гена
Человечьей сути ген.

Этим геном потрясая,
Наши души истребя,
Мы от края и до края
Переделаем себя.

А р к а д и й Б э р

Но что же я... Открытие такое
Отметить надо, как моменту подобает.
Пойдём, из погребов времён Войны Тридцатилетней
Откупорим бутылочку вина,
Поросшего зелёною травой.

(Уходят.)

Свет гаснет.

М у т о н (в загоне). Зелёная трава... хочу травы
зелёной... (Звонит в звонок.)

Б о р и с (входит)

А, это ты звенишь тут по ночам,
Мутон курчавый. Что тебе не спится?
Чего тебе тут хочется?

М у т о н .

Травы,
Травы зелёной...

Б о р и с (смеясь)

Экий попугай.

Травы, травы... А вот скажи: Борис, Бо-рис
(учит его).

М у т о н

Бо-рис, Бо-рис, хочу травы зелёной...

Вели травы нарвать, Борис, Борис.

Б о р и с

Да ладно уж — нарву тебе травы.

(Уходит.)

Появляется Л и.

Л и

Нет никого. В загоне глупые бараны

Не помешают мне. Настал мой звёздный час.

Я для него всю жизнь трудился неустанно

Не покладая рук и не смыкая глаз.

О, тайный Сен-Жермен, о, генов цитадель!

Пятнадцать лет я ждал минуты этой;

Сюда прокрался я, в халат учёного одетый,

Чтоб ген заветный унести отсель.

Я с тайной миссией, как голубок Пикассо,
Сюда пробрался под эгидою ООН,
Да, я шпион. И пусть презрения гримаса
От вас награда мне; всё так; да, я — шпион.

Правительство страны моей обширной
На мирных нивах труд желает видеть мирный,
Чтоб наши люди не хотели перемен,
Мы им секретно — всем — привъём бараний ген.

Мечта царей, и президентов, и султанов —
Народ, в чьих генах есть безропотность баранов,
Покорность агнца, безразличие овцы,
Не к этому ли встарь стремились мудрецы?
Не это ль, Лао Цзы, есть сущность мироздания —
Рождение, жизнь и смерть без мысли, без страдания?

Пусть я — шпион, презренный и забытый,
Но с помощью моей с Востока новый свет взойдёт,
Бараний ген, Онегиным открытый,
В свой генофонд получит мой народ.

(Открывает холодильник.)

Как доложил мне мой агент по ДНК,
Заветный ген был всажен в тайный вирус,
Свист пробы от сверчка, свет гена светлячка
Определят пробирки, где он вырос.

(Вынимает пробирки, смотрит, слушает.

Мерцание, звук сверчка.)

Четыре, пять... шесть, семь... Достаточно вполне.
Прославлен буду я в моей большой стране,
Где люди будут жить, забыв свои права,
Безмолвны, как скоты; безлики, как трава.

М у т о н *(в загоне)*. Зелёная трава... хочу травы зелёной... *(Звонит в звонок.)*

Л и *(вздрагивает)*.
Молчи, баран безмозглый!

М у т о н *(кричит)*
Я — баран!

Борис, Борис!

Л и бросается к загону, пытается заткнуть рот Мутону. Тот сопротивляется. Пробирки с вирусами падают внутрь загона и разбиваются.

Б о р и с *(входит с травой)*
Ну, полно тут кричать —
Вот и трава... Да что ж это такое?
Ужо тебе! кыш, кыш!

(Бросается на шпиона.)

Суматоха. Внезапно зажигаются прожектора.
Врывается полковник Санчес с охраной.

С а н ч е с (в громкоговоритель). Сдавайтесь, вы окружены. Ваш заговор разоблачён. Сопротивление бесполезно.

Охранники хватают Ли.

Л и

Я проиграл. Что ж, такова моя планида.
На помощь мне приди, о капля цианида.

(Умирает.)

Занавес.

Интермедия

Б и л л и Б о р и с завтракают.

Б и л л . И он оказался китайским шпионом.

Б о р и с . А как его обнаружили?

Б и л л . Наша секретная служба перекупила их резидента. Как в кино. Никто не знал.

Б о р и с . Страсти какие. Ты не поверишь — а я испугался. Немудрено было. Захожу с травой, а тут этот шпион барана душит, а баран кричит: «Борис! Борис!»
Как в страшном сне.

Б и л л . Нам сказали, что он очень ценные гены хотел похитить. Пробирки здесь нашли у барана в загоне, все разбитые.

Б о р и с и Б и л л *уходят, оставляя остатки
бутербродов от своего завтрака.*

М у т о н *выходит из загона. Его глаза странно
оживлены. Он размышляет.*

М у т о н *(задумчиво)*
В моей — кормушке — свежая трава,
Трава — вкусна, душиста, зелена.
Она
Людьми нам
Для питания дана.
Что ели люди?

(Нюхает остатки обеда.)

Хлеб — он пахнет вкусным тмином.
А это — сыр! — а это — кол-ба-са?..
Я помню — нет, я знаю — все слова! —
Я слышу в голове их голоса...
Но я не вижу в зеркале лица...
Ах, у меня кружится голова.

(Падает без сознания.)

Б е к к и (*в загоне, взволнованно*)
Мутон. Мутон. Мы — овцы. Я — овца.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Через месяц.

Б и л л . Этот баран, который чего-то наелся, когда был с китайским шпионом переполох, — он не умер? не отравился?

Б о р и с . Жив баран, и прекрасно себя чувствует. Здоровье-то его в порядке, но такого я ещё не видел... даже здесь.

Б и л л . А в чём дело-то?

Б о р и с . Говорить научился.

Б и л л . Ну, это уже давно было. Ген-то от попугаев они ещё в августе получили. Я сам слышал, как баран и овца разговаривали: трава вкусна и зелена... в этом роде.

Б о р и с . Ты попробуй сейчас с ним поговори. А вон и они, кстати. Мэри и её барашек.

Б и л л . Поговори? О чём же мне с бараном говорить?

Б о р и с *(качает головой)*. С этим бараном — о чём хочешь. Тема разговора свободная. Только говори сидя. *(Дает ему стул.)*

Б и л л *(садится на стул)*. Почему сидя?

Б о р и с . Чтобы не упасть. *(Удаляется.)*

Входят Мэри и Мутон

М э р и . День добрый, Билл.

Б и л л . Вам также.

М у т о н

Здравствуй, Билл.

А ты меня, наверно, и забыл, —

Ведь я — Мутон. Я здесь, в загоне жил,

Ты мне носил зелёную траву.

Теперь я выше этажом живу.

Б и л л *(падает со стула; поднимается, ошеломлённо, щиплет себя)*

Я, видно, брежу наяву.

Овца беседует, ну точно как мы с вами...

М у т о н (смеясь)

Ах, милый Билл, какая же я Вам овца!

Я обзавелся человеческими мозгами

И человеком стать намерен до конца.
И я уже усвоил все манеры,
Культуру речи, жесты и язык,
Читать научен я — и узнаю из книг
Историю людей, морали и примеры.
Я столько нового, волшебного узнал —
Какой я был баран, что раньше не читал!
Прошу простить — хочу я дочитать Вольтера...
(Садится в кресло и углубляется в книгу.)

Б и л л . Вольтера?..

М э р и (тихо). «Кандид».

Б и л л (тихо). «Кандид»?

М э р и . «Кандид». В переводе, конечно. По-французски Мутончик ещё не читает.

Б и л л . Простите меня, доктор Мэри — я не верю своим глазам, и вообще.

М э р и . Билл, мы сами не верили. Всё это произошло так молниеносно...

Б и л л . Он говорит, как человек... с университетским образованием.

М э р и . Ген человеческой сущности, Билл.

Б и л л . Подождите, доктор Мэри. Ведь он — баран,
да? в шкуре, с шерстью, с рогами, с копытами...

М э р и . Да. Внешне. Но душа у него — человеческая...

Б и л л . Душа — у барана?

М э р и . Это сложный вопрос. (*Поёт.*)

Я этикета не нарушу,
Учёные не верят в душу,
Но в нашем Форте Сен-Жермен,
Мы верим в ген, да-да,
Мы верим в ген.
Не всё ль равно, как называть,
Что не дано нам до конца познать?

Чудес немало в нашем Форте Сен-Жермен,
Но тот заветный человеческий ген,
Что проглотил невинный наш Мутон,
Быть может, душу формирует он.
Не всё ль равно, как называть,
Что не дано нам до конца познать?

М у т о н (*поёт*)

Послушай, ласковая Мэри:
Досады, слезы и потери
Равно всех в этой жизни ждут,
Грустить о них — напрасный труд.

Найти иль потерять — не всё ль равно,
Коль вечной жизни не дано?

Я мудрость эту вычитал из книг,
Я признаю, что я не всё ещё постиг,
Но я бараном был ещё вчера —
Так подождите, прошу вас, до утра.
К рассвету звёздный плащ утратит ночь,
Сомненья улетят с туманом прочь,
И в стенах Форта Сен-Жермен
Увидим мы, что может ген,
На что способен человеческий ген.

М э р и, М у т о н и Б и л л (*вместе*)
И в стенах Форта Сен-Жермен
Увидим мы, что может ген,
На что способен человеческий ген.

Смена картины.

Г е н а (*вальс*)

Почтовая марка с портретом Ламарка,
Листки твоего дневника,
Твои хромосомы совсем невесомы,
Почти не видна ДНК.

Клонируя гены, предвижу я смены
Моралей, привычек и чувств,
Правительств паденья, и рас измененья,
Расцвет и наук, и искусств.

Гены в тебе и во мне,
При солнце и при луне,
Привычной моралью, двойною спиралью
Среди нас наяву и во сне.

Даны от природы нам генные коды
И краткие годы и дни.
От порчи и сглаза нас теломераза,
Волшебный фермент, сохрани.

Гены в тебе и во мне
Повторены вдвойне,
Легендой старинной и снов паутиной,
Нежной тенью на зыбкой волне.

Учёные вальсируют.

Интермедия

Б о р и с . Чтобы баран заговорил... такого и в России не было. Наши бараны как-то в целом были неразговорчивые.

Б и л л . И в Соединённых Штатах не было. Мы бы сразу узнали... он бы по телевизору выступал в толкшоу и по радио. Я когда холодильные грузовики водил, все новости знал. Едешь себе ночью по Аризоне. Кактусы, звёзды, слушаешь музыку, спортивные передачи, новости. В основном ерунду, конечно, передавали....

Б о р и с . Я вот всё насчет ультрацентрифуги беспокоюсь... Напряжение у нас в сети европейское, а пре-
дохранители летят всё время.

Мэри и Мутон, вдвоём.

М у т о н

Вот книги — Оруэлл — «Хутор Скотский»,
Свифт, Чапек, Пушкин и Шекспир,
Вот пленки — Моцарт и Высоцкий,
Вот фильмы, диски... В них — весь мир,

Все человеческие думы,
Идеи драм, наборы слов.
В них роль играем лишь одну мы —
Коль ты баран, идёшь ты в плов.

Как грустно. Это — участь вида,
Что одомашнен для еды.
Задолго до царя Давида,
Всю ночь до утренней звезды
Семь тысяч лет назад, как ныне,
Водил нас пастырь по пустыне.
Я это вычитал из книг...
Семь тысяч лет прошли как миг.

Мэри

Таких примеров нет в литературе,
Как символ свой, тебя создал двадцатый век.

Ты не баран, ты — человек в овечьей шкуре.
Ты мыслишь — следовательно, ты человек.

М у т о н

Вы — хищников прожорливая раса.
Пойми же наконец — ведь вы едите наше мясо!
Я — конечный результат эволюции,
И я понял всё, к чему она ведёт:
Я рождён, чтоб стать вождём революции
Против тех, кто пожирает мой народ.

М э р и

Мой милый Мутон, ты даже не был рождён,
Ты вырос в пробирке, ты — искусственный клон,
Из Доллиных клеток мы создали деток,
И ты среди них, мой отважный Мутон.
О, как я тебя жалею, безумна твоя затея,
Что будешь ты делать, куда ты пойдёшь?

М у т о н

Я осознал — мы все идём под нож,
Вот наш удел. И вам послушны овцы.
О люди, вы убийцы и торговцы,
Для вас мы все — баранина, пять фунтов килограмм.
Из наших ягнят нерождённых кроите вы зимние шубы
Для нашим же мясом откормленных дам.
Вы рёбрышки наших детей обгрызаете,
Вы их итальянским вином запиваете,

Вытапливаете вы жир из наших тел,
Мы все идём под нож — вот наш удел.

М э р и

Так было всегда, и так будет всегда:
Приходит пустыня, уходит вода,
Проходит весна и приходит зима —
Про это уже написали тома.
Велит нам природа поесть углевода
И жира покушать, а также белка,
Мы — хищная раса, нельзя нам без мяса,
Не жизнь нам без плова и без шашлыка.
Их видим во сне и едим наяву,
Мы мясо едим, а бараны — траву,
Ну что же тут делать, ну как же нам быть,
Нельзя же Природу совсем отменить.

М у т о н

Меняется ген и меняется вид —
Тебе это Новый Баран говорит.
Мутации вновь отбирает среда,
Так было всегда, и так будет всегда:
Закончилась раса, что кушала мясо,
Вам нашего мяса не есть никогда.

М э р и

Нам вашего мяса не есть никогда...

М у т о н

Решенье и предназначенье моё неизменно,
Отныне любой я скотине свой вирус несу,
Очищу мозги им и души от рабского гена,
Отныне вам, люди, не есть колбасу.

Сосиски, бифштексы, жаркое, котлеты, ветчины —
Их запах и вкус позабудет весь мир,
Нейлон вас согреет вместо бараньей овчины,
И соевой массой овечий замените сыр.

На волю теперь я намерен уйти,
Прошу тебя, Мэри, не стой на пути,
Забудь про Мутона, без плача, без стона —
Прощай, моя Мэри, прощай и прости.

М э р и

Идите — вам я открываю двери.

Мэри проводит закодированной карточкой по замку — дверь со щелчком открывается. За ней — зелёные луга и горы.

М у т о н

Прощай, Форт Сен-Жермен и ласковая Мэри,
Я покидаю навсегда твой край.

М э р и

Что ж: если навсегда, то навсегда прощай.
(Отступает в тень.)

Му то н и Б е к к и
Ты прости нас, мама Долли,
Мы прозрели наконец,
Выход есть из рабской доли
Для баранов и овец.

Х о р
Выход есть из рабской доли
Для баранов и овец.

Му то н и Б е к к и
Мы идём к великой цели,
Мы встаём за новый мир,
Где баранов бы не ели,
Где б не тёк бараний жир.

Х о р
Где баранов бы не ели,
Где б не тёк бараний жир.

Му то н и Б е к к и
Наша цель свежа и нова,
Манит светом маяка
Мир без мяса, мир без плова,
Новый мир без шашлыка.

Х о р
Мир без мяса, мир без плова,
Новый мир без шашлыка.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

В горах то ли Палестины, то ли Аризоны.

Х о р б а р а н о в

По планете слышен топот,
То не моря грозный ропот,
То ведёт баранов новый вождь Мутон,

Только пыль встаёт над нами,
Мы бараны, но с мозгами —
Утвердим везде бараний наш закон!

Отворяйте, люди, двери
Наших клеток и вольер,
Дайте место новой вере,
Крепче ваших древних вер.

Через бури катаклизма
Свет грядущий видит он,
Вождь овцизма-баранизма
И пророк его, Мутон!

М у т о н

К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь...
Простите, люди — эту пушкинскую оду
Я не могу умом своим постичь.
Мы все равны — перед лучом луны и звёздной
пылью,

Слияньем хромосом двух душ мы рождены,
Мы созданы, чтоб наши гены сделать былью,
Мы все имеем ДНК — а значит, мы равны.

Х о р

Мы все равны, да-да, мы все равны.
Мы наших генов верные сыны.
Пусть проклинают нас мутантные потомки,
Для них тасуем хромосом обломки,
Мы все имеем ДНК — а значит, мы равны.

М у т о н

Мы все равны — ах, но не всё ль равно,
Коль вечной жизни не дано?
Я верный пастырь стада моего
Но я про них не знаю ничего —
Не пасся ночью на горах,
Не испытал пред волком страх,
Теоретически умён, но что с того?

Я рад закату и восходу, и глупцу и мудрецу,
Человечью я природу променяю на овцу,
Вьётся пыль над белым светом, и сочится кровь из ран,
Я пришёл к тебе с приветом, рассказать, что я баран.
Что моё настало время, что болят душа и плоть,
Не зарезать наше племя, не забить, не заколоть.

Военно-Учёный Совет.

Г е н е р а л С а н ч е с

Что это за проблема со скотом?
Забейте их немедленно, а потом
Без всяких вариантов неизвестных,
Не ошибаясь больше никогда,
Плодите лишь баранов бессловесных,
На мясо их, на мясо, господа...

Ч л е н ы С о в е т а

В сознании бараньей своей правоты
Ликуют бывшие немые скоты.
Бунтует рогатая банда
От Ганга и до Гельгоlanda.
От Замбии до Зурбагана
Нет больше немого барана,
От Гомеля до Гондураса.
Не стало ни шерсти, ни мяса.
От Арктики до Аргентины
Нет больше послушной скотины,
От Бостона до Бологого
Обходятся люди без плова.

М э р и

Нет больше средь нашей природы
Барана, покорного людям.
Ужели мы, люди, осудим
Того, кто добился свободы?

Г е н а

ООН признает их в составе наций,
Мы выделим им земли в Аргентине,
В пампасах или, там, в полупустыне,
Ну что-то наподобье резерваций.

А р к а д и й Б э р

Какой там Оруэлл... Дела и точно плохи.
Должно быть, господа, настал конец эпохи.
Ах, мяса бы кусок сейчас... Да что я,
Шесть месяцев подряд к обеду — только соя.
Нет, соя не уймёт мою тоску.
О, как же я тоскую по куску
Копченых рёбер, жареных на гриле...
Какие времена, какие блюда были...

А л ь ц е с т

Пою онегинской строфою
Я про баранов и овец,
В ответе я перед толпою —
В чём смысл пиесы? Где конец?
Где будет общий знаменатель?
Ах, зритель, слушатель, читатель,
Есть простота на мудреца,
Но нет счастливого конца.
Вам опер мыльных, точно опий,
Привычен голубой экран...

Ужель, герой антиутопий,
Восторжествует наш баран,
Овец ведущий к жизни новой?
Позвольте выдумкой суровой
Ещё раз потревожить зал —
От хэппи-эндов я устал.

Появляется Вирус.

В и р у с (танцует и поёт)

Случайного гения очередное создание,
Я — вирус, несущий души человеческой ген,
Ваш ген для сознания и слёз, для любви и страдания,
На этой планете я — вестник больших перемен.

Я вирус, я вирус, души я своей не имею,
Пред всем вашим многообразием я просто немею,
Я выращен в крохотной трубке на вашем столе,
Но нету сильнее меня существа на Земле.

Х о р

Он выращен в крохотной трубке на нашем столе,
И нету сильнее его существа на Земле.

В и р у с

Во всех я животных проникну и очеловечу,
Я душу создам у грибов и растений внутри,
Проникну я в рис, и в пшеницу, и в свеклу, и в гречу,
Во всё, что растёт на планете под номером три.

Я вирус, я вирус, и мне не страшны ваши муки,
На этой планете я буду последний жилец,
Я — вечная жертва и мученик вашей науки,
Я видел начало людей и увижу конец.

Х о р

Он вирус, он вирус, он мученик нашей науки,
Он видел начало людей и увидит конец.

Г е н а (поёт)

Как у нас из обезьяны
Развивался мозг и вырос,
А нахальные бараны
Обрели готовый вирус.

Сен-Жермен, моя квартира,
Форт, от войн бывших спасённый,
Изменяет судьбы мира
Вирус, мною порождённый,
Изменяет судьбы нынешнего мира
Вирус, порождённый мной.

Мы пустили вирус новый,
Вирус экспериментальный,
В мир незрелый, не готовый
К эпидемии глобальной.

Что же с Сен-Жерменом будет?
Пей вино, пакуй котомки...

А потомки нас осудят —
Если будут жить потомки.

Сен-Жермен, моя обитель,
Ты — как остров осаждённый,
Общий наш поработитель —
Вирус, мною порождённый,
Общий наш пара-пара-поработитель —
Вирус, порождённый мной.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Через семь лет.

А р к а д и й Б э р
Прошло семь лет. И съедена тушёнка,
И гамбургера вкус нам больше не знаком.

М э р и
Всё меньше нас, людей — ведь мать ребёнка
Лишь человеческим теперь питает молоком.

Г е н а
Но и успехи есть. Вот, за гигантский рис
Форт Сен-Жермену дали Нобелевский приз.

А р к а д и й Б э р
Пшеницу мы растим, и собираем в срок
Мы урожай с полей, не тронутых скотиной.

Г е н а

А соя — что же, как-никак белок.
Плюемся — но едим. Процесс пошёл...

А р к а д и й Б э р

Правительства всех стран вошли в Союз единый.
В суровый час садимся мы за стол
Переговоров.

Г е н е р а л С а н ч е с

Иссякает раса,

И нет у нас энергии без мяса.
Говядина, баранина, свинина
Определяли свойства гражданина,
Их нет — и дух упал, и пыл угас,
Призывы больше не волнуют нас,
Сдаем позиции и уступаем страны.
Вот подложили нам свинью бараны...

М э р и

Но тут уж не взаимная обида.
Здесь речь идёт о сохраненьи вида.

П е р в ы й о х р а н н и к

Внимание!

В т о р о й о х р а н н и к

Смотрите, вот и он.

Бараний фюрер и король скотов — Мутон!..

Первый охранник.
Генералиссимус быков и принц овец...
Эх, если б не приказ... ему бы и конец,
Вот это дело было бы по мне.
(сжимает автомат).

Мэри (охране). Все выйдите. Оставьте нас наедине.

*Все уходят. Появляется Мутон,
в военной форме, красном плаще.*

Мутон (приближаясь)
О, ты ли это, Мэри?

Мэри
Да.

Мутон, семь лет назад расстались мы.
Ты не жалеешь, что ушёл тогда?

Мутон
Ушёл из этой ласковой тюрьмы?
О, я не мог иначе, Мэри, нет.
Я стал мудрей. Семь лет прожитых для барана —
Они как человеку сорок лет.
В душе моей не заживает рана.
Я так устал. Но и поныне
Я с гордостью гляжу назад:
Свободны степи и пустыни
Монгольских миллионных стад;

Новозеландские просторы
Лишь нам теперь принадлежат,
И новорожденных ягнят
Зелёный дом, Памира горы...
Алтай, Монголия, Памир
Вам, людям, предлагают мир
И мирные переговоры.

Кто виноват во всём? — бессмысленный вопрос.
Я столько пережил и столько перенёс...
И я пришёл сюда с надеждой в этот час —
С надеждой мира между наших рас.

М э р и

Ты помнишь ли Буэнос-Айресский погром?

М у т о н

Я сам при этом был, в две тысячи втором...
Когда мои быки громили Аргентину,
Я укрывал людей и усмирял скотину,
Но грубые скоты, словам не покорясь,
И женщин, и детей затапывали в грязь.
Зло неизбежно порождает зло.
И скоро к нам возмездие пришло.
Нам отравляли пастбища и реки.
Так умерла моя подруга Бекки.
Нам выжигали свежую траву,
Теперь я только памятью живу.

М э р и

К чему кривить душой — война и есть война.
И мы сражаемся за вида выживание.
Теперь вам территория дана.
Возможно ль прекратить взаимное страдание?
Да, многие из нас не смогут жить без мяса,
Но я не с ними — вегетарианка я.
Хоть нас не большинство, но партия моя
Уже имеет вес, и мы дождёмся часа...
Вот наша собственная свежая люцерна,
Возьми попробуй — сорт из Форта Сен-Жермен.
(Едят.)

М у т о н

Нуждаемся мы в ваших травах — это верно,
Но, кроме мяса, что мы можем дать взамен?

М э р и

Торговые посты могли бы завести мы.
В обмен на кормовые семена
Мы можем брать ту шерсть, что вам не так нужна,
И молоко нам для детей необходимо...

М у т о н (задумчиво)

Философы пусть комментируют детали
О сосуществовании двух разумных рас.
Но гены человечества едва ли
Проникли, Мэри, только в нас.

Разносит ветром этот вечный вирус,
Меняющийся с каждым днём,
Он в каждом виде по-иному вырос,
Что знаем мы о нём?
Трава, что мы едим, разумной станет,
Дай только срок,
И человеческий ген в траве воспрянет,
И засвистит сверчок.
Что знаем мы об этих переменах,
И что произойдёт тогда?
Без ваших знаний, без наук о генах
Не выживут стада.
Что ум наш без знаний? Философы правы:
Лишь знание над миром даёт тебе власть;
Покорны вам, людям, и гены, и травы —
Так дайте нам знаний, чтоб нам не пропасть.
Пусть будут все наши различья забыты —
Учите нас, люди, как малых ягнят,
Компьютерных клавиш коснется копыто
И струны гитары под ним задрожат.

(Внезапно.)

Мне горло душит... Ах, прости — не знаю, что со мною.

Волнуюсь я, и дух в смятении мой.

(Смотрит на блюдо с люцерной.)

Зелёная трава... проростки, как весною...

Как только снег сойдёт... так прошлою зимой

Скрывался я от вас в горах Памира,
Где скалы чёрные да вечные снега...
За голову мою и за мои рога,
Представь себе, сулили Нобелевку Мира....
Вот так прошла последняя зима.
За мной одним охотился весь мир.
Да ты ведь знаешь всё это сама.

М э р и

Поверь мне, я не знала про Памир.

М у т о н

А если б знала — ты бы донесла?

М э р и

Как можешь ты... Ведь я тебе тогда
Открыла... на волю двери... (*Задыхается.*)

М у т о н

Что... что с тобою?! Ласковая Мэри!

Мэри падает. Мутон склоняется к ней.

М у т о н

Тяжелое дыхание... мутный взгляд...
Нет! Нет! Измена! Яд!
(*Хватает блюдо с люцерной, нюхает стебли.*)
Но кто посмел бы отравить посла?
(*Задыхается.*)

*Звук сверчка.
Вбегает охрана.*

М э р и .

Мутон. Прости. Тебя я не спасла.
Мы дети разных рас. Так было суждено...
(Умирает.)

М у т о н .

Трава — вкусна, душиста, зелена...
Она людьми нам для питания дана...
Ах, так не всё ль равно,
Коль вечной жизни не дано.
(Умирает.)

Военно-Учёный Совет.

Ч л е н ы С о в е т а

— Всем достался, всех заполнил,
От коровы до цветка
Ген идеи человека,
Нашей сути ДНК.

ДНК от человека
Есть у каждого куста —
В миллионы видов разом
Засадили мы наш разум,
Наша совесть нечиста.

— Всё, что дышит, всё, что живо,
Всё теперь умно и лживо,
И наивно, и коварно,
И, как мы, тоталитарно.

Есть у всех созданий в мире
До последнего рачка
Ген души от человека,
Нашей сути ДНК.

— Так поэтому и нужно
Всем зажить отныне дружно,
Если можем мы друг с другом
Всё, как люди, обсудить.

— Обсудить, конечно, можно,
И практически несложно,
Но никто не хочет слушать,
Всё в природе хочет кушать,
И этого не отменить.

Лев с бараном лягут рядом,
Только если каждый сыт,
Если голод в организме,
Он забудет всякий стыд.

— Каждый злак и каждый жук
Пожинает плод наук,
Человеческие гены
Им от нас достались вдруг,

Жук обдумывает, как
Лучше съесть разумный злак,
Не надейтесь — этот злак
Тоже вовсе не дурак.

— Миллион разумных рас
Ополчился против нас —
Кто ж из них умнее станет,
Изменяясь каждый час?

У бактерий есть умы,
У холеры и чумы,
Кто б из них ни стал хитрее,
Первой жертвой будем мы.

— В поле черви-переростки
Выползают из земли,
В море склизкие медузы
Окружают корабли.

Альбатросы ходят тучей,
Самолёт затмив летучий,
Каждый зверь и каждый гад
Нас теперь обидеть рад.

— Шар земной в тумане светит
Среди тысячи планет,
Кто увидит, кто заметит
Солнца отражённый свет?

Наказание какое,
Это что же за беда,
Как динозавры в мезозое,
Вымираем навсегда.

А л ь ц е с т

Пора, друзья мои, пора,
Уже прохладны вечера,
Наук безумных доктора,
Мы в тупике.
Мы у людей забрали ген,
Надежду дали им взамен,
В лаборатории, как в плен,
Бредём в тоске.

От жизни взяли мы своё,
В халатах белых вороньё,
Мы препарируем её,
Но есть черта,
Когда ты замыкаешь круг,
И скальпель падает из рук,
И понимаешь — всё вокруг
Есть суета.

О, если б можно было взять
И повернуть бы время вспять.
И, засыпая, не считать
Своих овец...

Пятнадцать только бы минут
Ещё поспать — но нас зовут.
Мы знаем — это Страшный Суд,
И нам конец.

Б о р и с. То есть, Геннадий Евгеньич, получается
человечеству конец?.. И даже войны-то не было на-
стоящей.

Г е н а. Вроде бы конец (*думает*). Да, наверно, ко-
нец. Неожиданный, необычный. Но — биологически
логичный.

Б и л л. А жалко. Только мы холодильники наладили.
Пойду проверю холодильники. (*Уходит.*)

Б о р и с. Ультрацентрифугу надо бы всё же посмотреть.
Наверно, просто предохранитель сгорел. (*Уходит.*)

Г е н а (*один, в белом халате, с пучком травы в ку-
лаке*). А может быть, ещё не конец?..

А л ь ц е с т

Забит последний гол, и поле опустело.
Душа пуста, и скоро опустеет тело.
Я человечеству пою в его последний час,
Ведь вскорости уже не будет нас.

Уходим мы в небытие — досадно,
Но что же делать — чистая игра,
Всё ДНК, эх, будь она неладна.
Чисты озера и прохладны вечера,
Двенадцать пробило — пора, друзья мои, пора.
Не будет нас в лачугах и в дворцах,
Весь мир оставшийся о нас забудет,
Нужды не будет ни в глупцах, ни в мудрецах,
И наше солнце вновь взойдет, но нас уже не будет —
Ни грусти, ни любви, ни городов, ни рас,
Да, больше никогда не будет нас.

На стогнах городов, на камне площадей
Мы распряжём своих последних лошадей,
Уйдём в небытие без вздоха и без стога.
Вот так закончилась история людей —
Наивной песенкой про Мэри и Мутона.

Звук сверчка.

ЕЩЁ НЕ КОНЕЦ...

ЭПИЛОГ

*Год 2999. Астронавты с запущенного в 1999 году
корабля «Предприятие» вернулись на Землю через
1000 лет, покорив пространство и время. На
Земле нет людей, нет зверей, птиц и насекомых, и
только травы, травы...*

*Астронавты ставят старинную видеозапись, на
ней — Форт Сен-Жермен, 2030 год. Постаревший
Аркадий Бэр, в одиночестве. Длинные седые
волосы, глубокие морщины, ясные глаза и ум.*

А р к а д и й Б э р
Я в Форте Сен-Жермен. Я в самозаточеньи
С запасами еды провёл семнадцать лет,
Как Монте-Кристо. Но кончается мой век.
Я на Земле — последний человек.
Ещё одно прекрасное мгновенье —
И летопись людей сойдёт на нет,
Семь лет молчит мой верный Интернет,
Мой телевизор пуст. И, безразличьем полны,
По радио лишь молнии разряд несут мне волны.
Лишь книги под рукой да плёнки старых лет
Мой коротают день. Столетия, быть может,
Пройдут, пока иной с других планет
На Землю ступит, всё поймет и подытожит,
Тебе, пришлец, тебе — прощальный мой привет.
Пойми, прости и помолись за нас,
Не повтори ошибку Человека —
Мы, как соринка малая, попали Богу в глаз,
И редкая слеза скатилась с Божиего века.

.

(Запись прерывается.)

Преуменьшать их интеллект не надо,
Без всяких дополнительных затрат
Трава способна стала к производству яда
Сильней, чем всякий ядохимикат.

И вот сижу я, как король на именинах,
Всё подытоживая, кто же был неправ.
Шумите, ветры, на моих равнинах,
Лаская стебли ядовитых трав.

.....

(Запись прерывается совсем.)

А с т р о н а в т ы

Есть в атмосфере ядовитый газ,
Здесь пребыванье пагубно для нас.
Наследники людей и персонажи драмы,
Пять женщин, семь мужчин, мы — Евы и Адамы,
Мы к звёздам снова, в путь, стартуем сей же час.
Другую родину и новую планету,
Не оглянувшись, мы летим искать по свету.
Прочь от Земли — сюда мы больше ни ногой,
Погибнем в космосе или найдём себе мы дом другой.
Опасно промедление, нельзя нам ждать зари.
Ошибку предков снова, смотри не повтори...

(Корабль улетает.)

ВСЁ ЕЩЁ НЕ КОНЕЦ...

ФИНАЛЬНЫЙ ХОР ТРАВ

Дивная зелёная планета
Далеко из космоса видна,
Солнцем неисчерпанным согрета,
Дивная зелёная страна.

Пусть бушуют ураган и вьюга,
Пусть морозно сердце января,
Мы, растенья, не едим друг друга,
Нежную пыльцу ветрам даря.

Не страшны нам зимние морозы,
Зной пустынь и моря грозный вал,
Наши стебли полны целлюлозы,
Наше семя пестует крахмал.

Чудная зелёная планета
Избрана Создателем для нас,
На Земле животных больше нету,
Места нет на ней для хищных рас.

Не нужны нам сердце, кровь и жилы,
Мозг и нервы, мышцы и скелет,
Наша сила — зёрна хлорофилла,
Прочих сил на свете больше нет.

Дивная зелёная планета
Далеко из космоса видна,
Солнцем неисчерпанным согрета,
Дивная зелёная страна.

Звук сверчка

ВОТ ТЕПЕРЬ КОНЕЦ

(1997–1998)

Примечание автора: «Доллина доля» не ставилась на сцене по-русски.

Перевод на болгарский язык, выполненный Таней Масалитиновой (Долината на Доли или Мутиралият Мутон. «Театър», София, 2007, 61(1–3), с. 36–49), был представлен в концертном варианте 31 мая 2007 г. в Еврейском театре «Кешет» (София, Болгария). Режиссёр Ева Волицер; в ролях: Мутон — Вели Чаушев; Мэри — Ева Волицер; Аркадий Бэр и Борис — Юри Меламед; Гена Онегин и Билл — Асен Караниколов.

Литературно-художественное издание

Виктор Фет

ИЗВЕСТНОЕ НЕМНОГИМ

Корректор *В.И. Варламова*
Компьютерная верстка *Н.М. Райзвих*

Подписано в печать 00.00.13. Формат 70×90 ¹/₃₂.
Гарнитура Академическая. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 0.0. Тираж 000 экз. Заказ № 00.

ООО «Академическое издательство «Гео»
630055, Новосибирск, ул. Мусы Джалиля, 3/1
тел./факс: (383) 328-31-13, <http://www.izdatgeo.ru>
Отпечатано в